САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Сокиркин Дмитрий Николаевич

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1908 - 1914)

Специальность: 07.00.03 – всеобщая история

(новое и новейшее время)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Борисенко Виктор Николаевич

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Британская политика в Средиземноморье (1908 – 1911 гг.) 25

1.1 Изменение политического и стратегического положения Великобритании с 1880-х до 1908 г. 25

1.2 Средиземноморская политика Англии в 1908 – 1911 гг. 56

1.3 Теоретическая основа британского стратегического планирования в отношении Средиземного моря 63

Глава 2. Влияние итало-турецкой войны на британскую средиземноморскую стратегию 74

2.1 Отношение Англии к войне и влияние её результатов на британские военно-стратегические планы 74

2.2 Создание Морского генерального штаба и новый судостроительный стандарт 82

2.3 Новая постановка «Средиземноморского вопроса» и варианты его решения 90

Глава 3. Британское средиземноморское стратегическое планирование в период Балканских войн 110

3.1 Влияние Балканского кризиса на средиземноморскую политику Антанты и Тройственного союза 110

3.2 Проблема усиления Королевского военно-морского флота и стратегические взгляды Л. Баттенберга 119

3.3 Флоты великих держав на Средиземном море и вопрос о судьбе Константинополя 130

Глава 4. Проблема военно-стратегического присутствия Англии в Восточном Средиземноморье (1913 – 1914 гг.) 141

4.1 Великобритания и греко-турецкая гонка морских вооружений 141

4.2 Англо-германское соперничество за влияние в Османской империи и Греции 153

4.3 Усиление турецкого флота и англо-русские отношения 165

Выводы 174

Список источников и литературы 183

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. В начале XXI в. Средиземное море продолжает играть важную роль в политической и военной стратегии Великобритании. Современная средиземноморская политика Лондона проводится в рамках Евросоюза и НАТО. Организация Североатлантического договора имеет долгосрочные интересы на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Военно-политические элиты стран альянса напрямую связывают безопасность в Европе с международным положением в Средиземноморье. Рост нестабильности в неевропейских странах региона может привести к прекращению импорта нефти и природного газа в страны Европы, создать угрозу безопасности и благополучию стран-участниц Североатлантического альянса. В последние годы руководством НАТО признано необходимым разработать новую стратегию по отношению к средиземноморскому региону с учетом фактора «арабской весны».

Интересы НАТО и Великобритании в регионе пересекаются с интересами России, воссоединившейся с Крымом и дислоцирующей Черноморский флот в Севастополе. Непосредственно в Средиземноморье Москва располагает пунктом материально-технического обеспечения военно-морского флота в сирийском городе Тартус. Средиземное море имеет важнейшее политическое и стратегическое значение для России, предоставляя выход в Индийский и Атлантический океаны. Ввиду этого Москва активно развивает политическое, экономическое и военно-стратегическое сотрудничество со странами региона, особенно в его восточной части, противостоя блоку НАТО. Корни этого противостояния восходят к англо-русскому соперничеству в Средиземноморье, наиболее активная фаза которого приходится на XIX – начало XX столетия. Даже после образования Антанты нерешённым вопросом двусторонних отношений, связанным со средиземноморским регионом, оставался статус проливов Босфор и Дарданеллы. Во время Первой мировой войны регион стал

одним из решающих театров боевых действий, поскольку почти все участвовавшие в них европейские державы являлись средиземноморскими государствами.

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что многие политические и стратегические факторы рубежа XIX – XX веков, связанные со Средиземноморьем, сохраняют свою актуальность в начале XXI столетия. Анализ и оценка исторического прошлого может способствовать поиску оптимального решения возникающих проблем в международных отношениях.

Степень научной разработанности темы. Имеющаяся историография по теме настоящего диссертационного исследования включает в себя несколько уровней:

- литература, посвященная системе международных отношений конца XIX – начала XX века и происхождению Первой мировой войны;

- работы, рассматривающие различные аспекты внешней политики Великобритании в исследуемый исторический период;

- группа исследований, связанных с историей флота и военно-морского стратегического планирования;

- труды по истории британского военно-морского присутствия в исследуемом регионе;

- исследования по отдельным аспектам региональной ситуации в Средиземноморье.

Советские историки анализировали противоречия между великими державами начала XX века, изучая историю дипломатии и причины Первой мировой войны. Этому способствовало издание в 1920-е годы отечественных и зарубежных архивных документов. В 1927 г. увидела свет монография Е.В.

Тарле «Европа в эпоху империализма. 1871-1919»[1]. Автор, пытаясь ответить на вопрос, кто являлся виновником развязывания Первой мировой войны, пришел к выводу об обоюдной вине держав Антанты и Тройственного союза. В 1930-е гг. стимулом для исследователей истоков Первой мировой войны стало назревание нового глобального конфликта. Именно тогда была опубликована работа Н.П. Полетики, где анализировались империалистические противоречия великих держав конца XIX – начала XX в.[2]. Н.П. Полетика, как ранее Е.В. Тарле, подчеркивал, что главная причина антагонизма между Лондоном и Берлином заключалась в германском военно-морском строительстве. При этом Тарле считал, что Великобритания была способна сохранять роль постоянного лидера в гонке вооружений на море. Полетика рассматривал подобное мнение как «слишком поверхностное»[3], делая упор на то, что Великобритании, так же как и Германии, приходилось искать союзников для ведения морской войны[4]. М.Э. Айрапетян и А.А. Могилевич уделили особое внимание ситуации на Средиземном море в годы, непосредственно предшествовавшие началу Первой мировой войны. В своей книге «На путях к мировой войне 1914–1918 гг.» исследователи проанализировали воздействие на международную ситуацию итало-турецкой войны, Балканских войн 1912–1913 гг. и кризиса, связанного с отправкой в Константинополь германской военной миссии Лимана фон Сандерса[5]. Влияние развития военно-морских сил на возникновение англо-германских противоречий было также отмечено В.М. Хвостовым в написанной им главе второго тома «Истории дипломатии», вышедшего в свет в 1945 г.[6]

Сложная внутренняя и международная обстановка 1940-х гг. на время отвлекли внимание советских исследователей от изучения проблем, связанных

---

[1] *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. 1871-1919. М.,Л: Госиздат, 1927
[2] *Полетика Н.П.* Возникновение мировой войны. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935
[3] Там же. С. 144
[4] Там же. С. 144–145
[5] *Айрапетян М.Э., Могилевич А.А.* На путях к мировой войне 1914-1918гг. М.: ОГИЗ, 1940
[6] История дипломатии / под ред. В.П. Потёмкина. Т. 2. М.;Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945 С. 128–133

с взаимоотношениями великих держав в начале XX в. Возрождение интереса отечественной исторической науки к проблематике Первой мировой войны приходится на 1960 –70-е гг. В определенной мере это было связано с наступлением 50-й годовщины со дня её начала. Для указанного периода характерна научная разработка новых аспектов взаимоотношений великих держав предвоенного времени на основании вновь опубликованных документов из архива российского МИДа. К.Б. Виноградов в своей работе, посвященной буржуазной историографии войны[7], проанализировал мемуары военных лет, советские и зарубежные издания документов, а также сочинения буржуазных историков по изучаемой проблематике. При этом автор подчеркнул особенности советской историографии Первой мировой войны. В монографии «Боснийский кризис 1908-1909 гг.»[8] Виноградов рассмотрел позиции европейских держав и завуалированное противодействие со стороны Великобритании планам Петербурга в отношении Черноморских проливов. В то же время комплексное исследование борьбы великих держав за политическое, экономическое и военно-стратегическое преобладание в мире конца XIX— начала XX вв. было проведено А.И. Звавичем[9].

В контексте собственно британской внешней политики отечественных историков интересовали в первую очередь проблемы отношений Великобритании и России. В монографии А.В. Игнатьева «Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908—1914)»[10] проанализированы экономические отношения двух стран и их влияние на разработку внешнеполитического курса, показаны зигзаги британской дипломатии в период основных предвоенных кризисов. Автор уделил внимание как разногласиям, так и сближающим моментам в позициях сторон.

---

[7] *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография Первой мировой войны. М.: Соцэкгиз, 1962
[8] *Он же.* Боснийский кризис 1908-1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л.: Издательство ЛГУ, 1964
[9] *Звавич А.И.* Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М.: Учпедгиз, 1962
[10] *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908-1914). М.: Соцэкгиз, 1962

Игнатьевым было подчеркнуто то обстоятельство, что политические и военные обязательства участников Антанты в отношении друг друга первоначально носили неофициальный устный характер[11]. Помимо англо-русских отношений советские историки анализировали особенности политики Великобритании на Балканах и Ближнем Востоке[12]. Так, И.С. Галкин попытался сопоставить балканские интересы Лондона с интересами других великих европейских держав. Англо-германское соперничество на Ближнем Востоке изучалось Г.Л. Бондаревским, А.С. Аветяном и А.С. Силиным.

Отечественная историческая наука сохранила интерес к различным аспектам британской внешней политики и на рубеже 1970 – 1980-х гг. Проблематику англо-русских отношений накануне Первой мировой войны вновь затронула в своей монографии А.Ф. Остальцева[13]. В качестве главной причины глобального конфликта начала XX в. автор указала всё более обострявшийся англо-германский антагонизм, на фоне которого проследила эволюцию традиционной британской политики «блестящей изоляции» в сторону сближения с русско-французским союзом.

В 1990-е гг. появились работы, свободные от идеологических установок советского времени. В постсоветский период не ослабевал интерес российских историков к дипломатическим, а также социально-политическим и экономическим аспектам истории Первой мировой войны[14]. В частности, самой войне и ее предпосылкам посвящены две части фундаментальной публикации

---

[11] *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения… С. 228

[12] *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905−1912 гг. М.: Издательство МГУ, 1960; *Аветян А.С.* Германский империализм на Ближнем Востоке: Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М.: «Международные отношения», 1966; *Бондаревский Г.Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX – начало XX вв.). М.: «Наука», 1968; *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908-1914). М.: «Наука», 1976

[13] *Остальцова А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905-1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1977

[14] Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М.: «Наука», 1994; Первая мировая война: пролог XX века / отв. ред. В.Л. Мальков. М.: «Наука», 1998; *Туполев Б.М.* Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 19–62

«Мировые войны XX века», выпущенный Институтом всеобщей истории РАН[15]. Начатое в советскую эпоху изучение англо-русских отношений было продолжено А.Г. Сенокосовым и Е.Ю. Сергеевым [16]. Различные аспекты англо-германского соперничества и его влияние на систему международных отношений проанализированы в работе Е.В. Романовой[17]. Средиземноморскую политику Великобритании начала XX века исследовала Ю.В. Лунёва[18].

Отдельно следует рассмотреть работы по истории военно-морских флотов и планированию боевых действий. В 1920-е гг. на страницах специализированного периодического издания «Морской сборник» был опубликован ряд работ, исследовавших опыт подготовки и проведения военных операций в Средиземноморье. В очерке А. Шталя[19] было подчеркнуто значение англо-французского соглашения 1912 г., сформулированы задачи, стоявшие перед германской средиземноморской эскадрой, охарактеризованы международная позиция Италии, а также политика Англии в Турции. Стратегическое положение России на Черном море в условиях усиления турецкого флота под руководством британской военно-морской миссии было представлено в работе М. Петрова[20]. В «Морском сборнике» также появились работы, посвященные истории англо-французских морских переговоров[21]. Содержание средиземноморских стратегических планов Тройственного союза рассмотрел К. Зотов[22]. Расстановку сил в Средиземноморье к моменту вступления в европейскую войну Османской империи обрисовал А.

---

[15] Мировые войны XX века: Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / науч. рук. В.Л. Мальков, отв. ред. Г.Д. Шкундин – 686 с.; Кн. 2: Первая мировая война: Документы и материалы / науч. рук. Б.М. Туполев, отв. ред. В.К. Шацилло. М.: «Наука», 2002

[16] *Сенокосов А.Г.* Англия и Антанта: на пути к военно-политическому союзу: дис. … канд. ист. наук. М., 2005; *Сергеев Е.Ю.* Англо-русская Антанта 1907 года. Новые аспекты // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 50–65; *Он же.* «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях России и Великобритании // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. №2. 2008. С. 80–93

[17] *Романова Е.В.* Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898−1914 гг. М.: МАКС Пресс, 2008

[18] *Лунева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908−1914). М.: Квадрига, 2010

[19] *Шталь А.* Стратегический очерк военных действий в Средиземном море в мировую войну // Морской сборник. 1921. № 3–6. С. 13–60

[20] *Петров М.* Задачи и планы русского флота в период, предшествовавший мировой войне (1880 – 1914) // Морской сборник. 1925. № 8. С. 19–30; № 9. С. 81–101

[21] *Ловягин А.* Рецидив англо-французской морской Антанты // Морской сборник. 1928. № 10. С. 83–96

[22] *Зотов К.* Австрийский флот на весах мировой войны // Морской сборник. 1929. № 8–9. С. 118–131

Коленковский[23] в отдельной монографии, рассказывающей о Дарданелльской операции.

После окончания Второй мировой войны советскими историками были подготовлены работы по военно-морской политике Великобритании конца XIX – начала XX вв. В статье Н.А. Ерофеева «Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г.»[24] проанализирована история принятия Великобританией так называемого «двухдержавного стандарта» для военно-морских сил. А.Н. Васильев в работе «Военно-морская политика Великобритании и позиция доминионов накануне Первой мировой войны» охарактеризовал отношение отдельных частей Британской империи к морской политике метрополии[25].

По определённым причинам интерес к истории военно-морских сил флота Великобритании начала XX века проявляли советские авторы, изучавшие англо-германское морское соперничество[26]. Проблемы, связанные с Королевским военно-морским флотом, рассматривались и в биографиях известных британских политиков, написанных советскими англоведами[27]. Так, один из разделов книги В.Г. Трухановского «Уинстон Черчилль» был посвящен пребыванию британского политического деятеля в должности Первого лорда Адмиралтейства (военно-морского министра).

Новым словом в отечественной историографии стали работы Д.В. Лихарева. Автор изучил отдельные вопросы, связанные с англо-германским морским противостоянием, биографии политических и военно-морских деятелей Великобритании, борьбу представителей британской правящей элиты

---

[23] *Коленковский А.К.* Дарданелльская операция. М.;Л.: ГИЗ, 1930

[24] *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г. // Проблемы британской истории. 1972. М.: «Наука», 1973. С. 169–196

[25] *Васильев А.Н.* Военно-морская политика Великобритании и позиция доминионов накануне Первой мировой войны // Вестник Ленинградского университета. Серия: история, язык, литература. 1983. Вып. 1. С. 107–109

[26] *Сокольская Н.Ф.* Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия конца XIX - начала XX века // Ежегодник германской истории. 1987. С. 74-99; *Туполев Б.М.* Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX вв. М.: «Наука», 1991

[27] *Виноградов К.Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М.: «Мысль», 1970; *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М.: Международные отношения, 1982; *Кертман Л.Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: «Мысль», 1990

вокруг вопросов морской политики страны. Политическая ситуация в Средиземноморье, дислокация британского флота и военно-морское стратегическое планирование рассмотрены автором как составляющая главной темы[28]. Одним из главных в публикациях Д.В. Лихарева является тезис о том, что англо-германская гонка морских вооружений привела, наряду с франко-германскими и русско-германскими противоречиями, к Первой мировой войне[29]. Автор рассмотрел военные флоты как своеобразный индикатор роли и места отдельных держав в системе международных отношений.

Проблема взаимоотношений великих держав и различных аспектов внешней политики Великобритании в преддверии Первой мировой войны нашла своё отражение и в зарубежной историографии.

На первом этапе, в 1920 –1930-е гг., непосредственная политическая актуальность изучаемых вопросов предопределила деление западных историков на «антантофилов» и «германофилов». После публикации необходимых документов, были написаны классические работы по проблемам европейской внешней политики начала XX в. К ним относились работы Дж. Гуча, Б. Шмитт, Р. Зонтага и Р. Ситон-Уотсона[30], в которых подчеркивалась агрессивность германской и оборонительный характер английской довоенной внешней политики.

---

[28] *Лихарев Д.В.* Британский флот на пути к Первой мировой войне. 1904 – 1916. // Постигая военную историю / под ред. В.А.Золотарева. М.: Воениздат,, 1991. С. 136 – 154. (Соавт. К.Б. Виноградов); Адмирал Фишер и борьба Великобритании за господство на морях в начале XX века // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 158–177. (Соавт. К.Б. Виноградов); Эра адмирала Фишера: Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1993; Морская политика Великобритании в 1900-1930 гг.: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 1994; Британское Адмиралтейство и стратегическое планирование в «эру Фишера» // Морской флот и морской фактор в истории / под ред. Н.П. Писаревского. Воронеж: Изд. ВГУ, 1997. С. 125 –143; Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война: пролог XX века / под ред. В.Л. Малькова. М.: «Наука», 1998. С. 554 – 570; Уинстон Черчилль и военный флот 1911–1915 // Гуманитарные исследования. 1998. Вып. 2. Уссурийск, Изд. УГПИ, 1998. С. 208 – 224; Likharev D.V. Russian Sources on British Naval History. 1900 – 1918 // The Mariners Mirror. August 1999. Vol. 85. P. 329 – 334

[29] *Лихарев Д.В.* Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны… С. 537

[30] *Gooch G.* Recent Revelations of European Diplomacy. L.: Longmans, Green and Co., 1927; *Schmitt B.* The coming of the war 1914. Vol. 1. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1930; *Sontag R.* European Diplomatic History, 1871-1932. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1933; *Seton-Watson R.* Britain in Europe, 1789-1914: A Survey of Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1937

В рамках англо-американской историографии возникло ещё одно, «ревизионистское», направление. Британские историки-ревизионисты подчеркивали пацифистский настрой правящей элиты Великобритании. К ним относился Г. Никольсон, издавший в 1937 г. книгу, где утверждалось, что сближение Великобритании с Францией и Россией служило вынужденной реакцией на «германский вызов». Автор подчеркивал оборонительный характер переговоров между английским и французским генеральными штабами[31]. Наиболее известным американским представителем «школы ревизионизма» стал С. Фей, утверждавший, что германские правящие круги были помимо собственной воли втянуты в войну вследствие стечения неблагоприятных обстоятельств и агрессивности других держав, среди которых особое место автор уделял России[32]. Английский историк Дж. Тревельян стремился подчеркнуть миролюбивость британского статс-секретаря (министра иностранных дел) Э. Грея, приписав ему стремление «бороться за сохранение мира в Европе и обеспечение Англии сторонников на случай войны», прилагая при этом «постоянные усилия наладить более дружественные отношения с Германией»[33]. Напротив, О. Хэйл в своей монографии «Общественность и дипломатия», вышедшей в 1940 г., охарактеризовал внешнюю политику Великобритании как антигерманскую, «направленную на сохранение империи, во взаимосвязи с Двойственным союзом (Франции и России)»[34]. Хэйл полагал, что «англичане вступили в войну, развязанную по причинам, не имеющим никакого отношения к их жизненным интересам»[35].

Вторая мировая война отвлекла внимание зарубежных исследователей от проблематики Первой мировой войны. Оживление интереса к событиям начала XX в. относится к рубежу 1950 – 1960-х гг. Значительное влияние на развитие

---

[31] *Nicolson H.* Sir Arthur Nicolson. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Co., 1930
[32] *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. 1. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934
[33] *Trevelyan G.* Grey of Fallodon. L.: Longmans, 1937 P. 108, 116
[34] *Hale O.* Publicity and Diplomacy, with special reference to England and Germany. 1890-1914. N.Y.: D. Appleton-Century Co., 1940. P. 444
[35] Ibid

историографии вопроса оказала монография английского историка А. Тэйлора «Борьба за господство в Европе. 1848-1918 гг.». Автор считал, что политика Э. Грея была направлена на поддержание баланса сил на континенте, с целью предотвратить господство Германии в Европе[36]. Тэйлор указывал на то обстоятельство, что Лондон постоянно был готов выступать в защиту русских интересов на Балканах, что вело к ухудшению взаимопонимания с Берлином[37]. Историк считал, что у англичан не могло было быть возражений против «теоретического разрешения на проход через Проливы теоретических военных кораблей России»[38]. Английские политики лишь опасались негативной реакции общественного мнения. По мнению Тэйлора, поскольку Россия не имела Черноморского флота, закрытие Проливов вполне ее устраивало.

В конце 1960-х – 1980-е гг. стали появляться работы, авторы которых стремились объяснить мотивы и цели действий политиков и дипломатов. В монографии З. Стейнер, посвященной формированию и проведению Форин-офис (министерством иностранных дел) английской внешней политики в 1898–1914 гг., отмечается наличие сильных антигерманских настроений у влиятельных чиновников внешнеполитического ведомства[39]. В качестве движущего мотива английской политики указывалось стремление Лондона не допустить германской гегемонии в Европе.

Известный историк П. Кеннеди особо подчеркнул в своих трудах влияние экономического потенциала на военную и военно-морскую мощь страны[40].

В зарубежной историографии получила определенное освещение ближневосточная политика Великобритании. Г. Клэйтон в своей работе

---

[36] *Тэйлор А.* Борьба за господство в Европе. 1848-1918. М., 1958. С. 444
[37] Там же. С. 485
[38] Там же. С.449
[39] *Steiner Z.* The Foreign Office and foreign policy, 1898-1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1969
[40] *Kennedy P.* The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860–1914. London, Boston: Allen & Unwin, 1980; Strategy and Diplomacy 1870–1945. London: George Allen and Unwin, 1983; The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Vintage Books, 1987

«Британия и Восточный вопрос»[41] характеризует политику Великобритании в Турции, как миролюбивую и охранительную. Процесс выработки британской политики в отношении младотурок подробно рассмотрен в работе Дж. Геллера[42].

Изучению военно-морской политики Великобритании перед началом Первой мировой войны способствовала публикация британских дипломатических документов в конце 1920-х гг. Англо-германское колониальное и морское соперничество, как главная причина европейского конфликта, вызвало особый интерес со стороны историков-маринистов. Лучшей работой по данной проблематике межвоенного периода считается книга Э. Вудворда «Великобритания и германский военный флот» (1935 г.)[43]. Главными виновниками военно-морского антагонизма между двумя державами автор считал государственных деятелей Германской империи, возлагая лишь частичную ответственность на руководителей британской морской политики. Подобную позицию английского исследователя в определённой степени можно объяснить недоступностью документов британского Адмиралтейства, касающихся стратегического планирования и судостроительных программ начала XX в. Последовавшее затем открытие доступа к архивам английского военно-морского ведомства позволило историкам более детально исследовать вопросы, связанные с военно-морским стратегическим планированием.

Первым исследователем, допущенным к изучению министерских документов стал А. Мардер. Американский профессор написал ставшие классическими работы по военно-морской политике Великобритании конца XIX – начала XX вв.: «Анатомия британской морской мощи. 1880-1905»[44] и

---

[41] *Clayton G.* Britain and the Eastern Question: Missolonghi to Gallipoli. L.: University of London Press, 1971
[42] *Heller J.* British Policy towards the Ottoman Empire. 1908−1914. L.: Frank Cass, 1983
[43] *Woodward E.* Great Britain and the German Navy. Oxford: Oxford Ubiversity Press, 1935
[44] *Marder A.* The Anatomy of British seapower – A history of British naval policy in the preDreadnought era 1880-1905. New York: Frank Cass, 1940

«От Дредноута до Скапа-Флоу. 1905-1919»[45]. Впоследствии вышла в свет монография С. Уильямсона «Политика большой стратегии»[46]. В данной работе прослеживается постепенное становление англо-французских союзнических отношений в рамках Антанты, а также системы совместного стратегического планирования. Ещё один американец, П. Гальперн, подготовил исследование, специально посвящённое средиземноморскому региону – «Военно-морская ситуация на Средиземном море»[47], где в совокупности рассматриваются различные аспекты внешней политики и военной стратегии Великобритании в условиях окончательного формирования двух противоборствовавших блоков европейских держав. Кроме этого, автор уделил внимание отношениям Англии с внеблоковыми средиземноморскими государствами: Испанией, Грецией, Турцией. Главной работой упомянутого ранее историка П. Кеннеди, посвящённой морской политике Великобритании, стала книга «Подъём и упадок британского морского владычества», в которой подробно рассмотрены причины становления и упадка Англии как главной морской державы сквозь призму политических, экономических и стратегических факторов[48].

Среди небританских авторов, изучавших морскую политику Англии в контексте противостояния сначала с Францией и Россией, а затем с Тройственным союзом, можно назвать А. Томази и Т. Роопа[49]. Оба историка проанализировали британскую средиземноморскую стратегию сквозь призму морской политики Франции.

Следует упомянуть о персоналиях руководителей военно-морского ведомства и адмиралов, оказавших влияние на формирование морской

---

[45] *Marder, A.* From Dreadnought to Scapa Flow : the royal navy in fisher era. Vol. 1. The road to war. 1904–1914. Oxford University Press, 1961

[46] *Williamson S.* The Politics of Grand Strategy. Britain and France prepare for War. 1904-1914. Cambrige (Mass.): Harvard University Press, 1969

[47] *Halpern P.* The Mediterranean Naval Situation, 1908-1914 // Harvard Historical Studies, V. 86. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1971

[48] *Kennedy P.* The Rise and Fall of British Naval Mastery. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1976

[49] *Томази А.* Морская война на Адриатическом море. М.;Л.: Военмориздат, 1940; *Ропп Т.* Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871–1904// интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/science/ropp/index.html. (дата обращения: 15.03.2015)

политики Великобритании в начале XX в. К их числу относится биография Д. Фишера, подготовленная Р. Маккеем, который впервые ввел в научный оборот целый ряд источников[50]. Биография крупнейшего английского военно-морского теоретика и историка начала XX в. Дж. Корбетта была опубликована Д. Шурманом[51]. Одной из наиболее информативных биографий У. Черчилля, прослеживающих его влияние на формирование морской политики Великобритании, считается труд Т. Моргана[52].

В контексте настоящего диссертационного исследования представляет определённый интерес вопрос о влиянии на стратегию Англии политической позиции и географического положения внеблоковых средиземноморских государств, к числу которых относилась Османская империя. Столь важный аспект средиземноморской ситуации подробно рассмотрен лишь в одной из глав вышеупомянутой работы Гальперна, а также в отдельной статье из многотомного издания, посвящённого проблематике Среднего Востока[53].

Объектом исследования является политика Великобритании в Средиземноморье перед началом Первой мировой войны.

Предметом исследования является военно-политическое планирование Англии в регионе как средство реализации политических задач.

Целью данной диссертации является изучение средиземноморской политики Великобритании в 1908 – 1914 гг. в условиях дестабилизации региональной ситуации и перегруппировки сил в мире.

К **задачам** настоящей работы относятся:

---

[50] *Mackay R.* Fisher of Kilverstone. Oxford: Oxford University Press, 1973
[51] *Schurman D.* Julian S. Corbett, 1854-1922 : historian of British maritime policy from Drake to Jellicoe. L.: Royal Historical Society, 1981
[52] *Morgan T.* Churchill: Young Man in a Hurry. 1874–1915. N.Y.: Simon and Schuster, 1982
[53] *Rooney C.* "The International Significance of British Naval Missions to the Ottoman Empire, 1908-1914"// Middle Eastern Studies, Vol. 34, No. 1 (January 1998), P. 1–29

- определение целей, задач и характера политики Великобритании в Средиземноморье;

- выделение этапов ее развития;

- анализ взаимосвязи британской средиземноморской политики с общими тенденциями развития англо-германского антагонизма;

- изучение влияния на политику Великобритании позиции внеблоковых средиземноморских государств.

В качестве нижнего **хронологического рубежа** выбран 1908 год. Это время окончательного оформления двух противоборствовавших европейских блоков после заключения англо-русского соглашения. В ходе Боснийского кризиса Германия оказала дипломатическую помощь своему союзнику – Австро-Венгрии. Под влиянием Берлина Вена приступила к осуществлению новой судостроительной программы. С этого момента Великобритания рассматривала Австро-Венгрию в качестве главного потенциального противника в средиземноморском регионе. Усиление австрийского флота дало импульс англо-французскому морскому сотрудничеству в рамках Антанты. В том же году произошла Малодотурецкая революция, ставшая началом нового этапа в англо-турецких отношениях. Эти факторы определяли средиземноморскую ситуацию до 1914 г. В качестве верхнего хронологического рубежа выбрано начало Первой мировой войны в Средиземноморье.

Международные события, рассмотренные в трудах отечественных и зарубежных историков, затрагиваются в диссертации в той степени, в какой это необходимо для понимания эволюции военно-морской стратегии Великобритании.

Источниковая база диссертации представлена российскими и английскими архивными источниками, опубликованными документами

министерств и ведомств, мемуарами, официальной и частной перепиской государственных, дипломатических и военно-морских деятелей, трудами по теории морской войны, материалами специализированных периодических изданий и прессы.

Использованы материалы из фондов Российского государственного архива военно-морского флота. Это позволило проследить связи внешнеполитического курса правительства Великобритании и других государств с развитием их вооруженных сил.

Интерес для автора представили фонды:

- фонд 417, содержащий документы Главного морского штаба (1884 – 1918): рапорты командиров судов о внешней политике и состоянии военно-морских сил Османской империи[54].

- фонд 418, включающий документы Морского Генерального штаба (1906 – 1918): донесения военно-морских агентов в Великобритании, информацию об английской внешней политике, морских стратегических и оперативных планах, состоянии и маневрах флота, взглядах политических и военно-морских деятелей, британском Морском генеральном штабе[55].

- фонд 898, в который входят донесения военно-морских агентов в Турции (1885 – 1914) о внешней политике страны, состоянии турецкого флота, деятельности британской миссии в Константинополе[56].

При работе над диссертацией были использованы электронные версии документов, хранящихся в фондах Национального архива Великобритании. Это материалы, связанные с деятельностью британского правительственного кабинета, министерства иностранных дел, Адмиралтейства, Комитета

[54] РГАВМФ, Ф. 417
[55] РГАВМФ, Ф. 418
[56] РГАВМФ, Ф. 898

имперской обороны. К ним относятся меморандумы и переписка, протоколы заседаний.

В 1920-х и начале 1930-х годов, ввиду особого интереса советского научного сообщества к вопросу о причинах возникновения Первой мировой войны, активно публиковались дипломатические документы из архивов царского правительства. Так, решение проблемы политического статуса Босфора и Дарданелл в начале XX в. подробно представлено материалами сборника «Константинополь и проливы»[57]. Актуальность данной проблемы, являвшейся важнейшей составной частью средиземноморской политической и военной стратегии, возрастала для Великобритании в периоды международных кризисов в средиземноморском регионе. На основании архивных материалов, а также советских и иностранных публикаций дипломатических документов редактор сборника Е.А. Адамов рассмотрел переговоры Н.В. Чарыкова в Константинополе в 1911 г. о русско-турецком соглашении и показал отношение к ним европейских держав, действия России в отношении Проливов во время Балканских войн и миссии Лимана фон Сандерса. Значительно расширили источниковую базу исследования дипломатические документы из фондов Архива внешней политики Российской империи, опубликованные в 1930-х гг. в многотомном издании «Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и временного правительства в 1878 – 1917 гг.»[58] Указанный сборник содержит материалы, позволяющие выявить и исследовать механизмы принятия важнейших политических решений по международным проблемам. В 18–19 томах Серии 2 представлена дипломатическая переписка периода итало-турецкой и Балканских войн. 1–3 тома Серии 3 охватывают период с 1 января 1914 г. и до июльского кризиса.

[57] Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего императорского российского министерства иностранных дел / под ред. Е.А. Адамова. Т. 1. М.;Л.: Литиздат НКИД, 1925

[58] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878-1917 гг. Серия 2. 1900 – 1913 гг. М.; Л.: Госиздат, 1938–1940. – Т. 18, Ч. 1; Т. 18, Ч. 2; Т. 19: Ч. 1; Серия 3. 1914 – 1917 гг. М.; Л.: Госиздат, 1931–1938. – Т. 1–3; Т. 6, Ч. 1

В качестве источников были также использованы зарубежные официальные издания дипломатических документов. К их числу относятся «Британские документы о происхождении войны. 1898 – 1914»[59]. В этом фундаментальном многотомном издании собраны материалы официальной и частной переписки выявляющие позицию Великобритании по делам Ближнего и Среднего Востока, событиям итало-турецкой и Балканских войн, а также при возникновении международных осложнений в связи миссией Лимана фон Сандерса. Важным источником информации являются пометы Э. Грея и чиновников Форин Оффис на донесениях британских дипломатов и их частная переписка. Письма и донесения дипломатов также содержит американское издание «Британские документы по иностранным делам»[60].

Помимо Великобритании высокую дипломатическую и военную активность в Средиземноморье проявляли другие великие европейские державы. Ввиду этого обстоятельства при подготовке диссертации были изучены «Французские дипломатические документы»[61] и «Германские дипломатические документы. 1871-1914»[62]. Это позволило выявить особенности политики указанных государств и понять, как их интересы соотносились с британскими интересами в средиземноморском регионе. В этом ряду следует также упомянуть сборник «Основные договоры между великими державами»[63].

Секретные меморандумы и стратегические разработки британского Адмиралтейства содержатся в работах М. Джилберта[64] и Р. Черчилля[65], посвященных Первому лорду. В документах, относящихся к архивам У.

---

[59] *Gooch G., Temperley H. (ed.)* British Documents on the Origins of the War. 1898 – 1914. (B.D.) Vol. 1, 3, 5, 9–11. L.: H.M. Stationary Office, 1926–1938

[60] *Bourne K., Watt D. (ed.)* British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print (B.D.F.A.). Pt. 1. Series B. Vol.20. Maryland: University Publications of America, 1985

[61] Documents Diplomatique Francaise. 1871–1914. (DDF). Série 2: T. 2–3; Série 3: T. 2–3. Paris: Imprimerie Nationale, 1929–1936

[62] German Diplomatic Documents 1871-1914. Vol. 3. N.Y.: Harper & Brothers, 1930

[63] *Hurst M. (ed.)* Key Treaties for the Great Powers. Vol. 2. Newton Abbot: David & Charles, 1972

[64] *Gilbert M.* Churchill: A life. L.: Pimlico, 2000

[65] *Churchill R.* Winston S. Churchill. The Official Biography. Vol. 2. L.: Minerva, 1991

Селборна[66] и Д. Фишера[67], а также переписке Первого морского лорда[68] и дневникам Г. Ричмонда[69], имеется важнейшая информация о передислокации британского флота и военных планах. Взгляды Фишера на текущую политическую ситуацию выражены в «Записках адмирала», опубликованных в Морском сборнике[70].

Воспоминания и дневники государственных, дипломатических и военно-морских деятелей, несмотря на известную долю субъективности, дополняют и уточняют информацию, содержащуюся в официальных документах. Они являются ценными источниками, ввиду того, что написаны непосредственными участниками и свидетелями событий. Частная переписка высокопоставленных сановников, лишённая дополнительной «ретуши» и полутонов, помогает составить представление об истинных целях британской политики в Средиземноморье. При подготовке диссертации были использованы мемуары адмиралов А. Тирпица[71] и Д. Фишера[72], автобиографическое сочинение У. Черчилля «Мировой кризис. 1911-1918»[73], «Истоки войны» Г. Асквита[74], записки Э. Грея «Двадцать пять лет (1892 – 1916)»[75].

Практика стратегического планирования имела основой теорию военно-морской войны, выраженную в трудах Ф. Коломба[76], А. Мэхена[77] и Дж.

---

[66] *Boyce D. (ed.)* The Crisis of British Power: The Imperial and Naval Papers of the Second Earl of Selborne, 1895-1910 (Selborne Papers). L.: The Historians' Press, 1990
[67] *Kemp P. (ed.)* The Papers of Admiral Sir John Fisher. Vol. 1–2. L.: Navy Records Society, 1960–1964
[68] *Marder A. (ed.)* Fear God and dread nought: the correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone (F.G.D.N.). Volume 2: Years of power, 1904–1914. L: Jonathan Cape, 1956
[69] *Marder A.* Portrait of an Admiral: The Life and Papers of Sir Herbert Richmond. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1952
[70] Записки адмирала великобританского флота Фишера // Морской сборник. 1920. № 8–9, С. 83–90
[71] *Tirpitz A.* My Memoirs. Vol. 2. N.Y.: Dodd, Mead and Co. 1919; *Тирпиц А.* Воспоминания. М.: Вече, 2014
[72] *Fisher J.* Fisher J. Memories. L.; N.Y.: Hodder and Stoughton, 1919
[73] *Churchill W.* The World crisis. Vol. 1. L.: Thornton Butterworth Ltd., 1923
[74] *Asquith G.* The Genesis of the War. L.: Cassell, 1923
[75] *Grey of Fallodon E.* Twenty-Five years (1892 – 1916). Volume 2. L.: Hodder, Stoughton, 1935
[76] *Коломб Ф.* Морская война. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003
[77] *Мэхэн А.* Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002

Корбетта[78]. Изучение указанных работ явилось важным моментом в процессе исследования концепций стратегов британского Адмиралтейства.

Для разнопланового освещения морской политики отдельных государств, стратегических задач, морских манёвров, судостроительных программ и тактико-технических данных кораблей автором использованы материалы, содержащиеся в специализированных официальных изданиях, современных исследуемой эпохе: журнала «Морской сборник», газет «Кронштадтский вестник» и «Русский инвалид».

Изучен материал специализированных английских изданий – “The Naval Annual”, “Naval and Military record”, “Jane’s fighting ships”.

В начале XX столетия обсуждение вопросов, связанных с внешней политикой и стратегическим планированием, стало достоянием широких слоёв общественности. Поскольку рассмотрение проблем формирования внешнеполитического курса государства велось на страницах периодических изданий, важным источником является пресса. Ее материалы не только помогают уточнить официальную линию правящего кабинета, но и отражают реакцию различных общественно-политических групп на действия правительства по тому или иному международному вопросу. Печать дает богатый материал для изучения позиций социальных классов и политических партий. По указанным причинам при подготовке диссертации использовались материалы современных изучаемым событиям выпусков британских газет: “The Times”, “The Times Weekly Edition”, “London gazette”, “Nineteenth century”, “Saturday review”, “Globe”, “Daily Mail”, “Daily News”, “Standard”, “Daily Telegraph”. Особый интерес представляет позиция русских периодических изданий, освещавших британскую морскую политику в условиях перехода от конфронтации к будущему союзу двух держав: газет «Новое время», «Речь», «Россия», «Русские ведомости», «Русское слово».

---

[78] *Корбетт Д.* Некоторые принципы морской стратегии. М.: Госвоениздат, 1932

Методологией диссертационного исследования выбраны системный и структурно-функциональный анализ проблемы. Политическая и военная стратегия Великобритании представляли из себя систему, имевшую определённую структуру, закономерности и механизмы действия. В силу этого применение принципа системности позволило исследовать исторические явления как динамическую систему, обладающую соответствующей структурой и функциональной значимостью. Историческое событие рассматривалось как производное от взаимодействия целого комплекса различных факторов в совокупности конкретных причин и долговременных исторических процессов.

Кроме того, был использован региональный метод, позволивший рассмотреть средиземноморский регион как автономную единицу, которая, будучи частью системы международных отношений, функционирует по общим с ней законам, но вместе с тем уникальна и наделена присущими только ей параметрами.

Научная новизна исследования состоит в том, что это первая отечественная работа, в которой проведён комплексный анализ британской средиземноморской политики начала XX в. Британская стратегия в Средиземноморье указанного периода ранее не рассматривалась историками в совокупности её политической и военной составляющих. Автор впервые в историографии предпринял попытку проследить связь британской внешней политики и военно-стратегического планирования, а также взаимное влияние интересов Великобритании в средиземноморском и черноморском регионах. Кроме того, в настоящем исследовании поставлен вопрос о влиянии проблемы Черноморских проливов на судьбу англо-русского партнерства в рамках Антанты. Введены в научный оборот ранее неисследованные архивные и опубликованные документы, на основе которых даны новые оценки отдельным процессам, имевшим место в Средиземноморье. С целью достижения максимальной объективности и непредвзятости в оценке событий автор стремился критически анализировать историографию изучаемого им вопроса,

сопоставить точки зрения политиков и флотоводцев, принадлежавших противоборствующим сторонам и придерживавшихся противоположных точек зрения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Англия обеспечивала безопасность собственных коммуникаций и военно-морских баз в Средиземноморье при помощи дипломатических соглашений (избегая при этом определенных союзнических обязательств) и дислоцированных в регионе сил Королевского военно-морского флота.

2. В начале XX в. изменился состав партнеров и противников Великобритании. На смену соперничеству с Францией и Россией приходит противостояние с державами Тройственного союза. Каждый международный кризис делал все более напряженными отношения Лондона с Берлином и его средиземноморскими союзниками. С другой стороны, всё более тесным становилось взаимодействие Англии с ее партнером по Антанте – Францией. Вследствие этого британские политики и стратеги отводили все большую роль взаимодействию Королевского флота с французскими военно-морскими силами в деле защиты интересов Англии в средиземноморье.

3. В Восточном Средиземноморье Великобритании приходилось брать в расчет, наряду с австрийскими военно-морскими силами, факт наличия у России планов по обретению контроля над проливами Босфор и Дарданеллы и выхода Черноморского флота в Средиземное море. После заключения англо-русского соглашения 1907 г. Лондон не мог открыто противодействовать при помощи военной силы делая ставку на модернизируемый турецкий флот. Отныне в Великобритании ставку на турецкий флот. Участие Англии в модернизации военно-морских сил Османской империи стало серьезной проблемой англо-русских отношений, но, в конечном итоге, не повлияло на сложившиеся партнерские отношения двух держав в рамках Антанты.

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Подобная структура обусловлена особенностями британской средиземноморской стратегии, предполагавшей обеспечение безопасности как средиземноморских коммуникаций, так и Черноморских проливов. В соответствии с этим первые три главы исследования посвящены британской политике непосредственно в Средиземноморье, четвёртая – защите Босфора и Дарданелл в контексте англо-турецких и англо-русских отношений.

Глава 1. Британская политика в Средиземноморье (1908 – 1911 гг.)

1.1 Изменение политического и стратегического положения Великобритании с 1880-х до 1908 г.

Средиземное море служило наиболее коротким стратегическим и торговым путём, соединявшим Великобританию с её индийскими владениями и странами черноморского региона[79]. Бесперебойное функционирование средиземноморского пути было необходимо с точки зрения обеспечения международного престижа, безопасности и экономического благополучия Великобритании. Экономическое значение средиземноморских коммуникаций иллюстрирует приведенная ниже таблица:

	Черноморский регион	Северная Америка	Индия	Южная Америка	Австралия и Новая Зеландия
Торговый оборот (£ млн.)	21 ¼	20 ½	10 ¼	8 ¼	6 ¼

Источник: Strategy and food supplies: The Mediterranean route // The Times. 4 June 1912. P. 6

Через Суэцкий канал проходило свыше 16% английского импорта и около 21% экспорта[80]. Если в качестве альтернативы Суэцкому каналу могло служить отравление торговых грузов и военных подкреплений вокруг Мыса

[79] British Trade in the Mediterranean, May 1912. Public Record Office (The National Archives). London (PRO). Cabinet Office (CAB) 38/17. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 03.02.2015); *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 144

[80] *Ропп Т.* Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871–1904// интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/science/ropp/index.html. (дата обращения: 16.07.2012)

Доброй Надежды, связанное с потерей времени и более высоким расходом топлива, то подобным образом нельзя было заменить сообщение через проливы Босфор и Дарданеллы[81]. Подданные Великобритании были убеждены в том, что статус их страны как великой державы напрямую связан с позициями в средиземноморском регионе[82]. В целях укрепления указанных позиций Англия овладела Гибралтаром и Мальтой, оккупировала Кипр, а также установила протекторат над Египтом[83]. На о. Мальта дислоцировалась соединение кораблей Королевского военно-морского флота[84].

Подобные меры безопасности были вызваны столкновением интересов Англии в Средиземноморье с интересами Франции и России. Центральным вопросом англо-французских противоречий являлось влияние в Египте, англо-русских – политический статус проливов Босфор и Дарданеллы. В условиях конфронтации с Парижем и Петербургом серьёзное значение имел характер отношений с другими средиземноморскими державами – Италией и Австро-Венгрией. Потенциальная ценность союза с Англией с точки зрения указанных государств заключалась в поддержке силами британского флота. В 1887 г. Англия, Италия и Австро-Венгрия образовали Средиземноморскую Антанту, предусматривавшую поддержание статус-кво в бассейнах Средиземного, Чёрного, Эгейского и Адриатического морей, а также Черноморских проливов[85]. Тем самым укреплялись позиции Англии в Египте, Италии — в Триполитании и Киренаике, Австро-Венгрии — на Балканах[86]. Упомянутое соглашение, заключенное в условиях, когда «русско-французское понимание» стало «равносильно союзу»[87], рассматривалось как противовес последнему. В

---

[81] Strategy and food supplies: The Mediterranean route // The Times. 4 June 1912. P. 6
[82] *Langer W.* Tribulation of Empire: the Mediterranean Problem // Foreign Affairs, July 1937, P. 145
[83] British Trade in the Mediterranean, May 1912. PRO. CAB 38/17. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 03.02.2015)
[84] *Kennedy P.* The Rise and Fall of British Naval Mastery… P. 206
[85] *Pribram A.* The Secret Treaties of Austria Hungary, 1879-1914. Vol. 2. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1921. P. 47–57, 71–78
[86] *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика… С. 170
[87] *Dilke C.* L'Etat actuel de politique en Europe. Paris: Revue générale, 1887. P.1

свою очередь Франция сосредоточила в Тулоне основные силы своего флота, противопоставив их британскому военно-морскому соединению на Мальте[88].

Ответом на подобные действия французской стороны стал принятый английским парламентом в конце мая 1889 г. Акт о морской обороне, согласно которому Королевский военно-морской флот должен был превосходить соединённые силы двух крупнейших морских держав. «Хотя эти державы прямо не назывались, однако при обсуждении закона многие ораторы расшифровали эту формулу, говоря о Франции и России»[89]. Тем самым вводился «двухжержавный стандарт» для британского военного судостроения[90]. Первый лорд Адмиралтейства Д. Гамильтон был уверен, что сам факт опубликования Акта о морской обороне заставит любую враждебную державу отказаться от желания соревноваться с Великобританией[91]. Столь же положительно оценивал указанный закон американский историк А. Мардер, считавший что он «явился орудием сохранения мира»[92]. Иные характеристики были даны Н.А. Ерофеевым и Д. Сумида. Первый из них определил Акт 1889 г. как «сигнал к новому этапу гонки морских вооружений», которая «не могла не повести к дальнейшему обострению противоречий между державами и ухудшению международного положения»[93]. По утверждению Сумиды таким образом было положено начало «стратегии численного превосходства», то есть гонке морских вооружений[94]. Хотя Акт о морской обороне 1889 г. фактически брал в расчет силы Франции и России, третье место среди морских держав принадлежало на тот момент Италии[95]. Об этом говорят следующие цифры, относящиеся к 1 апреля 1888 г.:

---

[88] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 144
[89] *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика… С. 194
[90] Там же. С. 169
[91] Там же. С. 174
[92] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 17
[93] *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика… С. 196
[94] *Sumida J.* In Defence of Naval Supremacy: Finance, Technology, and British Naval Policy, 1889-1914. L.;N.Y.: Routledge, 1993. P. 13
[95] Донесение военно-морского агента в Италии об откликах на увеличение австрийского флота // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3803. Л. 10

	Боевых судов	Крейсеров	Судов для прибрежной обороны	Минных судов и миноносок	Всего
Англия	49	87	12	176	324
Франция	30	67	19	140	256
Россия	9	25	24	97	155
Германия	13	29	15	96	153
Италия	21	21	–	138	180

Источник: Число боевых судов пяти главнейших флотов // Морской сборник. 1888. № 8. С. 46

Итальянский фактор играл важную роль в средиземноморской политике консервативного кабинета лорда Солсбери, вступившего в Средиземноморскую Антанту 1887 г. Коалиция Англии, Австро-Венгрии и Италии распалась после выборов 1892 г., когда к власти пришли либералы во главе с У. Гладстоном[96]. Другим фактором, обусловившим ее распад, стала растущая слабость итальянского флота[97], которую не могли игнорировать «даже те англичане, которые склонялись к союзу с Италией»[98], а также отсутствие гарантий военно-морской помощи своим партнёрам со стороны самой Англии. Вышеуказанные обстоятельства, а также нарастание итало-австрийских противоречий и англо-германского антагонизма сделали недолговечной Средиземноморскую Антанту 1887 г. Тем не менее, англо-австро-итальянская демонстрация у Барселоны 1888 г., визиты британского флота в Фиуме и Венецию, а также посещение германским кайзером Лондона, вызвали опасения Франции и России относительно того, что Англия со временем могла бы присоединиться к Тройственному союзу.

[96] *Knaplund P.* Gladstone's Foreign Policy. N.Y.: Harper & Bros, 1935. P. 14
[97] Донесение военно-морского агента в Италии… Л. 10 –11
[98] *Ропп Т.* Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871–1904// интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/science/ropp/index.html. (дата обращения: 15.03.2015)

Следствием этих опасений стал визит французского флота в Кронштадт в июле 1891 года[99] и ответный визит в октябре 1893 г. русской эскадры в Тулон. Газета “The Times” писала в редакторской статье по поводу тулонских торжеств: «результатом этого могут стать совместные действия флотов Франции и России в водах Средиземного моря»[100]. Согласно прогнозу английского военно-морского теоретика адмирала Ф. Коломба, Франция и Россия должны были нанести первый удар по британскому флоту именно на Средиземном море. Коломб подчёркивал, что исход этого столкновения должен был определить судьбу Европы «на века вперед»[101]. Между тем руководство французским флотом относилось весьма скептически к самому принципу оперативного взаимодействия союзных морских сил во время войны. По мнению французов, управление русскими эскадрами осуществлялось «настолько дурно», что они, несмотря на свою номинальную мощь, «скорее будут обременять — если не парализуют» их собственные силы[102]. Обоюдная выгода от франко-русского союза для каждой из сторон заключалась в отвлечении на себя партнером части сил Королевского флота. Это позволило бы Черноморскому флоту укрепиться в Константинополе, а тулонской эскадре – прорваться через Гибралтар в Атлантику[103]. Возникшая стратегическая проблема вызвала дискуссию в британских военно-морских кругах. В конечном итоге были предложены три варианта её решения[104].

С точки зрения так называемой «Ла-Маншской школы», возглавляемой вышеупомянутым адмиралом Ф. Коломбом, было необходимо в первую очередь укреплять Ла-Маншскую эскадру, способную при необходимости прибыть в Гибралтар через 4 дня. При этом Коломб указывал на наличие у

---

[99] *Langer W.* The Diplomacy of Imperialism, 1890-1902. Vol. 1. L.; N.Y.: Alfred A. Knopf, 1935. P. 18
[100] Editorial // The Times. 28 October 1893. P. 9
[101] *Colomb P.* Our Strategic Position in the Mediterranean // The Naval Annual. 1894. P. 139
[102] *Ponn T.* Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871–1904// интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/science/ropp/index.html. (дата обращения: 15.03.2015)
[103] *Kennan G.* The Fateful Alliance: France, Russia and the coming of the First World War. Manchester: Manchester University Press, 1984. P. 223
[104] Ibid. P. 210–211

Франции в Средиземноморье минных судов, которыми Великобритания не располагала в этом регионе[105]. Радиус действия подобных судов был ограничен. Следовательно, они не могли сопровождать французский флот при попытке последнего прорваться из Средиземноморья в Атлантику. Таким образом, во время возможного генерального сражения около Гибралтара британские силы оказывались в более выигрышном положении, чем в пределах радиуса действия французских минных судов, дислоцированных в Тулоне[106]. Следовательно, в мирное время английский Средиземноморский флот мог уступать по мощи французам[107].

Другая группа получила наименование «отзовисты». К их числу относился подполковник Х. Элсдейл, опубликовавший в феврале 1895 г. статью под заголовком «Следует ли нам удерживать Средиземноморье во время войны?» По мнению Элсдейла лучшим стратегическим решением в случае войны против Франции или франко-русской коалиции был бы вывод всех сил британского флота из Средиземноморья в начале войны. На месте оставалась только та их часть, которая была бы необходима для поддержки обороне Мальты. Из Египта и с Кипра должны были быть выведены сухопутные войска. Выходы из Средиземного и Красного морей закупоривались возросшими силами, дислоцированными в Гибралтаре и Периме. «Таким образом, – писал Элсдейл, – на первом этапе войны мы добьемся подавляющего превосходства в силе на просторах мирового океана за пределами Средиземноморья. Мы обезопасим нашу обширную торговлю и поставки продовольствия нашему населению и сможем отрезать и захватить, располагая свободой рук, некоторые или все многочисленные морские базы и важные колониальные владения Франции за пределами Средиземноморья»[108]. Если бы этого оказалось недостаточно для победного завершения войны, британцы все равно

---

[105] *Colomb P.* England in the Mediterranean // The North American Review. May 1894. Vol. 158. No. 450. P. 591
[106] Ibid
[107] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 210
[108] *Elsdale H.* Should We Hold on to the Mediterranean in War? // The Nineteenth Century. February 1895. Vol. 37. No.216. P. 225

находились бы в наиболее благоприятном положении для повторного входа в Средиземноморье с целью разгрома неприятельских сил[109].

В следующем месяце увидела свет работа морского писателя и корреспондента газеты “The Times” У. Лэйрд-Клауза под названием «Ярмо на шее Англии»[110]. Клауз выразил мнение, что Королевский флот не был достаточно силен для выполнения поставленных перед ним задач[111]. К слабым сторонам можно было отнести недостаток средиземноморских баз. Для того, чтобы добавить новые базы к уже существовавшим Гибралтару и Мальте вероятнее всего пришлось бы столкнуться с международными осложнениями, а для укрепления Средиземноморского флота до нужного уровня пришлось бы понести расходы, которые вряд ли были бы утверждены парламентом. «Нынешняя политика, - утверждал автор, - стремящаяся поддерживать Средиземноморский флот силами Ла-Маншской эскадры является не более чем временной мерой. Она не может гарантировать, что враг не вклинится между двумя нашими оперативными соединениями, разбив одно из них или оба по отдельности. Мы также не должны рассматривать Италию в качестве надёжного союзника… единственная стоящая альтернатива… заключается в уходе оттуда прямо сейчас… пока мы ещё можем уйти с достоинством, и даже… с выгодой для себя»[112]. Под «уходом» Клауз подразумевал прекращение постоянного военно-морского присутствия в регионе: «мы должны стать в Средиземноморье гостями вместо постоянных жильцов»[113]. Автор подкрепил свое заявление следующими аргументами. В мирное время британская средиземноморская торговля не подвергалась опасности. Во время войны она в любом случае должна была прекратиться из-за угрозы со стороны минных судов потенциальных противников. «Что касается утверждения об охране Средиземноморья как дороги в Индию во время войны… Даже если бы мы

---

[109] *Elsdale H.* Should We Hold on to the Mediterranean… P. 225
[110] *Clowes W.* The Millstone around the Neck of England // The Nineteenth Century. March 1895. Vol. 37. No. 217. P. 369–381
[111] Ibid. P. 371
[112] Ibid. P. 371
[113] Ibid. P. 372

держали на обеих берегах Суэцкого канала всю военную силу империи, я сомневаюсь в нашей способности помешать умелому и искусному противнику, каким бы слабым он ни был, блокировать проход где и когда он посчитает нужным сделать это»[114]. Клауз полагал, что в военное время британские коммуникации с Индией должны были проходить вокруг Мыса Доброй Надежды[115]. «Наша дорога [в Индию] должна проходить через океан или нашу собственную территорию, а не через каналы, принадлежащие другим народам»[116]. При этом он сделал оговорку с учётом напряжённости в англо-русских отношениях: «нам… следует и после ухода отправлять корабли к Проливам»[117]. Кроме того, направляя в Средиземноморье силы Королевского флота можно было бы эффективно использовать как временные базы средиземноморские порты возможных союзников[118]. Уход из Средиземноморья должен был повлечь за собою передачу в руки других государств Египта, Кипра и Мальты. В Египте в качестве преемника Великобритании Клауз видел Францию. По его мнению Англия могла, в обмен на обещание поддержки в какой либо другой форме, вновь передать Турции права управления Кипром. Что касается Мальты, то остров мог быть предложен римскому папе в качестве владения с нейтральным международным статусом[119]. «Инстинкт самосохранения подсказывает нам уйти из Средиземноморья, став хозяевами Танжера… Мы не хотим запирать Средиземноморье в мирное время и даже во время войны, за исключением противодействия тем кораблям, которые стремятся напасть на нас… Утверждение в Марокко даст нам безопасность… наши действия не будут представлять никакой угрозы для Испании. Франция, я надеюсь, будет компенсирована эвакуацией нами Египта… если мы приступим к делу с решительностью, продуманностью и соответствующей силой, я верю,

---

[114] *Clowes W.* The Millstone around the Neck of England… P. 372
[115] Ibid
[116] Ibid
[117] Ibid
[118] Ibid
[119] Ibid. P. 374

что дело будет сделано… без войны с какой либо европейской державой»[120]. По плану Клауза Танжер должен был стать штаб-квартирой вновь созданной Атлантической эскадры, зона ответственности которой на севере соприкасалась с зоной ответственности эскадры Ла-Манша, а на юге – эскадр Мыса Доброй Надежды и побережья Западной Африки. Атлантическая эскадра должна была стать сильнейшим и лучшим соединением. Ввиду поддержки со стороны эскадры Ла-Манша, она в мирное время могла уступать по силе существовавшему Средиземноморскому флоту[121]. В своей следующей статье «Ответ на хвастовство о Средиземноморье» Клауз дал понять, что уход из южных вод не означал для Англии полного «сжигания мостов»: «В случае, если нам когда либо… придётся отстаивать нашу честь или наши материальные интересы, мы конечно снова вернёмся в Средиземноморье»[122].

У «отзовистов» нашлись влиятельные оппоненты, в числе которых был Первый лорд Адмиралтейства Д. Спенсер. Критикуя взгляды Клауза министр подчёркивал недопустимость «оставления Средиземноморья»[123]. Спенсера поддержал редактор ежегодника “The Naval Annual” Т. Брассей: «Оставляя Средиземноморье, мы перестаём быть великой европейской державой… достоинство, богатство и влияние Англии… зависят от сохранения ею доминирующей позиции в этом регионе»[124]. В качестве ещё одного противника ухода сил Королевского флота из южных европейских вод выступил Д. Кларк. Будущий секретарь Комитета имперской обороны[125], следующим образом прогнозировал политические последствия подобного шага: «Египет станет французской колонией, Триполи разделит участь Туниса, Мальта перейдёт к

---

[120] *Clowes W.* The Millstone around the Neck of England… P. 378–379
[121] Ibid. P. 379
[122] *Clowes W.* Braggadocio about the Mediterranean – a Rejoinder//The Nineteenth Century. May 1895. Vol. 37. No. 219. P. 882
[123] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 214
[124] Цит. по *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 209
[125] Комитет имперской обороны был создан в 1902 г. по инициативе премьер-министра А. Бальфура. Комитет, в который входили премьер-министр, ряд ключевых министров, а также высший командный состав армии и флота, координировал деятельность различных ведомств, отвечавших за обеспечение безопасности Британской империи. Решения, выработанные Комитетом, носили рекомендательный характер

папе, Кипр будет возвращён Порте»[126]. Франция станет бесспорной хозяйкой Средиземного моря со значительным прибавлением територии и ростом могущества[127]. Нарушение долго существовавшего равновесия силы вероятнее всего вызовет европейскую войну. «Мы не имеем права подвергать подобной опасности другие нации будучи связаны международными обязательствами»[128]. Кларк попытался сыграть на чувстве национальной чести британцев, подчеркнув, что присутствие Англии в «величайшем внутреннем море» насчитывало в общей сложности семь столетий, было почти непрерывным двести и неоспоримым девяносто лет[129]. «Национальная честь, блестящие традиции и неизменные принципы морской стратегии одинаково не позволяют нам бросить на произвол судьбы собственную торговлю и колонии… Если мы оставим Средиземноморье и отдадим нашему врагу трофеи великой морской победы, не заставив его сделать ни единого выстрела, мы выкажем миру верные знаки безрассудства, которое, в делах людей и наций, предшествует краху»[130].

Очевидно, что Кларк опасался именно такого развития политической ситуации в Средиземноморье, которое вполне допускал Клауз. Имея в виду критику последним усиления средиземноморской эскадры силами Ла-Манша, Кларк утверждал, что сила средиземноморского флота в мирное время определялась дипломатическими соображениями и была ограничена преднамеренно, чтобы не провоцировать французов. «В то же время, – продолжал он, – в соответствии с установившейся традицией, Ла-Маншская эскадра посещает Средиземноморье ежегодно»[131]. Взгляды Спенсера, Брассея и Кларка легли в основу концепции так называемой «Средиземноморской школы». Суть указанной концепции сводилась к укреплению военно-морских

---

[126] *Clarke G.* England and the Mediterranean// The Nineteenth Century. April 1895. Vol. 37. No. 218. P. 550
[127] Ibid
[128] Ibid
[129] Ibid
[130] Ibid. P. 551
[131] Ibid. P. 548

баз в Александрии, на Мальте, Кипре и Гибралтаре, а также содержанию в регионе флота, как минимум равного французскому. Подобную позицию разделяли адмиралы, ранее командовавшие Средиземноморским флотом и большинство офицеров плавсостава. К этой группе относился морской историк и публицист Г. Вильсон, который предложил, в целях концентрации сил для контроля над Средиземным морем, отозвать корабли с отдалённых баз[132]. Эскадру Ла-Манша следовало передислоцировать в Западное Средиземноморье, предоставив ей в качестве базы Гибралтар. На Мальте должны были разместиться 14 броненосцев[133]. По мнению Вильсона оставление Средиземноморья повлекло бы собой потерю Мальты, Кипра и Египта, а также разрушение Суэцкого канала. Таким образом страна теряла ежегодный торговый оборот в £54000000[134]. «Уход из Средиземноморья будет равнозначен признанию в слабости и ограниченности мышления… Риск начала войны существует всегда и если англичане достойная нация… они предпочтут подвергнуться бомбардировке в собственных беззащитных городах бесславному отступлению перед лицом врага… Если мы не усилим наш Средиземноморский флот… то отдадим Британскую империю на произвол судьбы»[135].

В качестве своеобразного «сторонника» «Средиземноморской школы» впоследствии выступил германский кайзер Вильгельм II, предупреждавший в 1900 г. британского посла, что изменение Англией её традиционной средиземноморской политики «стало бы бедствием для Европы»[136]. Если Англия уйдёт из Средиземноморья, добавил он, её место займёт Россия. На самом деле кайзер не столько беспокоился о будущем Европы, сколько о дальнейшей судьбе возглавляемого Германией Тройственного союза. Как предполагал Вильгельм, после изменения средиземноморской военно-

---

[132] *Wilson H.* Our Position in the Mediterranean // United Service Magazine. 1894. Vol. 10. No.10 (791). P. 57, 67
[133] Ibid. P. 66
[134] Ibid. P. 68
[135] Ibid. P. 68–69
[136] Lascelles to Salisbury, 20 April 1900 // B.D. Vol. 1. No. 319. P. 257

политической ситуации «Италия попадёт в милость к Франции, Австрия подвергнется серьёзной угрозе, а Германия будет вынуждена искать себе других союзников»[137]. Кроме того, Берлин как раз в это время приступил к проведению активной морской политики и его интересам соответствовало максимальное удаление сил Королевского флота из северных вод.

Между тем после заключения франко-русской военной конвенции 4 января 1894 г. положение Англии в Средиземноморье стало критическим. Отныне в Лондоне были уверены, что Франция окажет помощь России морскими силами при появлении русских кораблей в Босфоре[138], а турки, флот которых рассматривался как «практически не существующий», не оказали бы со своей стороны никакого сопротивления[139]. Таким образом, главным сдерживающим фактором для русских должна была служить английская средиземноморская эскадра. На случай отправки этой эскадры в Константинополь отделами морской и военной разведки была запланирована высадка 10000 человек в Дарданеллах для поддержки сил флота[140]. Подобные меры были бы действенными лишь в том случае, как утверждал британский статс-секретарь по иностранным делам (глава министерства иностранных дел) лорд Розбери, если бы Англия могла «рассчитывать на Тройственный союз для удержания Франции от участия в борьбе»[141]. Ввиду этого Лондон стремился получить гарантию германской поддержки на тот случай, если бы пришлось силой оружия защищать Константинополь и Проливы от посягательств России. Напротив, в случае единоличной борьбы с двумя державами для Англии не оставалось бы другой альтернативы кроме эвакуации из Средиземноморья. Берлин, со своей стороны, мог обещать поддержку Англии только при условии присоединения последней к Тройственному союзу. К тому же Германия не

[137] Lascelles to Salisbury… P. 257
[138] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 219–220
[139] Ibid
[140] Ibid. P. 219
[141] Ibid. P. 228

имела намерения портить отношения с Россией[142]. Между тем осенью 1896 г. состоялись англо-русские переговоры в Бальморале. Поводом для них послужил приезд 22 сентября в Англию Николая II. Российский император и британский премьер-министр лорд Солсбери пришли к общему мнению о необходимости сохранения целостности Османской империи во избежание европейской войны. Николай утверждал, что Босфор и Дарданеллы должны находиться под контролем России. При этом царь заявил, что, в отличие от своих французских союзников, не имеет возражений против оккупации Египта Англией[143].

Неудача дипломатических переговоров с Германией по вопросу сдерживания Франции вынуждала британцев рассчитывать в Средиземноморье исключительно на собственные силы. Дислокация сил Королевского флота в европейских водах по данным 1898 г. выглядела следующим образом:

	Броненосцы I класса	Крейсера I класса	Крейсера II класса	Крейсера III класса
Средиземное и Красное моря	8	2	6	3
Ла-Манш	8	2	2	1

Источник: Распределение судов английского флота // Морской сборник. 1898. № 4. С. 22–29

Приведённые цифры свидетельствует о том, что сила флотов Средиземного моря и Ла-Манша, который отныне постоянно базировался на Гибралтар, была почти равной с незначительным уклоном в сторону первого.

В том же 1898 г. программа плавания судов французского флота включала в состав активной эскадры Средиземного моря[144] 9 броненосцев I класса, 2 бронированных крейсера I класса, 2 крейсера II класса, 3 крейсера III

[142] *Langer W.* Diplomacy of Imperialism… P. 52–56
[143] *Хвостов В. М.* Ближневосточный кризис 1895–1897 гг. // Историк-марксист. 1929. Т. 13. С. 37
[144] Состав французских эскадр в 1898 году // Морской сборник. 1898. № 2. С. 9–10

класса, что делало позиции Парижа лишь в очень незначительной степени слабее позиций Лондона. Тем не менее, к моменту начала Фашодского кризиса в Великобритании мало кто сомневался, что единственным результатом морской войны между двумя державами стал бы «второй Трафальгар»[145]. При этом в расчёт принимались более однородный состав и высокая скорость британских кораблей. Флот Ла-Манша совместно с мальтийскими силами был способен перекрыть французской эскадре путь из Тулона как на запад, так и на восток, обеспечивая безопасность Египта[146]. Однако благоприятную для британцев стратегическую ситуацию вскоре изменила англо-бурская война, во время которой Лондон оказался изолированным на международной арене.

Открытие военных действий на юге Африки совпало с назначением на должность командующего средиземноморскими силами адмирала Д. Фишера. Поскольку французская эскадра постоянно пребывала в состоянии повышенной боевой готовности, Фишер доказывал в январе 1900 г. новому Первому лорду Адмиралтейства У. Селборну необходимость усиления мальтийского соединения. Адмирал считал, что «Армагеддон развернется на Средиземном море»[147]. Из этого следовало, что «Средиземноморский флот должен содержаться в постоянной готовности для неожиданной войны», поскольку «лучшие морские умы во Франции имеют верное представление о том, что их единственный шанс на успех заключается в неожиданной атаке»[148]. Адмирал выступил с предложением, чтобы флоты Средиземного моря и Ла-Манша перенимали французский опыт проведения совместных маневров отдельными соединениями[149]. Селборн соглашался с Фишером в том, что Средиземноморье станет решающим театром военных действий, на котором следовало обеспечить британское превосходство даже в мирное время. Хотя на Первого лорда была возложена ответственность за выполнение задач Королевского

---

[145] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 320
[146] Ibid. P. 325–328
[147] *Monger G.* The End of Isolation: British Foreign Policy, 1900–1907. L.: Nelson, 1963. P. 10–12
[148] Fisher to Selborne, 5 January 1901 // Selborne Papers. P. 112
[149] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 395

флота в других районах Мирового океана[150], Фишеру удалось убедить главу морского министерства усилить Средиземноморский флот до 12 броненосцев в 1901/2 гг. и 14-ти – в следующем году. Это было максимальное количество кораблей подобного класса за всю историю средиземноморской станции[151].

В условиях существования франко-русского союза Фишер принимал в расчёт, помимо угрозы со стороны Парижа, потенциальную возможность выхода Черноморского флота в Средиземное море. По словам начальника отдела военно-морской разведки Р. Кастенса командующий средиземноморским флотом приписывал Франции и России «постоянное нахождение начеку с целью стремительно наброситься на него [Фишера] без какого-либо повода»[152]. По мнению Кастенса это была «недальновидная точка зрения… упускающая из виду определяющие факторы во всех частях света, которые должны принципиально влиять на политику средиземноморских держав»[153]. Опасения Фишера получили серьёзное подтверждение в виде подписания франко-русской морской конвенции 21 декабря 1901 г. Конвенция предполагала, в случае войны с Великобританией, сосредоточение французских броненосцев I класса в Средиземноморье. Тем временем Черноморский флот форсировал Проливы с целью вторжения в Египет[154]. Проанализировав ситуацию Селборн пришёл к заключению, что в подобных обстоятельствах Королевский флот был бы не в состоянии разгромить объединенные франко-русские силы, равно как и защитить британскую средиземноморскую торговлю[155]. Выход попытались найти дипломатическим путём, ведя безуспешные переговоры о союзе с Германией, снова предложившей Лондону присоединиться к Тройственному союзу. Одним из условий, не устраивавших Англию, было обязательство защищать Италию в случае вступления последней

[150] Selborne to Curzon, 19 April 1901 // Selborne Papers. P. 113–115
[151] Comparative strength tables // The Naval Annual. 1904
[152] *Mackay R. F.* Fisher of Kilverstone… P. 237
[153] Ibid
[154] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 399
[155] Selborne to Chamberlain, 21 September 1901 // Selborne Papers. P. 126–127

в войну с Францией и Испанией[156]. Британское правительство скептически относилось к возможностям итальянского флота. К тому же в январе 1901 г. было подписано франко-итальянское соглашение о Марокко и Триполи, урегулировавшее колониальные противоречия между двумя странами. Отныне британское Адмиралтейство принимало в расчёт возможность перехода Марокко или даже Андалусии в руки враждебной державы[157].

В подобных обстоятельствах важное значение имела позиция Испании, выгодное географическое положение которой играло «громадную роль в мировой стратегической обстановке»[158]. Мадрид владел морскими базами Картахена и Порт-Магон[159]. Как Англия, так и Франция были заинтересованы в привлечении на свою сторону Испании для того, чтобы использовать вышеуказанные базы в случае войны. Англичане стремились сохранить Балеарские острова и Сеуту в испанских руках с тем, чтобы не допустить перехода этих пунктов под контроль другой морской державы[160]. Однако препятствием для англо-испанского сближения служил вопрос о политической принадлежности мыса Гибралтар. По Утрехтскому мирному договору 1713 г. Мадрид уступил Гибралтар Великобритании «на вечные времена»[161]. Тем не менее, возвращение последнего ставилось в качестве важнейшей цели каждым испанским правительством и могло стать серьёзным стимулом для союза с Францией против Англии. Ввиду того, что в начале XX в. Гибралтар стал уязвим перед огнём испанских дальнобойных орудий, а стоящие на его рейде суда были открыты торпедным атакам, возникли предложения об обмене этой базы на более безопасную Сеуту или Порт-Магон[162]. Вариант обмена Гибралтара на Порт-Магон не получил поддержки в британских правящих и

---

[156] *Glanville J.* Italy's Relations with England, 1896–1905. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1934. P. 99
[157] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 411
[158] Испания. Постройка второй эскадры дредноутов // Морской сборник. 1913 г. № 8. С. 229
[159] Там же
[160] *Ponn T.* Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871–1904// интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/science/ropp/index.html (дата обращения: 16.07.2012)
[161] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 216
[162] Ibid. P. 413

военных кругах, так как означал в стратегическом смысле потерю контроля над Проливами[163].

Контроль над Босфором и Дарданеллами оказался под серьезным вопросом после подписания франко-русской морской конвенции. В 1902 г. 14 британских средиземноморских броненосцев I класса уступали объединенным франко-русским силам, включавшим 19 аналогичных кораблей (14 французских и 5 русских)[164]. При этом как французы, так и русские держали значительную часть своих судов в резерве. Следовательно, до начала мобилизации французских резервных кораблей или до того как произойдет соединение французского и русского флотов британская мальтийская эскадра должна была быть усилена подкреплениями[165]. Между тем, ввиду сокращения французских средиземноморских сил «Морской ежегодник» пришел к заключению, «что сила британского Средиземноморского флота в броненосцах (не в крейсерах) избыточна, в то время как насущным требованиям защиты империи более соответствовало бы усиление Флота Ла-Манша за счет сил Средиземного моря. Последние были увеличены до четырнадцати броненосцев, включая все наши самые мощные и недавно построенные корабли. Французский флот имеет в кампании в течение года только шесть броненосцев, а их экипажи были сокращены во время зимних месяцев»[166]. В середине 1903 г. докладчик из парламентского комитета по бюджету на 1904 г. в последний раз сравнил французский флот с британским, отметив, что Франция по мощи броненосных сил отстает от Англии[167]. Подтверждением тому может служить приведённая ниже таблица, представляющая соотношение военно-морских сил Великобритании и Франции на 1903 г.:

---

[163] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 413
[164] Ibid. 398
[165] Hankey to Asquith, 8 July 1912. PRO. CAB. 17/3 URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 05.03.2015)
[166] Excessive strength of British Mediterranean Fleet//The Naval Annual 1903, P. 61.
[167] *Ponn T.* Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871–1904// интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/science/ropp/index.html (дата обращения: 16.07.2012)

	Великобритания	Франция
Броненосцы более 10000 тонн	40	19
Броненосцы менее 10000 тонн	0	10
Устаревшие броненосцы	7	8
Современные броненосные крейсеры	23	16
Устаревшие броненосные крейсеры	4	0
Бронепалубные крейсеры более 3500 тонн	57	20
Бронепалубные крейсеры менее 3500 тонн	27	13

Источник: *Ропп Т.* Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871–1904// интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/science/ropp/index.html (дата обращения: 16.07.2012)

Принимая в расчет приведенные выше данные британское военно-морское руководство передислоцировало в 1903 г. два корабля из состава Средиземноморского флота в эскадру Ла-Манша. Но даже после этого Брассей продолжал заявлять об избыточности кораблей на мальтийской станции, имея в виду будущее сокращение французских сил и потенциальную способность Флота Ла-Манша соединиться со Средиземноморским флотом[168]. В сложившейся ситуации Селборн следующим образом сформулировал задачи, стоявшие перед Адмиралтейством: «Мы должны располагать силой, достаточной для победы над Францией и Россией и… иметь что-то в руках против Германии. Мы не можем позволить себе «трёхдержавный стандарт», но должны иметь резерв сверх «двухдержавного стандарта»»[169]. Указанный Селборном резерв впоследствии был определён как 10% преимущество над объединённой силой двух неприятельских флотов.

В своих стратегических расчётах Первый лорд, помимо традиционных противников – Франции и России, не случайно упомянул Германию.

[168] Comparative strength tables // The Naval Annual, 1904
[169] Selborne to Curzon, 4 January 1903 // Selborne Papers. P. 154–155

Великобритания, оказавшись в годы англо-бурской войны в изоляции на международной арене, нормализовала отношения с США и заключила союз с Японией. Наметились некоторые предпосылки для улучшению англо-русских отношений. В 1903 г. Комитет имперской обороны признал нецелесообразным противодействовать России в овладении Константинополем. Комитет пришёл к выводу, что хотя русские и получат таким образом потенциальную возможность закрыть Черноморские проливы для других держав, «это не изменит в корне существующую стратегическую ситуацию в Средиземноморье»[170]. 8 апреля 1904 г. было заключено соглашение по колониальным вопросам с Францией, получившее название «Сердечное согласие» (Антанта). Отныне именно Германия являлась главным потенциальным противником Англии на море.

К указанному времени Германия превратилась из аграрной страны в мощную индустриальную державу, которая вела активную заморскую торговлю и колониальную политику. Берлин получил концессию на постройку Багдадской железной дороги. Концессия обеспечивала Германской империи сильные стратегические и экономические позиции на Ближнем и Среднем Востоке, создавая одновременно угрозу британским коммуникациям и Индии. Со своей стороны Великобритания могла при помощи мощного флота парализовать германскую внешнюю торговлю и даже блокировать германское побережье. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства кайзер Вильгельм напрямую связывал будущее своей страны как великой торговой и колониальной державы с морским могуществом. Германский статс-секретарь по делам флота (морской министр) адмирал А. Тирпиц, разделявший подобные взгляды монарха, впоследствии отмечал в своих «Воспоминаниях»: «Мы не могли приобрести дружбу и покровительство Англии иначе, как превратившись вновь в бедную земледельческую страну. Но средство для существенного

[170] Lansdowne to MacDonald, 16 November 1904 // B.D. Vol. 4. No. 55. P. 57–60; Report of the Conclusion arrived on the 11th February in reference to Russia and Constantinople, 14 January 1903. PRO. CAB 38/2. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.12.2014)

улучшения отношений имелось — это было создание германского флота, который сделал бы мысль о нападении на германскую торговлю более рискованной»[171]. 28 марта 1898 года германский рейхстаг по инициативе Тирпица принял закон об усилении германского военно-морского флота, который предусматривал постройку к 1903 г. 7 броненосцев. Новый флот предназначался не только для обороны германского побережья, но и для действий в Мировом океане. В 1900 г. германская судостроительная программа была значительно расширена. Новый морской закон предусматривал постройку к 1920 г. 38 броненосцев[172]. Адмирал считал, что для эффективного противостояния Англии нужно сосредоточить в непосредственной близости от Британских островов силы, составляющие в количественном отношении 2/3 от общего числа кораблей Королевского флота. При таком соотношении сражение с германским флотом было бы сопряжено для противника с риском понести невосполнимые потери. При этом учитывалось, что английские морские силы были распределены по всему миру в то время как германские собраны в один кулак. Эти стратегические идеи адмирала получили общее название «теория риска».

Помимо «теории риска» с именем Тирпица был связан термин «опасная зона». «Опасная зона» – временной период, необходимый для того, чтобы германские морские силы хотя бы приблизительно сравнялись по своей мощи с английскими. Пока не был достигнут указанный паритет адмирал допускал возможность превентивного удара со стороны Великобритании с тем, чтобы без объявления войны уничтожить «в зародыше» новый германский флот. Чтобы избежать подобного развития событий Тирпиц настоятельно рекомендовал германским дипломатам избегать осложнений и конфликтов в отношениях с Великобританией[173]. Сам кайзер так охарактеризовал эти отношения в конце 1890-х гг. Император Вильгельм посетовал в разговоре с британским послом Ф.

---

[171] *Тирпиц А.* Воспоминания… С. 177
[172] *Kennedy P.* Maritime Strategieprobleme der deutsch-englischen Flottenrivalitat // Marine und Marinepolitik im Kaiserlichen peutschland. 1871–1914. Dusseldorff. 1972. S. 181
[173] *Hohenlohe-Schillingfurst C.* Denkurdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Berlin; Stuttgart. 1931. S. 464

Лессельсом на то, что он «использует каждую возможность для достижения взаимопонимания [с Великобританией], но что в результате? Требования Германии никоим образом не были непомерными. Она всего лишь поднимала те куски, которые бросила Англия, и несмотря на дружеские заверения, которые она получала, требования Германии встречали со стороны правительства его *(sic)* величества либо резкий отказ либо полное нежелание обсудить германские интересы»[174].

Несмотря на заметное охлаждение англо-германских отношений на рубеже веков, судостроительные программы Берлина поначалу не вызвали особой тревоги в британском морском министерстве[175]. В 1897 г. Великобритания обладала 38 броненосцами I класса и 34 броненосными крейсерами, а Германия - соответственно 7 и 2[176]. «Наш флот, - писала газета “The Times”, - без сомнения, представляет собой самую неодолимую силу, какая когда-либо создавалась»[177]. Считалось, что Германия, имевшая постоянных противников на континенте и поэтому вынужденная содержать значительные сухопутные вооруженные силы, не найдёт средств на создание мощного флота. В то же время сильнейшая морская и финансовая держава мира Великобритания могла позволить себе, учитывая собственное островное положение, иметь лишь небольшую профессиональную армию[178]. Следовательно, как полагали англичане, выполнение принятой Германией новой судостроительной программы должно было затянуться на долгие годы.

Первым британским военным моряком, заговорившим о германской угрозе на море был Р. Кастенс. Начальник отдела военно-морской разведки отметил, выступая на заседании в Адмиралтействе 14 сентября 1900 г.: «маневры продемонстрировали необходимость как можно более частых

---

[174] Lascelles to Balfour, 22 August 1898 // B.D. Vol. 1. No. 87. P. 68–69; Lascelles to Balfour, 23 August 1898 // Ibid. No. 122. P. 100–101
[175] *Woodward E.* Great Britain and the German Navy… P. 48–50
[176] *Kennedy P.* Maritime Strategieprobleme der deutsch-englischen Flottenrivalitat… S. 180
[177] The Times, 26 June 1897
[178] *Kennedy P.* The Rise and Fall of British Naval Mastery… P. 205

совместных учений линейных кораблей, крейсеров и миноносцев с тем, чтобы во всеоружии встретить растущую германскую мощь на Северном море»[179]. Летом 1902 г. парламентский и финансовый секретарь Адмиралтейства Х. Арнольд-Форстер посетил главные базы германского флота Вильгельмсхафен и Киль. Увидев воочию результаты претворения в жизнь программы 1900 г., он утверждал в меморандуме британскому кабинету министров, что следует отныне рассматривать именно Германию как потенциального противника, усилить флот в водах метрополии и пересмотреть военные планы с поправкой на военно-морские силы Берлина[180]. В октябре того же года Селборн, изучив имеющуюся в его распоряжении информацию, пришел к выводу, что, в отличие от французских и русских, германские военно-морские программы выполнялись быстро и пунктуально с целью войны против Англии [181].

21 октября 1904 г. бывший командующий Средиземноморским флотом адмирал Фишер вступил в должность Первого морского лорда. Именно этот год стал по-настоящему поворотным в истории англо-германских отношений и британской морской политики. Великобритания урегулировала спорные колониальные вопросы с Францией – главным континентальным противником Германии. В том же году король Эдуард VII посетил смотр германского флота в Киле и самолично убедился в его возросшей мощи. Эдуард, ещё будучи принцем Уэльским принадлежал к той небольшой части британского истеблишмента, которая сознавала потенциальную опасность, исходившую от Германии. К тому же у короля была личная неприязнь к кайзеру Вильгельму, который показал Эдуарду все новые корабли и поднял тост за укрепление морского могущества Германской империи. Наконец, 22 октября 1904 г. произошел Гулльский инцедент, поставивший Великобританию на грань войны с Россией. Причём Берлин в описываемое время активно поддерживал Петербург, будучи заинтересован в отвлечении русских вооруженных сил на

[179] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 463
[180] *Лихарев Д.В.* Эра адмирала Фишера… С. 151
[181] *Williamson S.* The Politics of Grand Strategy… P. 17

Дальний Восток. В Англии были убеждены, что именно германская поддержка объясняла особую «агрессивность» и «самоуверенность» российских моряков. По выражению Тирпица Гулльский инцедент показал, что «свою традиционную вражду к России она [Англия] ставит позади вражды к Германии»[182]. После этих событий англо-германские отношения уже не вернулись в прежнее дружественное русло.

Одним из важнейших последствий серьёзного охлаждения между Лондоном и Берлином явилась передислокация сил Королевского флота. Эдуард VII, «прекрасно осознавая надвигающуюся опасность со стороны Германии, разглядел в Фишере человека, который сможет надлежащим образом реорганизовать военный флот в духе времени и подготовить его к грядущим испытаниям»[183]. В 1904 г. почти все самые современные корабли Великобритании (12 броненосцев) размещались в Средиземном море, а Флот Ла-Манша и Отечественный флот насчитывали каждый по 8 броненосцев. При этом считалось, что сил Отечественного флота в водах метрополии «было достаточно, чтобы уничтожить северную французскую эскадру и флоты Северной Европы»[184]. Стало ясно, что существовавшая дислокация нуждалась в изменениях, поскольку, выражаясь словами лорда Солсбери, если бы Великобритания потеряла ее отдаленные владения, то их можно было вновь завоевать, но если бы удар был нанесен в само сердце Британской империи – «история Англии была бы окончена»[185]. Основываясь на подобных соображениях адмирал Фишер писал: «Германия постоянно держит весь свой флот сосредоточенным в нескольких часах от Англии. Следовательно, мы должны держать флот в два раза сильнейший сосредоточенным в нескольких часах от Германии»[186].

---

[182] *Тирпиц А.* Воспоминания… С. 182
[183] *Лихарев Д.В.* Эра адмирала Фишера… С. 91
[184] Англия и Германия на море // Морской сборник. 1908. № 6. С. 81–99
[185] Там же. С. 93–94
[186] «Англо-германский штиль», 10 сентября 1908 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2571. Л. 100

6 декабря 1904 г. Селборн официально огласил «Меморандум о дислокации и мобилизации флота», в котором заявлялось, что «по мнению Адмиралтейского Комитета, новые условия....сделали необходимыми пересмотр и исправление…дислокации кораблей, а также устройства станций. Изучая данный вопрос Комитет старался извлечь пользу из опыта флотов Японии и России в настоящей войне»[187]. 14 декабря 1904 г. прежний Отечественный флот стал Флотом Ла-Манша, базировавшимся на Дувр и состоящим из 12 броненосцев. Старый Флот Ла-Манша превратился в Атлантический флот, постоянно базирующийся на Гибралтар и состоящий из 8 броненосцев. Атлантический флот служил стратегическим резервом для нового Флота Ла-Манша и Средиземноморского флота[188], также состоявшего отныне из 8 броненосцев (4 броненосца из его прежнего состава были переведены в Отечественный флот)[189]. Теоретически для Средиземноморья, с учетом сил Атлантического флота, имелось в наличии шестнадцать броненосцев. В мирное время у Атлантического и Средиземноморского флотов предполагалось отдельное командование, которое объединялось во время войны. Дважды в год Атлантический и Средиземноморский флоты должны были выполнять совместные маневры[190]. Каждому из трех европейских флотов придавалась эскадра броненосных крейсеров. Более крупные крейсеры были собраны в отдельную 3-ю крейсерскую эскадру. Североамериканская и вест-индийская эскадра были преобразованы в 4-ю крейсерскую эскадру. В мирное время она выполняла учебные задачи, базируясь на Девонпорт, а во время войны соединялась либо со Средиземноморским флотом, либо с Флотом Ла-Манша[191]. Описанная выше дислокация, как обозначил в меморандуме Селборн, учитывала негативный опыт русского флота, превосходившего по численности флот Японии, но разбросанного на момент начала войны с последней по

---

[187] Memorandum of First Lord on the Distribution and Mobilisation of the Fleet, 15 March 1905 // The Naval Annual. 1905. P. 455
[188] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 491–492
[189] *Mackay R.* Fisher of Kilverstone… P. 313
[190] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 40–43
[191] *Kemp P. (ed.)* The Papers of Admiral Sir John Fisher… Vol. I, P. 189–196

разным морям, в то время как вражеский флот был собран в кулак непосредственно на театре военных действий. В противоположность этому новая дислокация Королевского флота подразумевала, что 3/4 британских броненосцев могли быть оперативно сосредоточены против Германии[192]. Новейшие и лучшие английские корабли отныне должны были дислоцироваться в водах метрополии, что явилось ответом на стратегические замыслы Тирпица. Подобным начинаниям благоприятствовала международная обстановка, поскольку после заключения союза с Японией и нормализации отношений США, а также образования Антанты с Францией и последовавшего затем разгрома основных сил российского флота на Дальнем Востоке, у Англии остался единственный серьезный соперник на море – Германия.

При этом содержание 8 броненосцев на средиземноморской станции, несмотря на улучшение англо-французских отношений, объяснялось обострением отношений между Лондоном и Петербургом в период русско-японской войны. Англия, являясь союзницей Японии, стремилась предотвратить попытки России провести Черноморский флот через Босфор и Дарданеллы на Дальний Восток. Потенциальная возможность столкновения с русскими силами, а также необходимость защищать Суэцкий канал вызвали у Фишера намерение базировать Средиземноморский флот в Александрии, которую адмирал считал одним из «пяти стратегических ключей, на которые запирается земной шар»[193]. В письме британскому генеральному консулу в Египте графу Кромеру, датированном апрелем 1905 г., Фишер подчеркивал «возрастающую важность Александрии в морской стратегии»[194]. Поскольку торпедное оружие изменило тактику морской войны, «по прошествии нескольких лет флот не сможет оставаться в Средиземном море или в Ла-Манше! Но в то же самое время подводные лодки на Мальте, в Гибралтаре, Порт-Саиде, Александрии, Суэце и на Лемносе сделают нас значительно более

[192] *Murd A.* The British Fleet and the Balance of Sea Power // The Ninetenth Century and after. March 1907. Vol. 61. No. 361. P. 384
[193] *Kennedy P.* The Rise and Fall of British Naval Mastery… P. 205–206
[194] F.G.D.N. Vol. 2. P.54

сильными чем когда-либо»[195]. Фишер предсказывал, что «Мальта утратит свою роль как база Средиземноморского флота, но она сохранит важное значение, полностью запирая при помощи массы подводных лодок, которые мы там разместим, проходы из западного в восточный бассейн Средиземного моря… Наш Средиземноморский флот, следовательно, будет иметь свою новую базу в Александрии, как тому и следует быть, если Суэцкий канал остается нейтрализованным… боевые корабли всех наций должны иметь свободный доступ в Черное море, и по этой причине мы хотим Александрию, а не Мальту, в качестве нашей главной морской базы»[196]. Идея об укреплении Александрии и создании в ней военно-морской базы не была принципиально новой. Подобные планы появились в Адмиралтействе ещё в период Ближневосточного кризиса 1894 – 1896 гг. Их целью было обезопасить британские коммуникации, поскольку предполагалось, что рано или поздно Россия превратиться в средиземноморскую державу.

В конечном итоге Селборн объявил, что Средиземноморский флот «будет, конечно же, и далее базироваться на Мальте»[197]. С точки зрения британской стратегии Суэцкий канал должен был считаться нейтральным, а Александрия – оставаться незащищённым портом. Задачу обороны Египта предполагалось возложить на местный гарнизон. Допускалось нападение на страну экспедиционных сил в количестве 25000 человек в сопровождении военных кораблей, но вероятность этого оставалась невелика до тех пор пока британский флот не был побеждён или вытеснен из Средиземноморья. Решение правительства и Адмиралтейства уважать нейтралитет канала в случае начала морской войны объяснялось убеждённостью в том, что попытка блокировать его со стороны любой из воюющих сторон явилась бы серьезной политической ошибкой. Против державы, предпринявшей подобные действия выступили бы нейтральные государства. В военном министерстве полагали, что защита

[195] F.G.D.N. Vol. 1. P. 283
[196] Ibid. Vol. 2. P.54
[197] Memorandum of First Lord… P. 460

должна была осуществляться обслуживающим персоналом, что давало возможность самим британским войскам противостоять главному противнику – высадившимся экспедиционным силам[198].

Принципиальное решение Адмиралтейства о сохранении базы средиземноморских сил Королевского флота на Мальте, а не в Александрии, было продиктовано и международной ситуацией, сложившейся во время Первого Марокканского кризиса (март 1905 – май 1906 г.). В условиях угрозы начала европейской войны часть парижского кабинета склонялась к тому, чтобы предоставить Германии порт на марокканском побережье в обмен на признание преобладающего влияния Франции в этой стране. Между тем контроль за западным входом в Средиземное море являлся одной из важнейших составляющих британской геополитической стратегии. Статс-секретарь по иностранным делам Г. Лэнсдаун был убежден, что германский порт на атлантическом или средиземноморском побережье Марокко был бы роковым ударом по безопасности пути в Индию и другие владения «к востоку от Суэца»[199]. Чтобы не допустить подобного развития событий Англия обещала Франции поддержку в противостоянии притязаниям Германии (ранее «сердечно согласившись» на преобладание интересов Парижа в Марокко)[200]. Фишер считал, что база на марокканском побережье не дала бы никаких стратегических выгод Берлину[201]. Однако Первый морской лорд стремился использовать возникшие дипломатические осложнения в качестве предлога для развязывания превентивной войны. Нужно было воспользоваться ситуацией, раз и навсегда разгромив германский флот и торговое судоходство[202]. Фишер был убежден в способности Флота Ла-Манша уничтожить все германские морские силы. Вильгельм II следующим образом выразил свое отношение к

---

[198] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 406-407
[199] *Lowe C., Dockrill M.* Mirage of Power. Vol. 1. L.: Routledge, 1972. P. 12
[200] Bertie to Lansdowne, 25 April 1905 // B.D. Vol. 3. No. 93. P. 74–75
[201] German Diplomatic Documents. Vol. 3. P. 243–244
[202] *Monger G.* End of Isolation… P. 189–190

британским стратегическим планам принцу Л. Баттенбергу: «Им следует помнить, что ни один флот не может защитить Париж»[203].

Подобная уверенность германского властителя объяснялась тем обстоятельством, что в указанное время союзник Франции – Россия – был втянут в войну с Японией на Дальнем Востоке и не мог оказать существенной поддержки на суше. Англичане предполагали, что, разгромив Францию, немцы смогут уже с её берегов угрожать британскому судоходству и коммуникациям. Во время русско-японской войны ослабла угроза Индии с севера, что предполагало более активное использование британских сухопутных войск на европейском театре. Отныне в Лондоне допускали возможность военного сотрудничества с Парижем.

В декабре 1905 – январе 1906 г. с согласия премьер-министра Г. Кэмпбелл-Баннермана были проведены первые неофициальные переговоры представителей британского и французского сухопутных генеральных штабов. Непосредственной целью совещаний военных специалистов признавалась выработка плана совместных действий на случай войны против Германии. При этом сам факт переговоров не подразумевал заключения формального союза между двумя странами и принятия на себя конкретных обязательств. Фишер со своей стороны считал, что предполагаемая высадка английской экспедиционной армии во Франции нанесла бы «убийственный удар» по британской экономике, низвела бы стратегическую роль Королевского флота до уровня «подсобной службы» и сделала бы германского императора главным врагом британцев[204]. Активному участию английских войск на франко-германском фронте адмирал предпочитал высадку сильного десанта на бельгийском побережье, в случае нарушения немцами нейтралитета этой страны. Бельгия рассматривалась как наиболее удобный плацдарм для вторжения неприятеля на Британские острова. В 1906 г. начались переговоры о

---

[203] *Williamson S.* The Politics of Grand Strategy… P. 32

[204] Записки адмирала великобританского флота Фишера // Морской сборник. 1920. № 8–9. С. 83

совместных операциях английской и бельгийской армий. Помимо этого возникли предпосылки для англо-русского сближения, поскольку Франции, даже при поддержке английской экспедиционной армии, было бы сложно противостоять сухопутным вооруженным силам Германии.

Первый морской лорд, несмотря на заявления об абсолютной вере в Антанту, на самом деле невысоко ценил французский флот и не придавал большого значения помощи с его стороны[205]. Адмирал полностью отстранился от переговоров английских и французских военных специалистов[206], запретив участвовать в них своему подчиненному, начальнику отдела военно-морской разведки капитану Ч. Оттли[207]. В этой связи представляет интерес характеристика, данная Первому морскому лорду историком Д. Миллером: «Первое правило, когда изучаешь деятельность Фишера – никогда не принимать за чистую монету его заявлений, поскольку адмирал был последователен лишь в собственной непоследовательности»[208]. Сам Фишер так объяснил свою принципиальную позицию: «Французское военное министерство не раскрыло английскому военному министерству своих планов, дураками бы они были, если бы это сделали. Рисковать своими военными планами ради той капли в океане, которую представляет собой наша военная помощь. Именно поэтому английское Адмиралтейство и намеревается держать свои планы при себе!»[209]. Приведенные выше факты позволяют опровергнуть утверждение советского исследователя А. Ловягина о том, что «первая англо-французская морская Антанта зародилась в 1906 г., когда… начались совещания генеральных штабов Англии и Франции»[210]. В конце концов, Марокканский кризис был разрешен дипломатическим путем на

---

[205] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 117–118
[206] DDF. Serie 2. T. 8. No. 308
[207] *Williamson S.* The Politics of Grand Strategy… P. 79; *Hankey M.* The Supreme Command. V. 1. L.: George Allen & Unwin, 1961. P. 62–63
[208] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War//The Millstone by Geoffrey Miller.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[209] F.G.D.N. Vol. 2. P. 30–31
[210] *Ловягин А.* Рецидив англо-французской морской Антанты // Морской сборник. 1928. № 10. С. 83–84

Альхесирасской конференции, где Берлин был вынужден признать привилегированное положение Парижа в Марокко.

В выгодном для себя разрешении марокканского вопроса было напрямую заинтересовано еще одно государство – Испания[211], признавшее англо-французскую Антанту 1904 г.[212]. Как писал российский «Морской сборник», в стране господствовало следующее мнение о перспективах союза с Берлином: «Германия ничего не может нам дать, а потребует от нас полного напряжения сил. Она не пришлет на помощь нам ни одного корабля и ни одного солдата, когда Франция с Англией нападут на нас в море и на суше»[213]. Основы англо-испанского сближения были заложены во время картахенской встречи Эдуарда VII с королём Испании Альфонсо XIII, состоявшейся в апреле 1907 г. Эдуард VII убеждал испанского монарха, женатого на внучке английской королевы Виктории, присоединиться к Антанте. Однако Альфонсо XIII удалось отстоять нейтральную позицию Испании в случае европейской войны. Тем не менее, в мае 1907 г. Великобритания, Франция и Испания обязались поддерживать статус кво в Средиземноморье, что в скрытой форме подтверждало отказ Испании от прав на Гибралтар. В случае возникновения угрозы три державы условились консультироваться между собой по поводу необходимых действий[214].

Страны Антанты рассчитывали, что соглашение с Испанией ослабит позиции Тройственного союза в Западном Средиземноморье. Поскольку Германия жаждала реванша после своего дипломатического поражения на Альхесирасской конференции, а отношения с Россией вступили в стадию улучшения, Адмиралтейство отозвало пять броненосцев с китайской станции Вэйхайвэй. Три из них усилили Флот Ла-Манша, а двое остальных –

---

[211] Испания. Постройка второй эскадры дредноутов // Морской сборник. 1913. №8. С. 227
[212] Там же. С. 228
[213] Там же. С. 331
[214] Grey to de Villa Urrutia, 16 May 1907 // B. D. Vol. 7. No. 39. P. 32; De Villa Urrutia to Grey, 16 de Mayo de 1907 // Ibid. No. 40, P. 33; *Renouvin P.* Histoire des relations internationals. T. 6. Paris: Hacette, 1955. P. 220; *Ibid.* Les Questions méditerranéennes de 1904 à 1914. Paris: Centre de Documentation Universitaire, 1958. P. 17–18

Атлантический и Средиземноморский флоты[215]. Помимо этого в июне 1906 г. были проведены маневры Королевского флота, в ходе которых все три европейских соединения были сосредоточены в водах метрополии. Газета «Русский инвалид» следующим образом прокомментировала это событие: «Никогда еще в Англии не предпринимали чего либо подобного… Англия может в кратчайший срок сосредоточить флот из 400 судов и обеспечить его всем необходимым для военных действий…»[216]. В целях развития достигнутого успеха Адмиралтейский Комитет принял решение сформировать, как дополнение к Флоту Ла-Манша, новый Отечественный флот, который должен был крейсировать по Северному морю. В этот флот Фишер перевел в конце 1906 г. по два корабля со средиземноморской и атлантической станций, а также из состава Флота Ла-Манша[217]. Таким образом, с 1907 по 1912 г. Атлантический и Средиземноморский флоты включали в свой состав по шесть броненосцев.

Усиление британского флота не ограничилось передислокацией судов. Ещё одним важным шагом в этом направлении стало введение в строй линейного корабля нового типа, получившего название «Дредноут»[218]. В том же 1906 г. рейхстаг принял «новеллу» (дополнение) к морскому закону, которая предусматривала строительство собственных дредноутов для германского флота[219]. Следующая «новелла», принятая 6 февраля 1908 г., планировала строительство 58 дредноутов и линейных крейсеров[220].

Реакцией на подобное расширение германской судостроительной программы стала «Морская паника» в Англии[221]. На аудиенции у короля 18 декабря 1908 г. Первый лорд Адмиралтейства Р. Маккенна доложил о том, что

---

[215] Notes and Comments // Naval and Military Record. 22 June 1905. P. 385
[216] *Мартынов Е.И.* Французский отзыв о морских маневрах // Русский инвалид. 1906. № 132. С. 3
[217] *Kennedy P.* The Rise and Fall of British Naval Mastery… P. 217
[218] Англо-германский штиль… Л. 100; Jane's fighting ships. 1906–1907. P. 42
[219] Англо-германский штиль… Л. 100
[220] Lascelles to Grey, 3 October 1907 // B.D. Vol. 6. P. 60–61; German Navy. Baron von Stengel resigns // Standard. 7 February 1908. P. 8
[221] Военная печать о германской политике // Русский инвалид. № 252. С. 5

отныне Германия могла вводить в строй по 8 дредноутов в год[222]. В ответ на это Англии следовало ежегодно строить 6 кораблей вместо 4, планируемых ранее. Тем временем произошел раскол внутри правившей либеральной партии, где сформировалось империалистическое меньшинство, поддерживавшее Адмиралтейство в его стремлении увеличить флот, и антиимпериалистическое большинство, выступавшее за предельную экономию финансовых средств[223]. Группу «экономистов» возглавили Д. Ллойд Джордж и У. Черчилль[224]. Главным аргументом «экономистов» против увеличения военно-морского бюджета было подавляющее превосходство британского флота по эскадренным броненосцам додредноутного типа. «В конце концов, — писал впоследствии Черчилль, — было найдено удивительное и любопытное решение. Адмиралтейство требовало 6 кораблей, «экономисты» предлагали 4, и в заключение мы сошлись на 8»[225]. Британский кабинет увеличил судостроительную программу до 8 дредноутов в год и это был предел возможностей для национальной промышленности[226]. Между тем, с 1908 по 1912 г. в Германии фактически закладывалось только по 4 линейных корабля в год. Отныне Англия отвечала двумя собственными кораблями на один заложенный германский[227]. Подобный разрыв в темпах судостроения стал причиной принятия средиземноморскими союзниками Германии, Италией и Австро-Венгрией, собственных программ по строительству дредноутов.

1.2 Средиземноморская политика Англии в 1908 – 1911 гг.

Лорд Ньютон, один из лидеров консервативной фракции верхней палаты парламента, не случайно охарактеризовал Австро-Венгрию как «почти синоним Германии»[228]. Флот Двуединой монархии должен был служить дополнением к

---

[222] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 155–156
[223] Англия. Борьба с империалистами // Речь. 1908. № 30. С. 2
[224] *Виноградов К.* Давид Ллойд Джордж… С. 102
[225] *Churchill W.* The World crisis… P. 24
[226] Главнейшие моменты в деятельности флота Великобритании за 1909 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2910. Л. 5
[227] Численность дредноутов в разных флотах // Морской сборник. 1911. № 7. С. 1–2
[228] Англия и Восточный вопрос // Речь. 1908. № 43. С. 2

военно-морским силам союзной Германской империи[229]. Австро-Венгрия стремилась установить свой контроль над западной частью Балканского полуострова и прочно обосноваться на Адриатическом побережье. 8 октября 1908 г. состоялась аннексия турецких провинций Боснии и Герцеговины. Германское правительство поддержало этот шаг Вены. Осенью 1908 г. глава австро-венгерского морского департамента и главнокомандующий флотом вице-адмирал Р. Монтекукколи заявил в парламенте о необходимости постройки, по примеру других государств, собственных дредноутов[230]. 3 декабря 1908 г. Фишер сообщил премьер-министру Г. Асквиту секретную информацию о том, что австрийцы готовились к закладке своих первых дредноутов, в то время как в противовес им пока еще не ожидалось ни одного французского[231]. Подтверждением слов британского адмирала стал меморандум Монтекукколи, согласно которому в пятилетний срок планировалось построить 4 дредноута[232]. Когда в апреле 1909 г. меморандум Монтекукколи попал на страницы прессы, итальянцы, как сообщал британский морской атташе, «испытали нервный приступ, считая Австрию способной строить первоклассные линейные корабли так же легко как фокусник достает яйца из шляпы»[233]. Две страны, являвшиеся формальными партнерами в рамках Тройственного союза, фактически боролись за господство в Адриатическом море. Поэтому в Риме было принято решение о создании собственных дредноутов[234]. Первый из них был заложен в июле 1909 г., получив наименование «Данте Алигьери»[235]. При этом первый австрийский дредноут «Вирибус Унитис» заложили лишь 24 июля 1910 года. Строительство «Вирибус Унитис» продолжалось 26 месяцев, в то время как «Данте Алигьери» – 45[236]. В

---

[229] Кронштадтский вестник. 1910. № 19 (7847). С. 2
[230] Донесение военно-морского агента в Италии об откликах на увеличение австрийского флота, 21, 28 апреля 1909 г. // РГА ВМФ, Ф. 418, Оп. 1, Д. 3803, Л. 9–10, 12, 17–18, 23
[231] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 170
[232] Jane's fighting ships. 1911. P. 345; Кронштадтский вестник. 1910. № 23 (7351). С. 3
[233] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 170–171
[234] *Sondhaus L.* The Naval Policy of Austria-Hungary, 1867–1918. West Lafayette: Purdue University Press, 1994. P. 183
[235] Jane's fighting ships. 1910. P. 27, 320
[236] Кронштадтский вестник. 1910. № 193 (7521)

конечном итоге заложенный на год позже австрийский дредноут вступил в строй в декабре 1912 года – на несколько недель раньше итальянского[237].

Амбициозные судостроительные планы Вены явились причиной серьезных опасений Лондона[238], поскольку 4 австрийских дредноута служили противовесом ускорению темпов английского судостроения. Эти корабли представляли потенциальную угрозу положению Англии на Средиземном море в условиях сокращения британских линейных сил. Как доносил русский военно-морской агент в Италии, перед Англией предстала необходимость «усиливать свой флот Средиземного моря для защиты своей линии Гибралтар-Мальта-Порт-Саид от угрожающего, в случае конфликта с Германией и Австрией, усиливающегося флота этой последней страны»[239]. Когда известия о постройке австрийских дредноутов попали на страницы английской печати лорд Бересфорд сделал соответствующий запрос Первому лорду Адмиралтейства в Палате общин. В ответ глава морского ведомства заявил о том, что «официальных сведений об этом не имеется, а неофициальные сведения Первый лорд Адмиралтейства не считает себя в праве сообщать палате»[240]. Между тем, сам этот факт вызвал бурную реакцию прессы Двуединой монархии. Как отмечал русский морской агент в Австрии и Италии, австрийские газеты осуждали «нетактичность» лорда Бересфорда, утверждая, что «целью увеличения австро-венгерского флота является лишь обеспечение защиты Адриатики, единственного выхода монархии к морю. Газеты… осмеивали мысль о том, что австро-венгерский флот может когда-нибудь появиться в Атлантическом океане и в соединении с германским угрожать Англии; они возмущались предположением давления со стороны Германии в вопросе постройки Dreadnought'ов и заявляли, что всякое государство имеет

---

[237] *Halpern P.* The Mediterranean Naval Situation… P. 160
[238] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 171
[239] Донесение военно-морского агента в Италии об откликах на увеличение австрийского флота, 28 апреля 1909 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3803. Л. 17–18, 23
[240] Морской агент в Австрии и Италии, 27 апреля 1910 г. Рапорт в Морской генеральный штаб о разработке судостроительной программы на 1911 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3210. Л. 9–10

право устройства своих вооруженных сил не сообщая другим странам о принимаемых для этого мерах»[241].

Мнения австрийской прессы не разделял постоянный заместитель министра иностранных дел Ч. Гардинг. «Я не могу отделаться от мысли, – писал он, – что эти новые австрийские дредноуты предназначены в качестве благодарности Германии за ее недавнюю поддержку [во время Боснийского кризиса], для того, чтобы вынудить нас разместить дредноуты в Средиземноморье и таким образом способствовать напряжению [в интересах Германии] в Северном море»[242]. По мнению Гардинга, сам факт строительства Австрией этих броненосцев был решающим аргументом против доводов группы «экономистов» в британском правительстве[243]. Французский военный атташе в Риме придерживался той точки зрения, согласно которой именно кайзер потребовал построить четыре австрийских дредноута для противостояния флоту Великобритании[244]. Российский император Николай II однажды спросил у британского посла А. Никольсона, не сделает ли увеличение австрийского флота на четыре дредноута необходимым также и усиление британского Средиземноморского флота, который ранее был значительно сокращен. Не отрицая в принципе подобную перспективу, Николсон возразил, что имеется еще достаточно времени для рассмотрения этого вопроса[245], очевидно подразумевая темпы строительства австрийских кораблей. Наряду с австрийскими линейными силами пристального внимания британцев заслуживал итальянский дредноут «Данте Алигьери». Как сообщал русский консул в Неаполе, корабль мог развивать более высокую скорость и был оснащен бóльшим числом орудий по сравнению с современными ему

[241] Морской агент в Австрии и Италии… Л. 9-10
[242] *Lowe C., Dockrill M.* Mirage of Power… V. 3, P. 465–466
[243] Ibid
[244] *Halpern P.* The Mediterranean Naval Situation… P. 160–161
[245] Nicolson to Grey, 14 April 1909 // B.D. Vol. 5. No. 836. P. 782–785

английскими дредноутами. «Другая отличительная черта «Данте Алигиери» та, что он приспособлен не только к угольному, но и к нефтяному топливу»[246].

Британское Адмиралтейство допускало возможность появления австрийских и итальянских дредноутов в Средиземноморье раньше французских (первый из которых был заложен только в конце 1910 г.)[247]. Однако «Морской ежегодник» давал в этой связи утешительный прогноз: появление у Рима и Вены к 1913 или 1914 г. 8 «самых мощных броненосцев в мире» со временем приведёт к ослаблению или даже распаду Тройственного союза[248]. С британским изданием был в целом согласен прикомандированный к Морскому Генеральному Штабу лейтенант П.Ф. Келлер. Русский морской офицер предположил, что Рим «не окажет энергичной поддержки своим союзникам и сравнительно небольшое давление может ее [Италию] заставить совершенно отказаться от них»[249]. Подтверждением тому служили позиция Италии во время Альхесирасской конференции и Боснийского кризиса, а также ее судостроительная программа, направленная против Австрии.

Рост морских вооружений государств-союзников Германии стал одним из важнейших стимулов для зарождения англо-французского военно-морского сотрудничества. Как отмечала британская пресса, «простые дружественные соглашения ничего не значат и… только союзы с могучими нациями не допустят Англию остаться «в блестящем одиночестве» в минуту опасности»[250]. 24 ноября 1908 г. французский посол в Лондоне П. Камбон в разговоре со статс-секретарем по иностранным делам Э. Греем выразил убеждение, что следует провести переговоры морских специалистов двух стран как дополнение к состоявшимся ранее встречам военных экспертов. На этот раз Первый

---

[246] Копия отношения императорского генерального консульства в Неаполе А. Деревицкого на имя императорского посольства в Риме от 21 августа 1910 года о спуске итальянского броненосца «Данте Алигьери» // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2895. Л. 123–124

[247] *Woodward E.* Great Britain and the German Navy… P. 245

[248] The resulting Mediterranean situation // The Naval Annual. 1910. P. 152

[249] Записка лейтенанта П.Ф. Келлера о возможных вариантах развития стратегических операций в предстоящую мировую войну, 1910 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 31. Л.1

[250] Военная печать о германской политике // Русский инвалид. 1908. № 252. С. 5

морской лорд согласился обсуждать стратегические вопросы с французской стороной. Подобное согласие вероятнее всего объяснялось убеждённостью адмирала в неизбежности войны и отсутствием прежней уверенности в единоличной победе британского флота над морскими силами Тройственного союза.

Маккенна и Фишер встретились с французским военно-морским атташе капитаном 1-го ранга М. де Лостандом в декабре 1908 г.[251] Адмирал заявил Лостанду, что в случае совместных действий Англия могла бы предоставить Франции ответственность за операции в Средиземноморье против Италии и Австрии, включая оборону Мальты и Суэцкого канала. При этом все британские корабли (исключая остающиеся как резерв в Гибралтаре) были бы переведены на север, где Англия взяла бы на себя ответственность за операции в Северном море и на Балтике. Британские предложения были направлены в генеральный штаб французского Адмиралтейства, который был вынужден признать, что не в состоянии справиться с такой серьёзной задачей из-за необходимости охранять собственные морские коммуникации с Алжиром. Следовательно, французские действия ограничивались западным бассейном Средиземного моря. Результатом этих переговоров стали так называемые «Три конвенции».

Первая оговаривала, что, в случае войны против Германии, флоты Великобритании и Франции будут иметь свои собственные четко определенные зоны, в пределах которых действия каждого будут полностью самостоятельны, в то время как общее руководство морскими операциями будет находиться в руках британцев.

Вторая определяла, что французские флоты метрополии будут сосредоточены в Средиземном море, а в качестве их непосредственного противника и объекта уничтожения указывались итальянский и австрийский

[251] *Williamson S.* The Politics of Grand Strategy… P. 243–244; *Halpern P.* The Mediterranean Naval Situation… P. 8–10

флоты в виду того, что, возможно, они вступят в войну как союзники Германии. Французской зоной в начале войны будет западный бассейн Средиземного моря вплоть до мыса Санта Мария ди Леука. Французы могли вступить в схватку с австрийцами только если бы те вышли из Адриатики в целях соединения с итальянским флотом. Британцы наблюдали за Адриатикой, но их основной задачей была защита торговли и входа в Суэцкий канал.

Третья касалась защиты Па-де-Кале, полностью возложенной на французов. Все британские корабли отзывались оттуда и передислоцировались на север для операций в Северном море и на Балтике.

Взятие на себя конкретных военных обязательств противоречило английской политической традиции. В силу этого Первый морской лорд не желал фиксировать достигнутые договорённости в письменной форме, используя благовидный предлог, что это необходимо для сохранения тайны. Единственный британский отчет о переговорах был сделан в виде записки. Как отмечал Камбон, Адмиралтейство знало о том, что оно окружено сетью германских шпионов и подтверждением этого являлись утечки особо секретной информации. В противоположность британцам французы вели подробные записи о ходе переговоров, которые затем бережно хранились.

25 января 1910 г. адмирал флота Фишер ушел в отставку. По мнению российского исследователя Д.В. Лихарева «уход Фишера был своевременным… Во главе угла теперь стоял вопрос о разработке новой морской стратегии и тактики, а главное — необходимо было создание генерального морского штаба, который занялся бы разработкой научного плана современной морской войны»[252]. На посту Первого морского лорда Фишера сменил адмирал А. Вильсон. Новый Первый морской лорд являлся сторонником «блестящей изоляции» Англии, однако реальная перспектива начала войны поставила вопрос об углублении англо-французского морского

[252] *Лихарев Д.В.* Эра адмирала Фишера… С. 191

сотрудничества. 24 августа 1911 г. состоялась встреча Вильсона и де Лостанда, в ходе которой первый согласился, что французская зона в Средиземноморье будет расширена на восток[253]. Следующим шагом стала командировка в начале сентября 1911 г. французского радиоинженера лейтенанта Ш. Гинона, представившего Вильсону проект секретного кода для связи между двумя державами во время войны. На этот раз французы были согласны взять на себя проведение операций во всем Средиземноморье, поскольку отныне они были уверены в своем превосходстве над Италией и Австрией (в конце 1910 г. был заложен первый французский дредноут). Вильсон согласился с введением сигнального кода и стратегическим предложением французов, сделав оговорку, что Англия сохранит крейсеры в Средиземноморье для защиты торговли, поскольку Франция не сможет разделить свои силы между Адриатикой и западным побережьем Италии. Соответственно Париж будет не в состоянии предотвратить рейды вражеских крейсеров против британской торговли в начале военных действий. В конце концов французский посол заявил Гинону о невозможности дать дипломатическую санкцию на заключение соглашения об операциях флотов или даже письменной конвенции между морскими ведомствами. Новый этап англо-французского сотрудничества начался 25 октября 1911 г., когда Первым лордом Адмиралтейства стал У. Черчилль[254].

Британская морская политика, проводимая в исследуемый период, диктовалось не только сложившейся международной ситуацией, но и брала за основу теоретические разработки планов будущей морской войны.

1.3 Теоретическая основа британского стратегического планирования в отношении Средиземного моря

Целями английской стратегии являлись защита Британских островов, колониальных владений, торговли и коммуникаций. На формирование взглядов

[253] *Williamson S.* The Politics of Grand Strategy… P. 245–246
[254] Cabinet and ministerial changes // The Daily Telegraph. 24 October 1911. P.14

британских военно-морских стратегов серьезно повлияли работы двух адмиралов, американца А. Мэхэна и британца Ф. Коломба.

Книга А. Мэхена «Влияние морской силы на историю. 1660–1783 гг.» была впервые опубликована в 1890 г. Доктрина американца Мэхэна основывалась на британском морском опыте ведения боевых действий на море[255]. Книга Коломба «Морская война, её основные принципы и опыт» увидела свет в 1891 г. Коломб полагал, что стратегической целью морской войны являлось «господство на море»[256]. Британский адмирал выделял три уровня «господства на море»:

- индифферентность моря – практическое отсутствие какого-либо контроля над морским районом;

- оспариваемое обладание - морская держава не имеет гарантированного преимущества перед соперниками;

- обеспеченное обладание.

Хотя американский и британский адмиралы пришли к своим выводам независимо друг от друга, стратеги и историки начали использовать термин «теория Мэхэна - Коломба». Коломб и Мэхен связывали установление «господства на море» с созданием подавляющего превосходства в линейных броненосных кораблях и уничтожением флота неприятеля в одном генеральном

---

[255] Адмиралу А. Мэхэну посвящена обширная отечественная историография: *Молок А.И.* Предисловие // Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю: 1793-1812 гг. Т.1. М.;Л.: Издательство НКВМФ СССР, 1940; *Полетика Н.П.* Капитан А.Т. Мэхэн и его книги // Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю: 1660-1783 гг. М.;Л.: Военмориздат, 1941; *Звавич И.С.* Альфред Мэхэн как историк морского могущества Великобритании (Историографический очерк) // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 8. М.: Издательство МГУ, 1948; *Дементьев И.П.* Доктрина морской мощи Альфреда Мэхэна // США: экономика, политика, идеология. 1972. № 5; *Кулаков В.М.* О военно-политических взглядах А.Т. Мэхэна // Основные проблемы истории США в американской историографии (1861-1918) / под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: «Наука», 1974; *Раскин А.П.* Зарубежная историография теории «морской силы» А.Т. Мэхэна // Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений (XIX–XX вв.): Сборник научных статей / под ред. В.К. Фураева. Л.: ЛГПИ, 1977; *Носков В.В.* К истории консервативных традиций в историографии США (историческое наследие А.Т. Мэхэна) // Критика концепций современной буржуазной историографии: Отечественная и зарубежная история (Межвузовский сборник) / под ред. Р.Г. Скрынникова. Л.: ЛГУ, 1987; *Доценко В.Д.* Основоположник теории морской силы // Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660-1783. М.;СПб.: Terra Fantastica, 2002

[256] *Коломб Ф.* Морская война… С. 48–49, 62–63

сражении. Однако имелись отличия в концепциях двух авторов. «Сочинения Коломба затрагивали главным образом военные проблемы. Причиной восхищения, с которым в Англии были встречены книги Мэхэна, были его социально-политические идеи»[257]. Ф. Коломб так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Наши книги дополняют одна другую: американский автор говорит, главным образом, о том, к чему приводит морское могущество, а я посвящаю свой труд рассмотрению того, что такое морское могущество и как им надо пользоваться»[258].

В соответствии с «теорией Мэхэна-Коломба» доктрины морских держав рассматривали завоевание «господства на море» как результат генерального сражения, в котором решающей силой выступали линейные корабли. На практике первый опыт применения торпед и мин показал, что корабельная артиллерия отныне являлась главным, но не единственным средством боевого воздействия на противника. Выявилась необходимость создания новых классов кораблей и новых образцов минного и артиллерийского оружия.

Именно миноносцы и торпедные катера служили средством блокады устья Эльбы и выходов из германских портов в плане, составленном начальником отдела военно-морской разведки, германским аристократом на английской службе принцем Л. Баттенбергом. План Баттенберга был составлен в июле 1904 г., после того как Селборн назвал в качестве главного потенциального противника Великобритании Германию. Это был первый британский стратегический план действий против германского флота[259]. Дальнейшее военно-стратегическое планирование с учетом германской опасности осуществлялось Адмиралтейством в «эру Фишера» (1904 – 1910 гг.).

Первый морской лорд Д. Фишер полагал, что Германию возможно победить с помощью лишь одних морских операций, не признавая

---

[257] *Кулаков В.М.* О военно-политических взглядах А. Т. Мэхэна… С. 177
[258] *Коломб Ф.* Морская война… С. 17
[259] *Лихарев Д.В.* Эра адмирала Фишера… С. 151–152

«континентальную стратегию». Он думал, что детали стратегического плана должны разрабатываться уже после начала боевых действий исходя из конкретной сложившейся ситуации. Впоследствии в своих мемуарах Фишер писал: «Война не имеет правил... Бей первым, бей сильно, бей без передышки!»[260]. При этом писатель и преподаватель морской истории Г. Ричмонд подчёркивал, что в современную Фишеру эпоху «логическая и научная система войны была совершенно другим делом»[261].

24 июня 1905 г., в условиях напряжённой международной обстановки во время Марокканского кризиса, Первый морской лорд всё же поручил начальнику отдела военно-морской разведки Ч. Оттли изучить укомплектование личным составом и дислокацию флота на случай кампании против Германии в поддержку Франции[262]. Оттли констатировал, что Адмиралтейство могло передислоцировать в воды метрополии Атлантический флот, после чего приказать командующему Флотом Ла-Манша А. Вильсону открыть военные действия[263]. Учитывая то обстоятельство, что французы контролировали Средиземное море, находившийся там британский флот, по мнению Оттли, также мог бы быть отозван, за исключением тех сил, которые были необходимы для наблюдения за Черноморским флотом (к тому моменту еще не закончилась русско-японская война)[264].

Вопрос о разработке новых стратегических планов встал особенно остро к концу 1906 г., когда изменилась международная обстановка, завершился первый этап передислокации сил Королевского флота и был введён в строй «Дредноут». Следует подчеркнуть интересное обстоятельство: в сложившейся ситуации прогрессивно мыслившие морские офицеры предлагали стратегические планы, разработанные по своей собственной инициативе, без указания сверху и в отсутствие специального органа планирования. К таковым

[260] *Fisher J.* Memories… P. 126-127
[261] *Marder A.* Portrait of an Admiral… P. 49
[262] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 116
[263] *Mackay R.* Fisher of Kilverstone… P. 330
[264] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 503, 512

относился капитан I ранга Э. Слейд, написавший сочинение под названием «Война с Германией»[265]. По мнению Слейда будущая германская экспансия предполагала:

- присоединение Бельгии и Голландии с их колониальными владениями;

- присоединение Австрии после смерти императора Франца-Иосифа с последующим проникновением в Турцию;

- создание собственных колоний в Южной Америке.

Для противостояния германскому натиску Слейд предлагал захватить один из Фризских островов – Боркум. Эту первую военную операцию следовало провести до формального объявления войны, но сразу же после отъезда британского посла, с целью:

- занятия выгодной стратегической позицией на германском фланге;

- овладения плацдармом для переброски сил в Северные Нидерланды для помощи голландцам в удержании подготовленных заранее линий обороны;

- контроля за входом в Шельду;

- наблюдения за германским флотом с помощью сил, достаточных для победы над неприятелем, если бы тот вышел в море;

- занятия Антверпена с последующим использованием Рейна для отражения фланговой атаки на случай германского вторжения в Бельгию.

Впоследствии Фишер включил Оттли и Слейда в состав специального комитета, созданного при Королевском военно-морском колледже в Портсмуте с целью разработки планов военных действий. Международная ситуация вынуждала предпринять подобную меру, несмотря на негативное отношение Первого морского лорда к военно-стратегическому планированию как

[265] Captain Edmond Slade. War with Germany, 1 September 1906. PRO. Admiralty, Secretary's Department (ADM) 116/1036B. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.10.2014)

таковому. Комитет работал с 1906 по 1908 год. Подготовленные им планы носили характер общих рекомендаций, не будучи приняты в качестве официального руководства к действиям.

Так называемый «План А-1» (1907 г.) теоретически предполагал, что Австрия и Италия вступят в войну на стороне Германии, а Франция – в качестве союзника Великобритании. Французский флот упоминается как превосходящий по силе объединенный австро-итальянский (на тот момент ещё не были приняты дредноутные программы Италии и Австрии). Соответственно, Британия могла бы отвести силы из Средиземноморья, обеспечив себе подавляющее превосходство на северном театре военных действий, оставив Францию на страже своих интересов в южных водах. При этом в полном распоряжении французов находились бы британские базы, из состава британского флота в Средиземноморье оставались лишь миноносцы. Также предусматривалась возможность присоединения Австрии к Германии после кончины императора Австрии и короля Венгрии Франца Иосифа I. В этом случае, чтобы не допустить перехода австрийского флота в руки Германии его предполагалось предварительно захватить или уничтожить. Германский флот следовало выманить в Северное море и разгромить в генеральном сражении[266].

Военный план, составленный в 1908 г., предусматривал различные сценарии развития событий:

- если бы Англия вела войну с Германией, Атлантический флот должен был соединиться с Флотом Ла-Манша, а Средиземноморский флот - оставаться на станции[267];

- если бы к Германии присоединилась Австрия, Атлантический флот усиливал Средиземноморский;

---

[266] War Plans, 1907. PRO. ADM 116/1037. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.11.2014); *D'Ombrain N.* War Machinery and High Policy. Oxford: Oxford University Press, 1973. P. 92

[267] War Plan. Germany, June 1908. Pt. 1. PRO, ADM 116/1043B. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015); *D'Ombrain N.* War Machinery and High Policy… P. 92

- если бы Англия вступила в войну с Германией, находясь в союзе с Францией, то британский Средиземноморский флот должен был присоединиться к Атлантическому флоту в водах метрополии, в то время как французские силы препятствовали вступлению в войну Италии и Австрии[268].

Американский исследователь П. Гальперн отметил следующую тенденцию развития британской стратегической мысли: отозвание шести средиземноморских броненосцев в воды метрополии становилось все более предпочтительным даже при условии, если бы Франция не была союзником Англии[269]. Отозвание Атлантического и Средиземноморского флотов также предполагалось в очень маловероятном случае войны против Германии и Соединенных Штатов[270].

Вышеприведённые планы вызвали критику в военно-морских кругах. По мнение вице-адмирала К. Дъюара, они являлись «продуктом эпохи на флоте, когда обучение офицеров ведению морской войны находилось в полном небрежении»[271]. При этом Дъюар полагал, что было бы несправедливо обвинять Фишера в некомпетентности в области морской стратегии, поскольку Первый морской лорд был типичным представителем артиллерийско-торпедной школы на флоте[272]. Давний соперник Фишера адмирал лорд Бересфорд написал письмо премьер-министру Г. Асквиту 2 апреля 1909 г.[273] Бересфорд жаловался на то, что за время пребывания на посту командующего Флотом Ла-Манша он получил от Первого морского лорда вместо стратегического плана только

---

[268] War Plan. England and France vs. Germany. Pt. 1. PRO. ADM 116/1043B. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015); *D'Ombrain N.* War Machinery and High Policy… P. 92
[269] *Halpern P.* The Mediterranean Naval Situation… P. 7
[270] War Plan England vs. Germany and U.S.A., December 1908. Pt. 1. PRO. ADM 116/1043B. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015); *D'Ombrain N.* War Machinery and High Policy… P. 92
[271] *Dewar K.* The Navy From Within. L.: Gollancz, 1939. P. 145
[272] Ibid
[273] Донесения военно-морского агента в Англии о противоречиях между двумя главнейшими адмиралами английского флота Фишером и Бересфордом по вопросу организации отрядов и эскадр. 14 апреля – 6 ноября 1909 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3269. Л. 20

общие рекомендации по поводу действий в случае войны[274]. Адмирал указывал на отсутствие в составе Адмиралтейства «надлежащего стратегического департамента», делая вывод о том, что флот не организован надлежащим образом для ведения боевых действий против неприятеля[275]. В отличие от Бересфорда секретарь Комитета имперской обороны М. Хэнки полагал, что в рассматриваемое время отсутствие подобного департамента «не имело особого значения, поскольку все стратегическое планирование осуществлялось таким гением, как Фишер, и иногда при помощи таких профессионалов, как Оттли...»[276].

Хотя Первый морской лорд выступал против идеи создания специального отдела стратегического планирования[277], в 1909 г. были образованы морской мобилизационный департамент, ведавший составлением планов мобилизации и планов войны, а также морской военный совет для решения вопросов стратегического характера[278], ставшие непосредственными предшественниками Морского генерального штаба.

На этом этапе были подготовлены ещё два плана войны с Германией, один из которых датирован тем же 1909 г., а следующий – апрелем 1911 г. Оба плана предполагали передислокацию Средиземноморского флота в воды метрополии[279]. Самым нежелательным вариантом с точки зрения Адмиралтейства была бы война в одиночку против всего Тройственного союза. В британском морском министерстве прогнозировали, что если Англия будет

---

[274] В июне 1907 г. командующий Флотом Ла-Манша был извещён переходе под его командование Атлантического флота в случае ведения войны с Германией одной Великобританией, а также Средиземноморского флота (или его части) – при условии союза Англии с Францией.
[275] Report and Proceedings of a Sub-Committee of the Committee of Imperial Defence appointed to inquire into certain questions of Naval Policy raised by Lord Charles Beresford, 12 August 1909 // PRO Cab 16/9. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)
[276] *Hankey M.* Supreme Command… V. 1. P. 73
[277] The Royal Navy and the War Planning in the Fisher Era // *Kennedy R. (ed.)* The war plans of the great powers 1880–1914. L.: George Allen & Unwin, P. 118–133
[278] Главнейшие моменты в деятельности флота Великобритании за 1909 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2910. Л. 5
[279] Sketch of the Action Necessary for War with Germany Alone, 1909, and Alternate Sketch Plan for War with Germany, April 1911. Pt. 2. PRO. ADM 116/1043B. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)

обладать численным превосходством как на северном, так и на средиземноморском театрах военных действий, то исходя из этого Атлантический флот, соединившись со Средиземноморским, будет стремиться предотвратить соединение австрийского и итальянского флотов, принуждая один из них или их обоих вступить в сражение. В качестве цели ставилось отделение Италии от Тройственного союза. «Предложение» Италии заключить сепаратный мир было бы сделано с помощью захвата британцами Сардинии, а также Сицилии, если бы жители острова выступили против римского правительства. С выходом Италии из войны, все силы могли бы быть направлены против Австрии. Упоминалось о возможных операциях против Каттаро и совместных действиях с Сербией или Черногорией[280]. Операции на севере против Германии сводились к обеспечению господства на море и полной остановке германской заморской торговли. Данный план являет собою интересный пример использования превосходства на море для нанесения ударов по уязвимым континентальных пунктам противников.

В своих замечаниях по приведенным выше планам Г. Ричмонд указывал, что не следовало рассчитывать на французскую помощь, а Германию и Австрию нужно было рассматривать фактически одним государством после начала военных действий. При этом одной лишь мобилизацией войск и транспортных средств в Триесте Австрия могла бы повлиять на британскую стратегию, создав тем самым очевидную угрозу Мальте. Ричмонд полагал, что оставление Средиземноморья перед Австрией, делало последнюю «самой опасной», поскольку с ее вступлением в войну «сила броненосцев и крейсеров будет абсолютно необходима в Средиземноморье или Мальта будет потеряна, а наша торговля будет мучительно страдать»[281].

Кроме разработки конкретных стратегических планов в британских военно-морских кругах делались попытки разработки новой теории морской

[280] England vs. the Triple Alliance. Pt. 2. PRO. ADM 116/1043B. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)
[281] *D'Ombrain N.* War Machinery and High Policy… P. 92; *Marder A.* Portrait of an Admiral… P. 78

войны с учётом изменения международной обстановки и развития вооружений. На этом этапе «теория Коломба-Мэхэна» была обобщена и дополнена британским морским историком Д. Корбеттом в его книге «Принципы морской стратегии» (1911). По мнению автора залогом победы в морской войне являлись безопасность собственных морских коммуникаций, блокада коммуникаций противника и разгром главных сил его флота в генеральном сражении[282]. Нанесение удара по морским коммуникациям противника вело к «разрушению жизнедеятельности страны на море и… задержке течения её жизни на суше»[283]. Причём поскольку на море коммуникации являются общими, невозможно атаковать коммуникации противника, не защищая своих собственных[284]. Воздействие на морские коммуникации противника представляет собой экономическое давление, которое «может быть единственным средством принуждения к решительному бою, которого мы ищем»[285]. Причём коммуникации противника можно контролировать либо значительным превосходством в силах либо с помощью решительной победы. «Господство на море» может быть общим или местным, постоянным или временным. Общее господство может быть или постоянным или временным, однако местное – только временным, в силу того, что противник в любой момент может его нарушить передислоцировав силы с других театров[286]. При этом даже морское господство не может обезопасить собственные коммуникации против «спорадических атак отдельных крейсеров или крейсерских эскадр при смелом руководстве ими и при готовности идти на риск их потери»[287].

Корбетт, в отличие от Коломба и Мэхэна, оперировал новыми терминами – «флот в готовности к действиям», подразумевавший максимальное сбережение морских сил для генерального сражения или до окончания войны с

[282] *Корбетт Д.* Некоторые принципы морской стратегии… С. 72
[283] Там же. С. 74–75
[284] Там же. С. 78–79
[285] Там же. С. 79
[286] Там же. С. 81–82
[287] Там же. С. 82

целью устрашения противника, а также «малые активные операции» («малая война») - нанесение ударов собственными вспомогательными силами (миноносцы, подводные лодки) по главным силам (линейные корабли, крейсера) противника[288]. Введение этих понятий было продиктовано развитием торпедного оружия. В отличие от Мэхэна Корбетт особое значение придавал крейсерской войне. Идея использования крейсеров для защиты торговли появилась у Корбетта под влиянием «оставления Средиземноморья». По мнению британского морского историка, торговлю можно было защищать не только при помощи победы линейных сил, большая часть которых была передислоцирована из Средиземноморья в северные воды. В этом проявилось обратное воздействие военно-морской практики на теорию ведения войны.

Таким образом в начале 1910-х гг. на британские стратегические планы оказывало непосредственное влияние изменение военно-политической обстановки. К новым факторам средиземноморской ситуации относились: передислокация в северные воды половины мальтийских броненосных сил, создание Италией и Австро-Венгрией собственных дредноутов, а также начавшиеся переговоры с французским военно-морским руководством. Непосредственную угрозу британским средиземноморским коммуникациям создавали строившиеся дредноуты держав Тройственного союза наряду с активной завоевательной политикой, которую начала проводить Италия.

[288] *Schurman D.* The Education of a Navy: The Development of British Naval Strategic Thought, 1867-1914. L.: Cassell, 1967. P. 149

Глава 2. Влияние итало-турецкой войны на британскую средиземноморскую стратегию

2.1 Отношение Англии к войне и влияние её результатов на британские военно-стратегические планы

Военно-политические и экономические интересы Великобритании в Средиземноморье диктовали необходимость поддерживать хорошие отношения с государствами региона, в ряду которых важное место занимала Италия. Средиземноморская стратегия британского Адмиралтейства учитывала возможность использования силами Королевского военно-морского флота итальянских морских баз. При наиболее благоприятном для Лондона развитии политической ситуации в Средиземноморье итальянский флот мог вступить во взаимодействие с английским, что позволяло выиграть время для передислокации британских военно-морских сил[289]. Хотя Италия являлась членом Тройственного союза, Рим стремился поддерживать хорошие отношения с Англией, а также урегулировал противоречия с Францией, подписав в 1902 г. соглашение Баррера-Принетти[290]. Итальянские правящие круги пытались лавировать в своей внешней политике между странами Антанты и Германией.

Собственные итальянские геостратегические интересы были сосредоточены в североафриканских областях Триполитания и Киренаика, принадлежавших Османской империи[291]. 12 марта 1902 г. Великобритания заявила о своем стремлении сохранить статус-кво в Восточном Средиземноморье и Триполитании, а также об отсутствии притязаний на эту территорию. В случае изменения статус-кво английское правительство обещало добиваться, чтобы «это изменение шло в направлении итальянских

---

[289] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 409–410; *Бондаревский Г.Л.* Борьба за Триполитанию и Киренаику на рубеже XIX–XX вв. // Колониализм вчера и сегодня. М.: «Наука», 1964. С. 79
[290] *Бондаревский Г.Л.* Борьба за Триполитанию и Киренаику… С. 79
[291] Там же. С. 37, 39

интересов»[292]. При этом в Лондоне надеялись на то, что Италия «не вступила и не вступит с другими державами в недружественные для Англии соглашения в отношении какой-либо части Средиземного моря»[293].

Принимая в расчёт вышеупомянутое заявление британского кабинета и пользуясь благоприятной международной обстановкой Рим осенью 1911 г. начал войну с Турцией[294]. По мнению газеты “The Times” турецкое правительство было не вправе при сложившихся обстоятельствах рассчитывать на британскую помощь. Младотурки, поначалу поддерживаемые Англией, тем не менее политически переориентировались на Германию. В то же время, даже с учетом симпатии к Италии и признания интересов страны в Триполитании, Лондон не мог сочувствовать её шагам, «грозящим вызвать европейский пожар»[295]. Вследствие этого после начала военных действий Англия заявила о своем нейтралитете[296]. Средиземноморские силы Королевского флота были в полной боевой готовности сосредоточены на Мальте. На одной из британских верфей были задержаны суда, предназначенные для отправки в Турцию, а для Италии была приостановлена продажа угля[297].

Не возражая в принципе против открытия Италией кампании против Османской империи, Грей выразил пожелание, чтобы война была локализована в Триполитании. Британский статс-секретарь заявил итальянскому послу, что в связи с объявленным нейтралитетом Англия не позволит использовать для проведения военных операций граничащий с Триполитанией Египет, номинально являвшийся частью Османской империи, но фактически оккупированный Лондоном[298]. О серьезных опасениях англичан свидетельствовало прибытие на берега Нила в самый день объявления Италией

---

[292] Lansdowne to Currie, 3 February 1902 // B. D. Vol. 1. No. 359. P. 287–290
[293] Lansdowne to Currie, 7 March 1902 // B. D. Vol. 1. No. 360. P. 290–291; Триполитанский вопрос и европейская дипломатия // Русские ведомости. 1911. № 212. С. 4
[294] Italy’s ultimatum to Turkey // The Times. 29 September 1911. P. 6
[295] Италия и Турция. Объявление войны // Русские ведомости. 1911. № 213. С. 3
[296] British attitude // The Daily Telegraph. 29 September 1911. P. 9
[297] Донесения военно-морского агента (атташе) в Англии о внешней и внутренней политике британского правительства. Май 1910 – октябрь 1911 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3288. Л. 37–40
[298] Grey to Rodd, 30 September 1911 // B.D. Vol. 9. Part 1. No. 254. P. 287

войны Турции фельдмаршала лорда Китченера[299], а также крейсера «Медея»[300]. Итальянское правительство, учитывая позицию Лондона, приказало командующему флотом считать нейтральными египетские территориальные воды. Со своей стороны министр иностранных дел Италии маркиз А. ди Сан-Джулиано выразил английскому послу надежду, что Турции также не будет позволено использовать воды Египта в качестве морской базы[301]. Великобритания высказала аналогичное пожелание воюющим сторонам в отношении района Красного моря, получив согласие как Италии, так и Турции.

При этом вопрос о нейтралитете Египта и Красного моря не был единственной проблемой, непосредственно затрагивавшей интересы Великобритании. 4 ноября 1911 г. незадолго перед тем вступивший в должность Первого лорда Адмиралтейства У. Черчилль в письме Грею назвал Британскую империю «величайшей магометанской державой в мире»[302]. Именно поэтому Англия стремилась, чтобы война была не только локализована, но и как можно скорее окончена ввиду серьезных антихристианских настроений среди ее собственных подданных-мусульман[303]. «Чем дальше затянется итало-турецкая война… тем далее будет шириться волна религиозного противухристианского возбуждения мусульман, охватывая… оседлое мусульманское население в… Египте… в Англо-Индии война уже вызвала брожение среди 65 млн. мусульман, живущих там»[304].

Принимая во внимание заинтересованность Великобритании в скорейшем завершении войны турецкое правительство еще в самом начале конфликта просило английский кабинет повлиять на итальянцев в сдерживающем смысле. Премьер-министр Г. Асквит заявил об «искреннем желании правительства его

---

[299] Lord Kitchener in Egypt // The Times. 29 September 1911. P. 6
[300] Русский инвалид. 1911. № 205. С. 3
[301] Rodd to Grey, 30 September 1911 // B.D. Vol. 9. Pt. 1. No. 252. P. 286
[302] *Churchill R.* Winston S. Churchill. The Official Biography. Companion Vol. 2. Pt. 2. (WSC) L.: Heinemann, 1969. P. 1369–1370
[303] Indian Moslem apprehensions // The Times. 18 May 1912. P. 5; Италия и Турция. Объявление войны // Русские ведомости. 1911. № 213. С. 3
[304] Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову, 30 октября 1911 г. // МОЭИ. Серия 2. Т. 18. Ч. 2. № 759. С. 272

величества видеть войну как можно скорее оконченной», при этом глава кабинета подчеркнул, что «посредничество на стороне одного из участников боевых действий» не привело бы к их окончанию. Лондон мог бы оказать миротворческую помощь при условии согласия на то обеих противоборствующих государств[305]. Грей полагал, что дипломатическое вмешательство «на основе, устраивающей Турцию», было бы воспринято в Италии «как недружественный шаг»[306]. Рим поначалу не просил об английском вмешательстве. Однако по прошествии некоторого времени итальянский министр иностранных дел убедился в том, что для «восстановления мира весьма желательно, чтобы Россия, Франция и Англия сговорились между собой и дали сообща уверения их Турции, что они не видят другого исхода, кроме аннексии [Триполитании и Киренаики Италией]»[307]. Министр выразил надежду, что англичане предпочтут в качестве соседа Египту именно итальянскую колонию владению какой-либо другой державы с учётом добрых традиций англо-итальянских отношений. Грей считал, что предложение туркам принять итальянские условия не возымело бы действия. Заведомо безуспешные шаги означали ущерб престижу Англии на Востоке.

Триполитания и Киренаика были формально аннексированы Италией 5 ноября 1911 г.[308] После того как Рим издал об этом декрет, Грей официально осудил подобный шаг. Несмотря на то, что соглашением 1902 г. Лондон заявил об отсутствии собственных притязаний, с учетом изменившейся политической ситуации в январе 1912 г. было осуществлено изменение границы между Триполитанией и Египтом. Вследствие этого последний получил гавань Соллум Бей[309]. Черчилль, ещё в конце сентября полагавший, что Лондону следовало бы «предпочесть Италию Турции по всем причинам — как

[305] War in Tripoli. Letter from Mr. Asquith // The Daily Telegraph. 9 February 1912. P. 8
[306] Grey to Lowther, 3 October 1911 // B.D. Vol. 9. Pt. 1. No. 268. P. 298
[307] Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову, 1 ноября 1911 г. // МОЭИ. Серия 2. Т. 18. Ч. 2. № 775. С. 285
[308] Annexation of Tripoli // The Times. 6 November 1911. P. 8
[309] Tripoli and Egypt: New boundary // The Daily Telegraph. 20 January 1912. P. 7

нравственным, так и безнравственным»[310], теперь был вынужден изменить свою точку зрения. Стало известно о расправах, чинимых итальянцами над населением оккупированных областей. «Италия ведет себя ужасно, - возмущался он, - и я не могу себе представить, что будут чувствовать наши соотечественники, когда новости об этой гнусной резне, последовавшей за актом беспричинной и циничной агрессии, подтвердятся во всех деталях»[311]. Отныне Первый лорд считал более выгодной дружбу с Константинополем, опасаясь перехода Турции в сферу влияния Германии. При этом, по словам российского посла графа А.К. Бенкендорфа, в Лондоне «вполне примирились с тем, что Триполи станет более или менее итальянским»[312]. Англичан в первую очередь волновала позиция Рима по коммерческим вопросам и дальнейшая судьба положения о капитуляциях в этой североафриканской области.

Гораздо более серьезно, чем к вопросу об аннексии Триполитании, британские правительственные и высшие военные круги отнеслись к ещё одному средиземноморскому вопросу, вновь вставшему на повестку дня во время итало-турецкой войны. Россия в очередной раз попыталась решить путем переговоров с Турцией важнейшую задачу, стоявшую перед нею на Ближнем Востоке – открыть для русских военных кораблей проливы Босфор и Дарданеллы. Главным инициатором переговоров был российский посол в Константинополе Н.В.Чарыков, который рассчитывал на благожелательное отношение Великобритании к своим проектам. Посол мотивировал свою убеждённость в лояльности Лондона следующими словами: «Что же касается Англии, то она, как известно, сосредоточила ныне свои морские силы в Северном море и предоставила Франции заботу об англо-французских интересах в Средиземном море. Ввиду сего возможность появления в Средиземном море военных судов, принадлежащих к Черноморскому флоту

[310] WSC. P. 1369–1370
[311] Ibid
[312] Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову, 8 ноября 1911 г. // МОЭИ. Серия 2. Т. 18. Ч. 2. № 836. С. 333–335

России – союзницы Франции, явилась бы для Англии уже не опасной, а скорее желательной»[313]. Великобритания, со своей стороны, выступила за открытие Проливов для военных судов всех наций. Грей заявил, что поскольку идет война, никто не может вступать в новые политические отношения близкого характера с одной из воюющих сторон без определенного ущерба своему нейтралитету[314]. Турки попытались найти выход из создавшейся ситуации, заключив союз с Англией. В конце октября 1911 г. Грею от имени турецкого правительства было официально предложено вступить в переговоры по этому вопросу. Турецкая сторона стремилась получить официальную поддержку Лондона против Италии. Чарыков был убежден в том, что «при всем своем морском могуществе Англия бессильна защитить Турцию на ее границах с Балканскими государствами и на ее малоазиатской границе с Россией…»[315]. Грей отклонил это предложение, сославшись опять же на нейтралитет Англии в войне. Британская дипломатия не желала в данный момент открыто выступать против России в вопросе о Проливах, поскольку была заинтересована в ее поддержке на международной арене. В конце концов Грей заявил, что для изменения режима Проливов необходимо согласие всех держав, подписавших договоры 1856 и 1871 г., а предоставление русским военным судам права прохода через Проливы будет представлять угрозу миру в Европе. При этом он добавил: «Договоры должны сохранять свою силу при всяких условиях»[316]. И, наконец, в декабре 1911 г. турецкое правительство официально заявило, что для защиты «своей независимости Турция должна сама оставаться хозяином Проливов, не связывая себя договорами с другими странами»[317]. Но ситуация вокруг Проливов вскоре снова стала предметом обсуждений в политических и общественных кругах.

---

[313] Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову, 30 сентября 1911 г. // МОЭИ. Серия 2. Т. 18. Ч. 1. № 498. С. 52
[314] Grey to Goschen, 6 November 1911 // B.D. Vol. 9. Pt. 1. No. 304. P. 321
[315] *Лунева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы… С. 100
[316] Речь. 12 декабря 1911 // Цит. по: Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы… С. 117
[317] *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. 1. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. С. 294

Дело в том, что Турция 18 марта (5 апреля) 1912 г. закрыла проход через Дарданеллы для торговых судов всех государств в ответ на перенос итальянцами боевых действий в этот район. В Риме полагали, что непосредственная опасность, грозившая столице Османской империи, сделает турок уступчивее в плане заключения мира на итальянских условиях. Интересно, что план минирования Проливов был составлен в свое время британской военно-морской миссией во главе с контр-адмиралом Х. Вильямсом. Сама постановка мин была осуществлена со специальных судов, поставленных Турции Англией[318]. По иронии судьбы, прекращение торгового судоходства через Проливы особенно серьёзно затронуло именно английские торговые интересы[319]. Под давлением британских судовладельцев Грей обратился 30 апреля (13 мая) 1912 г. к турецкому правительству с требованием временно открыть Проливы, чтобы дать возможность выйти оттуда задержанным судам. Италию он просил на определённый период воздержаться от проведения морских операций в указанном районе. Российский посол сообщал о том, что «Грей все больше и больше хочет, чтобы мир был скоро заключен»[320]. 5(18) мая Босфор и Дарданеллы были открыты для прохода торговых судов нейтральных держав[321], а Италия перенесла боевые действия в Эгейское море, захватив Додеканезские острова.

Додеканезский архипелаг, оккупированный весной 1912 г., стал базой итальянского флота, третьего по величине в Средиземноморье после английского и французского. Это поставило под угрозу коммуникации стран Антанты, усилив стратегические позиции Тройственного союза в Восточном Средиземноморье. Таким образом Египет и дорога в Индию становились уязвимыми для ударов со стороны союзника Германии. Вопреки Лозаннскому

---

[318]При этом укрепление Дарданелл производилось под руководством германских инженеров, что характеризует политику турецкого правительства, лавировавшую между двумя блоками (Итало-турецкая война // Новое время. 1912. № 12939. С. 2)

[319] Соображения по морской политике Великобритании (Копия записки для памяти морского агента в Англии), 10 августа 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2933. Л. 43

[320] Посол в Лондоне Сазонову, 12 июня 1912 г. // МОЭИ. Серия 2. Т. 19. Ч. 2. С. 176

[321] The reopening of the Dardanelles // The Times. 18 May 1912. P. 5

договору с Турцией, подписанному в октябре 1912 г., а также заверениям о временном характере оккупации, Италия так и не эвакуировала свои войска, несмотря на дипломатический нажим со стороны Лондона и Парижа. Секрет подобного упорства заключался в дипломатической поддержке, которую оказал Риму Берлин. В Германии опасались, что с уходом итальянских войск острова могли попасть под контроль держав Антанты[322].

Помимо оккупации Додеканезского архипелага политический и военный вес Италии в Средиземноморье увеличила сама аннексия Триполитании и Киренаики. Как сообщал русский морской агент в Австрии и Италии, «завоевание Либии возлагает на [итальянское морское] министерство необходимость поддерживать и обеспечить сообщения метрополии с колонией, а увеличение района деятельности флота повлечет как увеличение общего числа военно-морских баз, так и если не прямое увеличение численного состава флота, то во всяком случае иное распределение эскадр и отрядов вспомогательных и колониальных судов…»[323].

Располагая морскими базами на Сицилии и юге Аппенинского полуострова, а также вновь приобретенными портами в Северной Африке (Триполи, Бенгази, Тобрук), Италия получала возможность контролировать Центральное Средиземноморье в его самой узкой части[324]. Итальянцы отныне могли задержать британский флот и даже полностью преградить ему путь[325]. Кроме того, в связи с захватом Триполитании французский посол в Лондоне Камбон опасался распространения отдельных положений Тройственного союза на средиземноморский регион, что вероятно привлекло бы к нему Турцию. Грей пытался привлечь Италию к соглашению с Великобританией и Францией

---

[322] *Яхимович З. П.* Итало-турецкая война… С. 184

[323] Копия рапорта морского агента в Австрии и Италии старшего лейтенанта барона Врангеля от 31 декабря 1912 года начальнику Морского Генерального Штаба о программе деятельности итальянского морского министерства на ближайший период времени, в связи с окончанием войны с Турцией и приобретением новой колонии // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2949. Л. 1

[324] *Яхимович З. П.* Итало-турецкая война… С. 184

[325] Донесения военно-морского агента в Англии об откликах в Англии на войну Италии с Турцией // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Т 3. Д. 3288. Л. 228–229

о взаимной защите общих интересов в Средиземноморье при сохранении статус-кво в его восточном бассейне (подобного рода соглашение было ранее заключено с Испанией). Одним из условий, поставленных странами Антанты, была немедленная эвакуация Додеканезских островов. Итальянские правящие круги отнеслись к предложению сдержанно и Грей оставил эту идею. Проанализировав сложившуюся средиземноморскую ситуацию адмирал лорд Бересфорд пришёл к выводу, что, хотя англо-итальянские отношения были «пока еще дружественны», не следовало забывать, что «потеряв свою силу на Средиземном море, мы создаем такую стратегическую обстановку, при которой для Италии становится более выгодным откровенно и решительно стать на сторону Германии»[326]. Союз с Италией был важен для Берлина, поскольку в условиях блокады германских, а возможно бельгийских и голландских, портов силами Королевского флота можно было рассчитывать на итальянские порты для связи с внешним миром. Если бы Италия вступила во враждебную коалицию, снабжение Германии продовольствием и сырьем оказалось бы «в критических условиях»[327]. В качестве ответа на усиление позиций Тройственного союза в Средиземноморье Англия по новому организовала стратегическое планирование, усилила собственный военный флот и приступила к ещё более тесному морскому сотрудничеству с Францией[328].

2.2 Создание Морского генерального штаба и новый судостроительный стандарт

Обострение англо-германского морского соперничества, изменение дислокации Королевского флота и развитие вооружений сделали особо актуальной проблему практической разработки стратегии морской войны. Первая морская держава мира Великобритания отставала в данном вопросе от

---

[326] Вырезка из газеты «Русский инвалид» со сведениями о военно-морском флоте Англии. 23–24 июня 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2654. Л. 38

[327] Стратегическое значение Средиземного моря для флотов европейских держав // Морской сборник. 1912. № 6. С. 152

[328] *Яхимович З.П.* Итало-турецкая война… С. 184

других государств, имевших сильные флоты. Морские генеральные штабы под разными наименованиями создали к началу 1910-х гг. почти все великие державы (исключая Австро-Венгрию): Япония (1893 г.), Германия (1899 г.), Франция (1902 г.), Россия (1906 г.), Италия (1907 г.), США (1909 г.). В своё время адмирал Фишер отказался от идеи создания морского генерального штаба, мотивируя это тем, что подобные функции мог бы выполнять Королевский военно-морской колледж, обучавший штабных офицеров[329]. Напротив, Черчилль, сознававший важность стратегического планирования в новых международных условиях, приступил к созданию Морского генерального штаба сразу после вступления в должность Первого лорда Адмиралтейства[330].

Проект будущего Морского генерального штаба был изложен в докладной записке, представленной Вторым морским лордом принцем Л. Баттенбергом на рассмотрение Черчиллю, который впоследствии писал: «все детали [проекта Морского генерального штаба]… были разработаны принцем Луисом»[331]. Штаб предназначался для того, чтобы давать советы главе исполнительной власти по всем вопросам, связанным с подготовкой к войне[332]. Принятие этих советов зависело от решения Первого морского лорда[333]. В данном вопросе Черчилля поддержал Фишер: «Плюс существования Морского генерального штаба заключается в том, что страна не погибнет, если мы будем иметь несчастного дурака в должности Первого морского лорда»[334].

Как подчёркивал Первый лорд, более специфические функции штаба должны были состоять в изучении зарубежных военно-морских флотов и военно-морской политики иностранных государств. Штабу следовало

---

[329] Ottley to Churchill, 24 October 1911. PRO. CAB 1/31. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.04.2014)
[330] Копия донесения морского агента в Англии о морских, стратегических и оперативных планах Англии, 9 октября 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1315. Л. 82
[331] *Churchill W.* The World Crisis… P. 74
[332] Draft memorandum on the Naval War Staff by Battenberg with comments by Churchill. PRO. CAB 1/31. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.04.2014)
[333] Ibid
[334] WSC. P. 1324

выполнять эти функции «настолько основательно, чтобы он мог давать советы по поводу наилучших средств противодействия одному или большему количеству вероятных противников с серьезными шансами на успех»[335]. В свою очередь «советы» подразумевали предложение таких типов кораблей, которые «превосходили бы суда вероятного противника и имелись бы в достаточном количестве, были укомплектованы обученными экипажами, собраны вместе и дислоцированы с таким расчетом, чтобы в конечном итоге вступить в войну, ведущуюся согласно плану, основанному на законах стратегии и тактики»[336]. Кроме того, следовало осуществлять «тесное и искреннее» взаимодействие в деле подготовки военных планов между генеральным штабом в Адмиралтействе и генеральным штабом в военном министерстве.

Другая идея Баттенберга заключалась в том, чтобы у штаба имелись свои «агенты на борту», то есть офицеры, состоящие при адмиралах, командующих флотами: «Эти должным образом подготовленные офицеры штаба затем будут выполнять по отношению к своим адмиралам те же консультативные функции, которые начальник генерального штаба будет выполнять по отношению к Адмиралтейскому Комитету. Указанные офицеры будут также поддерживать постоянную связь между Первым морским лордом и адмиралами, командующими флотами, с целью согласования действий, без малейшего ущемления адмиральской инициативы или препятствования столь желаемому непосредственному взаимодействию между этими высшими офицерами»[337].

Кроме того, следовало предварительно согласовать будущую деятельность Морского генерального штаба с военным министром лордом Р. Холденом, с которым Черчилль провёл переговоры, достигнув «полного согласия» по следующим пунктам:

---

[335] Draft memorandum on the Naval War Staff by Battenberg with comments by Churchill. PRO. CAB 1/31. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.04.2014)
[336] Ibid
[337] Ibid

1. Морской генеральный штаб будет поддерживать тесную связь с сухопутным генеральным штабом по всем вопросам, касающимся совместных операций;

2. Хотя информация, находящаяся в распоряжении штаба, будет предоставляться по запросу любому члену Адмиралтейского Комитета, штаб будет работать под непосредственным руководством Первого морского лорда.

После проведения всех необходимых приготовлений 8 января 1912 г. был опубликован меморандум о Морском генеральном штабе[338]. Документ гласил: «Штаб возглавит адмирал. Он будет ответственен перед Первым морским лордом, работая под его началом как главный помощник и доверенное лицо… Первый лорд и Первый морской лорд смогут в любое удобное время совещаться с начальниками различных управлений или другими офицерами, если в том возникнет потребность… Начальник возглавляет и координирует работу всех подразделений генерального штаба. Он будет, при необходимости, сопровождать Первого лорда и Первого морского лорда на заседаниях в Комитете имперской обороны»[339]. В меморандуме подчеркивался следующий принцип: все контакты между начальником штаба и Первым лордом Адмиралтейства должны были осуществляться через Первого морского лорда[340]. В отсутствие Первого морского лорда его замещал Второй морской лорд[341]. Согласно плану Черчилля, штаб состоял из 3 отделений: операционного, информационного и мобилизационного. Личный состав должен был набираться «из офицеров флота различных чинов и специальностей… По окончании курса…такие офицеры… могут быть назначены как непосредственно в Морской генеральный штаб, так и в штабы флотов, но с обязательным возвращением через некоторое время в строй. Всем им, равно как находящимся теперь в Морском генеральном штабе, будут даны права особых

[338] Naval War Staff. Immediate Admiralty changes. Statement by the First Lord // The Times. 8 January 1912. P. 9–10
[339] Memorandum by the First Lord on a Naval War Staff // The Naval Annual. 1912. P. 385–390
[340] Ibid. P. 115
[341] Донесения военно-морского агента в Англии об учреждении Морского военного штаба (Naval War Staff), 29 января 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3303. Л. 4–10

специалистов, «штабных офицеров», с денежными добавлениями, подобными минным, артиллерийским и другим специальным офицерам»[342].

Хотя меморандум фактически был опубликован 8 января[343], официальной датой основания Морского генерального штаба считалось 1 января 1912 г. Ранее состоявший личным секретарём Первого лорда Адмиралтейства контр-адмирал Э. Трубридж принял на себя обязанности его начальника в декабре 1911 г.

Русский военно-морской агент 29 января 1912 г. обозначил задачи британского Морского генерального штаба как «применение уроков истории и опыта, собирание их и классификация для информации и руководства вершителей морской политики страны»[344]. В донесении отмечалось, что подобные функции ранее существовали в Адмиралтействе, но «были разбросаны», а теперь «собирались и систематизировались»[345]. По мнению русского морского офицера, учреждение Морского генерального штаба в Великобритании было давно назревшим и необходимым шагом[346]. Помимо информации непосредственно о новом органе управления Королевским флотом, русский морской агент сообщил своему руководству о том, что британская печать «уже давно… так долго и подробно не обсуждала что-либо во флоте или Адмиралтействе. Уже 3 недели, как газеты ежедневно приводят факты… и отзывы о новых реформах»[347]. Например, газета “The Daily Telegraph” охарактеризовала меморандум как «самый здравый и убедительный государственный документ», а его публикацию – как «величайший момент в истории»[348]. Напротив, в высших военно-морских кругах реформа была встречена «со смешанными чувствами и с не особенным доверием» вследствие личной непопулярности Первого лорда.

---

[342] Донесения военно-морского агента в Англии об учреждении Морского военного штаба… Л. 4–10
[343] War Staff for the Navy // The Daily News. 8 January 1912. P. 1
[344] Донесения военно-морского агента в Англии об учреждении Морского военного штаба… Л. 2–14
[345] Там же
[346] Там же
[347] Там же
[348] War Staff for the Navy. First Lord’s scheme. Board of Admiralty // The Daily Telegraph. 8 January 1912. P. 11

После создания специального органа стратегического планирования Черчилль мог приступить к решению новых задач, главной из которых оставалось противостояние нараставшей германской военно-морской угрозе. Вильгельм II объявил в августе 1911 г. о том, что именно военно-морской флот должен обеспечить его стране «место под солнцем». Чтобы загладить последовавшее за тем дипломатическое поражение Германии во время Второго Марокканского кризиса Тирпиц предложил принять очередную «новеллу» к морскому закону, увеличив темпы германского судостроения на три корабля в год[349]. Идея адмирала была поддержана кайзером, но встретила категорический отказ канцлера Т. фон Бетман-Гольвега, который надеялся достичь взаимопонимания с Великобританией[350].

На взаимопонимание надеялись и в Лондоне, отправив в феврале 1912 г. для переговоров с руководством Германской империи слывшего германофилом лорда Р. Холдена. Как писала “The Times”, «визит лорда Холдена… должен рассеять подозрения, существующие в Германии относительно британских агрессивных планов, направленных против безопасности страны»[351]. Английский представитель провёл переговоры с кайзером, фон Бетман-Гольвегом и Тирпицем с целью разрешить существовавшие противоречия между двумя странами, в центре которых находилось военно-морское соперничество[352]. Переговоры не увенчались успехом, главным образом из-за судостроительных планов Берлина. Интересно, что еще задолго до этих переговоров русский официальный печатный орган, газета «Россия», прогнозировал их единственно возможный итог: «Можно с уверенностью сказать, что немцы не пойдут на такое соглашение с Англией, которое бы на

[349] *Тирпиц А.* Воспоминания… С. 193
[350] *Herwig H.* Luxury Fleet. The Imperial German Navy, 1888–1918. L.: George Allen & Unwin, 1980. P. 73–74, 76
[351] Lord Haldane in Berlin // The Times. 9 February 1912. P. 9
[352] Ld. Haldane & the Kaiser // The Daily News. 10 February 1912. P. 1

долгие годы обеспечило превосходство британского флота над германским, как этого желают в Англии»[353].

Дипломатическая неудача ставила на повестку дня укрепление британских силовых позиций. На момент вступления Черчилля в должность главы морского министерства с ним связывали начало взаимного ограничения вооружений двух стран. Подобное представление в значительной мере основывалось на прежней позиции Черчилля как «экономиста» во время «Морской паники». В аналогичном тоне высказывалась и германская пресса. «Как хорошо известно, – замечала “Berliner Tageblatte”, – г-н Черчилль является другом германского императора… Он слывет сторонником сдержанной морской политики…»[354]. Печатный орган германских производителей брони и орудий, “Berliner Neuester Nachrichten”, предполагал, что Англия проявит инициативу в вопросе ограничения вооружений, поскольку новый Первый лорд «активный поборник экономии в морских делах»[355].

Вопреки подобным прогнозам Черчилль заявил, что Великобритания ни в коем случае не откажется от своего морского первенства, поскольку «на море может быть только один хозяин»[356]. Произнося речь в Глазго 9 февраля 1912 г.[357], он подчеркнул, что если для Англии флот являлся «жизненной необходимостью», то для Германии – «предметом роскоши и орудием экспансии»[358]. В начале марта Первый лорд сообщил парламенту о том, что отныне правительство не считало нужным придерживаться по отношению к Германии «двухдержавного стандарта», заменив его принципом превосходства над основным потенциальным противником в 60%[359]. «Если Германия не

---

[353] Англо-германские отношения // Россия. 1910. № 1437. С. 1
[354] Цит. по: Mr. Churchill and the navy. Opinion in Germany // The Daily Telegraph. 25 October 1911. P. 9
[355] Ibid
[356] *Бедарида Ф.* Черчилль. М.: «Молодая гвардия», 2006. С. 91
[357] Mr. Churchill on the Navy // The Times. 10 February 1912. P. 9; The supremacy of the Navy. Mr. Churchill on naval rivalries // The Times. 10 February 1912. P. 9–10
[358] First Lord on the Navies // The Daily News. 10 February 1912. P. 1; Mr. Churchill on naval expantion. A German “luxury”, Great Britain’s necessity // The Daily Telegraph. 10 February 1912. P. 9; *Бедарида Ф.* Черчилль… С. 92
[359] The Navy Estimates // The Times. 18 March 1912. P. 7; Mr. Churchill’s speech // The Daily News. 19 March 1912. P. 1–2

изменит своего морского закона и если какая либо третья держава не начнет вдруг увеличивать своего флота, то, в согласии с названным 60 процентным соотношением, Великобритания должна закладывать по три и четыре корабля через год, т.е. по семи кораблей в каждые два года»[360]. Если бы в ответ на это заявление в германской судостроительной программе появились два добавочных корабля, то Англия ответила бы на них четырьмя своими. В ответ на три добавочных судна в Германии, Англия увеличит свое судостроение шестью кораблями. Если же, напротив, Германия уменьшит свое судостроение против нормы закона, то Англия сократит программу постройки семи кораблей в каждые два года. Помимо этого морской министр заявил о планируемом сосредоточении эскадр у берегов Англии, переводе Атлантического флота в Ла-Манш и передислокации основной части Средиземноморского флота из Мальты в Гибралтар[361].

В ответ на выступление Черчилля германский рейхстаг почти единогласно принял правительственный законопроект о постройке трех добавочных дредноутов, который вступил в силу 14 июня 1912 г.[362] Таким образом судостроительная программа, предусмотренная германским морским законом 1898 г., расширялась уже четвертый раз подряд (после поправок 1900, 1906 и 1908 г.)[363]. В связи с этим британская Морская Лига потребовала от кабинета прекратить политику уменьшения военных расходов, поскольку «сокращение английских морских законов только побуждает немцев к усилению флота»[364]. Между тем вопрос не исчерпывался одной только финансовой стороной. Непрерывная гонка морских вооружений требовала не только вложения огромных денежных средств, но и привлечения значительной рабочей силы. При этом технический прогресс очень быстро делал новейшие

[360] Флот метрополии и отношение к нему колоний // Морской сборник. 1912. № 5. С. 179
[361] Морские вооружения Англии // Новое время. 1912. № 12926. С. 3
[362] *Ловягин А.* Рецидив англо-французской морской Антанты // Морской сборник. 1928. № 10. С. 83–84
[363] German naval increase // The Daily Telegraph. 9 February 1912. P. 11
[364] Морские вооружения Англии… С. 3–4

корабли морально устаревшими[365]. Существовавшая в Германии всеобщая воинская повинность позволяла призывать во флот такое количество людей, которое признавалось необходимым правительством и утверждалось рейхстагом. В Англии флот пополнялся добровольцами по найму. Бересфорд в таких словах выразил дефицит личного состава Королевского флота: «для того, чтобы какой-нибудь корабль мог начать кампанию и вступить в строй, надо предварительно перевести на него людей с другого корабля»[366]. Как отмечала русская газета «Новое время», «охотники, готовые посвятить свою жизнь морской службе, не растут после парламентского акта, как грибы после теплого дождя. Настанет момент…когда приток добровольцев на английский флот иссякнет. И тогда не к чему будет строить новые дредноуты: для них не найдется команд»[367]. Наконец, британским политикам и стратегам приходилось решать проблему, связанную со средиземноморским регионом, где всё активнее заявляли о себе союзники Германии – Италия и Австро-Венгрия.

2.3 Новая постановка «Средиземноморского вопроса» и варианты его решения

В конце XIX – начале XX вв. «Средиземноморский вопрос» означал для Великобритании противостояние с Францией и Россией. Впоследствии место главного политического и военного противника Лондона заняла Германия, что и стало причиной сосредоточения кораблей Королевского флота в водах метрополии с целью противостоять непосредственной угрозе Британским островам. Однако в Средиземноморье у Великобритании появились новые потенциальные противники, союзники Германии – Австро-Венгрия и Италия. Эти державы приступили к строительству собственных дредноутов.

[365] «Сроки близятся». Вырезка из газеты «Речь», 12 июля 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2654. Л. 93
[366] Вырезка из газеты «Русский инвалид» со сведениями о военно-морском флоте Англии, 24 июня 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2654. Л. 38
[367] «Английские вооружения». Вырезка из газеты «Новое время», 10 июля 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2654. Л. 66

С учетом международной ситуации Черчилль изложил в январе 1912 г. свой взгляд на принципы дислокации морских сил: «Господство на морях зависит… от способности одержать победу над сильнейшим линейным флотом или соединением противника… Главный стратегический принцип концентрации превосходящей силы на решающем театре… должен руководить всеми морскими диспозициями… Распыление силы… ведет к… поражению»[368]. Таким образом, Черчилль согласился с мнением Фишера: «Мы не можем обладать всем или быть сильными повсюду. Было бы большой ошибкой иметь значительные силы на второстепенном театре военных действий, не имея подавляющего превосходства на главном»[369]. Адмирал был убеждён в необходимости эвакуировать из Средиземного моря линейные корабли додредноутного типа[370], полагая, что «английские подводные лодки смогут одни предотвратить захват Мальты»[371]. Фишер имел определённое влияние на Черчилля, который ещё в марте 1911 г., то есть еще до вступления в должность главы морского министерства, обдумывал возможность сокращения средиземноморских сил до крейсерской эскадры, усиливаемой «периодическими визитами… линейного флота»[372].

Взгляды действующего Первого лорда Адмиралтейства и отставного Первого морского лорда легли в основу меморандума от 15 февраля 1912 г., в котором говорилось: «1) Ситуация, спровоцированная новым германским морским законом, сделала необходимым формирование дополнительной линейной эскадры в водах метрополии… в первые пять дней войны следует… оперативно развернуть силы флота в Северном море и Ла-Манше. По завершении нашей мобилизации и даже до принятия определенного плана действий для Средиземноморья при необходимости могла бы быть выделена одна линейная эскадра. Но серьезно возросшая угрожающая сила,

---

[368] *Churchill R.* Young statesman… P. 581
[369] F.G.D.N. Vol. 2. P. 469
[370] WSC. P. 1341–1342
[371] F.G.D.N. Vol. 2, P. 468–469
[372] The Mediterranean Fleet, memorandum by Churchill, 15 March 1911. PRO. CAB 37/105. URL: http://www.nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 3.03.2015)

организованная Германией… вынуждает держать все полностью укомплектованные линейные корабли… на главном театре военных действий до тех пор, пока не завершится наша мобилизация, или пока вражеский флот не будет побежден; 2) Не следует исключать из расчетов в качестве альтернативы базирование одной из линейных эскадр на Гибралтар… Таким образом Атлантический флот мог бы быть отозван, а на его место могла бы встать средиземноморская линейная эскадра. Тогда не возникла бы необходимость в усилении средиземноморской крейсерской эскадры…»[373]

Приведённый выше документ стал теоретическим обоснованием реорганизации военно-морских сил страны, о которой Черчилль официально объявил в парламенте 18 марта 1912 г. Отныне все новейшие и полностью укомплектованные экипажами суда составляли Первый флот, находившийся в полной и постоянной боевой готовности. Флот включал четыре эскадры линейных кораблей, каждой из которых придавалась одна крейсерская эскадра и флотилия эскадренных броненосцев. 3-й линейной эскадрой стал Атлантический флот, передислоцированный из Гибралтара в воды метрополии[374]. На его место заступила 4-я линейная эскадра, которую составили четыре из шести броненосцев Средиземноморского флота, ранее стоявшие на Мальте: «Дункан», «Эксмут», «Расселл» и «Корнуоллис»[375]. В зависимости от сложившейся ситуации им следовало или усилить эскадры в водах метрополии или обратно войти в Средиземное море[376]. Непосредственно на Мальте оставалась в полном составе только крейсерская эскадра[377].

Сам Черчилль так прокомментировал в мае 1912 г. средиземноморскую ситуацию лорду Р. Холдену: «Мы никак не можем удержать Средиземноморье

---

[373] *Churchill R.* Young statesman… P. 565

[374] Стратегическое значение Средиземного моря для флотов европейских держав // Морской сборник. 1912. № 6. С. 149–159

[375] Сведения о дислокации судов английского флота. 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3289. Л. 7–8; Флот метрополии и отношение к нему колоний // Морской сборник. 1912. № 5. С. 190; *Churchill R.* Young statesman… P. 580

[376] Сведения о дислокации судов английского флота… Л. 9

[377] Там же. Л. 11

или гарантировать соблюдение там наших интересов до тех пор пока не решим вопрос в Северном море… Было бы очень глупо потерять Англию, охраняя Египет… Если мы победим в большом сражении на решающем театре, мы сразу же после этого сможем расставить все по своим местам. Если мы проиграем, все дальнейшее не будет иметь уже никакого значения. Лондон есть ключ от Египта – не потеряйте его… Вне зависимости от того, как поведут себя французы, мой совет остается прежним – первое правило войны заключается в сосредоточении превосходящих сил в решающей точке»[378].

Определённым утешением для политического и военно-морского руководства в Лондоне могло служить то обстоятельство, что русский Балтийский флот отвлекал как минимум равное себе количество германских кораблей, «которые могли бы в противном случае быть употреблены против Англии»[379]. Это позволило русскому морскому агенту в Великобритании написать следующие строки: «Мир в Европе зависит от России: если бы Англия была уверена, что русская армия нападет на Германию, в тот же день Англия напала бы на германский флот и упорно билась бы, пока не уничтожила бы последний миноносец и корабль. Во французскую армию англичане не верят, как и в свою собственную»[380].

Давая подобную оценку французской армии, Лондон был вынужден делать ставку на французские военно-морские силы перед лицом создания Австрией и Италией собственных дредноутов. Средиземноморская ситуация продолжала вызывать опасения у британцев, поскольку к лету 1912 г. Франция имела 2 «спущенных и заканчивающихся постройкою» дредноута, в то время как державы Тройственного союза располагали шестью (4 итальянскими и 2 австрийскими)[381]. Исходя из подобной расстановки сил русский морской агент сделал вывод о том, что для Великобритании будет невозможно вести торговлю

---

[378] *Churchill R.* Young statesman… P. 588
[379] Секретная записка морского агента в Англии «О морской политике Великобритании», 10 августа 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 898. Оп. 1. Д. 4. Л. 6
[380] Там же
[381] Стратегическое значение Средиземного моря… С. 149–159

в Средиземноморье не только в случае войны со всем Тройственным союзом, но даже с одной только Австрией или Италией[382], считая первую из них главным потенциальным противником Англии в Средиземном море[383]. Во время итало-турецкой войны у Австро-Венгрии имелся собственный план раздела Османской империи, согласно которому она приобретала порт Салоники[384]. При этом военно-морские силы Австрии предполагалось увеличить вдвое. Италия получала Албанию, «вместе со всей береговой полосой от Черногории до Греции», Черноморские проливы и близлежащие к ним острова могли быть оккупированы Россией. Данный план никоим образом не учитывал компенсации Англии в Восточном Средиземноморье.

Несмотря на то, что Австро-Венгрия, согласно мнению бывшего британского премьер-министра А. Бальфура, превратилась из «державы, почти лишенной флота, в первоклассную морскую державу»[385], в глазах большинства англичан её флот являлся лишь придатком германских военно-морских сил. Объяснялось это тем, что Австрия развивала собственное судостроение по инициативе Германии. Берлин, не имея возможности самостоятельно строить новые дредноуты из опасения вызвать ответные шаги со стороны Англии, побуждал делать это своего союзника. Формально Англия не считалась морским противником Австрии, но фактически её флот мог быть направлен, по желанию Германии, против Королевского флота[386]. Косвенным подтверждением подобного прогноза могло служить заявление печатного органа наследника австро-венгерского престола газеты “Reichspost” о том, что Англия «дошла до предпоследней ступени», следующая шаг после которой – объявление войны[387].

---

[382] Соображения по морской политике Великобритании (Копия записки для памяти морского агента в Англии), 10 августа 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2933. Л. 43
[383] Там же. Л. 44
[384] Секретная записка морского агента в Англии «О морской политике Великобритании»… Л. 5
[385] Вырезка из газеты «Речь» с заметкой «Морская политика в Англии», 12 июля 1912 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2654. Л. 70
[386] Там же
[387] Там же

В свете серьёзного осложнения отношений с Австро-Венгрией для Великобритании существовало несколько путей решения «Средиземноморского вопроса»:

- заключение соглашения с Францией;

- максимальное усиление флота, укрепляющее британские позиции как в Северном, так и в Средиземном морях;

- безоговорочное принятие передислокации, предложенной Адмиралтейством.

В британских военно-политических и общественных кругах взгляды на данную проблему разделились.

Министерство иностранных дел прогнозировало, в случае «эвакуации» Великобританией Средиземноморья, более тесное сотрудничество Италии, а также Испании и Турции, с Центральными державами (Германией и Австрией)[388]. По мнению Грея, если Средиземноморский флот был превращен в 4-ю эскадру, ослаблен и переведен в Гибралтар, то никакая самая искусная дипломатия не смогла бы заменить реальную вооружённую силу[389]. «Если вы хотите считаться средиземноморской державою, – заявил статс-секретарь Э. Грей депутатам парламента, – то должны иметь там внушительную силу боевого флота»[390]. С точки зрения постоянного заместителя статс-секретаря А. Никольсона, «самым дешёвым, простым и безопасным решением» проблемы защиты британских интересов в Средиземноморье было заключение соглашения с Францией[391].

Британские военные были менее склонны полагаться на поддержку французов. Генштаб сухопутных войск исходил из того, что в случае войны

---

[388] Elliot to Grey, Grey to Cartwright, Grey to Bertie, Grey to Lowther, Grey to Buchanan, 14–15 March 1913 // B.D. Vol. 9. Pt. 2. No. 715-721, P. 585–589
[389] Ibid
[390] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 289
[391] Ibid

отведенный в Гибралтар флот не сможет действовать в Средиземном море по крайней мере два месяца. В свою очередь французские морские силы в течение 10 – 14 дней будут заняты защитой транспортов с войсками из Северной Африки в Европу. За это время господство в Средиземноморье перейдёт в руки Италии, Австрии и Турции, которые воспользуются сложившимся положением и в течение нескольких недель захватят Мальту, Египет и Кипр. По мнению военных решением подобной стратегической проблемы могло бы быть усиление береговой обороны или гарнизонов в Средиземном море, но идею эту позднее оставили как требующую слишком больших расходов[392].

Если армейские стратеги испытывали скепсис в отношении французской помощи по сугубо техническим причинам, то недавно созданный Морской генеральный штаб был склонен не доверять французской политике в целом. Она рассматривалась как нестабильная и не испытывавшая особых симпатий к британским интересам, если таковые не совпадали с французскими. Напротив, увеличение собственных военно-морских сил значительно надёжнее защитило бы Британскую империю чем это сделал бы Париж[393]. Подобное предложение на первый взгляд казалось самым предпочтительным, однако подвергалось сомнению с финансовой точки зрения.

Между тем, намеченная Первым лордом дислокация подверглась серьёзной критике со стороны известных политических, военных и морских деятелей. Так, близкий ко двору член Комитета имперской обороны лорд Эшер в письме королю от 30 мая 1912 г. назвал заявление Черчилля в парламенте «пылью в глаза публике». 4-я линейная эскадра была бы необходима в Северном море в начале войны и не сыграла бы никакой роли в Средиземноморье. Эшер внушал монарху, что следует сделать выбор между «увеличением морской силы, гарантирующим господство в Средиземноморье, заменой добровольной армии службой по призыву или оставлением Египта и

[392] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 292
[393] Ibid. P. 291

Мальты с полным отказом от традиционной политики Великобритании в отношении ее торговых и военных путей на Востоке»[394]. Адмирал лорд Бересфорд, ранее командовавший Средиземноморским флотом, охарактеризовал как «стратегическую нелепость» план Черчилля относительно действий сил, дислоцированных в Гибралтаре. Подобную оценку адмирал прокомментировал следующим образом: «намерение действовать на две стороны предрешает само собою поражение в любой из них»[395]. Британский резидент в Египте фельдмаршал лорд Китченер противился любому перемещению флота из Средиземного моря, понимая, что данная мера негативно отразится на качестве защиты вверенной его попечению страны[396].

Возможность выразить свою позицию была предоставлена фельдмаршалу на конференции, проходившей в конце мая – начале июня 1912 г. на Мальте. В её работе принимали участие Асквит, Черчилль, Баттенберг и главнокомандующий британскими сухопутными силами на Средиземном море генерал Я. Гамильтон. Обсуждался вопрос о взаимодействии средиземноморских сил Королевского флота и гарнизонных войск на Мальте, в Гибралтаре и в Египте в связи с тем, что число английских линейных кораблей, постоянно дислоцированных в Средиземном море, уменьшилось с 14 в 1904 году до 4 в 1912-м. Ранее, при полном господстве британского флота в Средиземноморье, гарнизоны Мальты, Гибралтара и Египта всегда могли рассчитывать на поддержку морских сил и поэтому были незначительны. На конференции Китченер заявил о необходимости увеличить число английских войск на Мальте и в Гибралтаре[397]. Фельдмаршал также поднял вопрос о перенесении командного центра с острова Мальта в Египет и об увеличении числа английских войск во вверенной ему стране. В качестве аргумента приводилась оккупация итальянцами Триполитании. Прежде, в случае

---

[394] *Churchill R.,* Young statesman… P. 581
[395] Вырезка из газеты «Русский инвалид» со сведениями о военно-морском флоте Англии… Л. 38
[396] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 292–293
[397] Совещание на о. Мальте // Русский инвалид. 1912. № 108. С. 2

необходимости усиления войск в Египте, таковые легко могли быть доставлены с Мальты или из Гибралтара на английских судах. Теперь, когда итальянцы овладели морскими базами на североафриканском побережье, гарнизоны в Египте следовало усилить заблаговременно[398]. Официальный итог работы конференции был подведен в сообщении морского министерства, в котором говорилось: «Лорды Адмиралтейства остались вполне довольны состоянием мальтийской обороны»[399].

На обратном пути с Мальты Асквит и Черчилль встретились в Гибралтаре с британским послом в Мадриде. Англичане учитывали в своих стратегических планах выгодное географическое положение Испании, запиравшей западный бассейн Средиземного моря и владевшей Балеарскими островами[400]. В связи с этим Первый лорд подчеркивал, что Испанию нельзя было сбрасывать со счетов[401]. Морской генеральный штаб подготовил меморандум о стратегическом значении страны с точки зрения интересов Антанты. Отмечалось, что в случае войны с Тройственным союзом, даже в условиях господства на море, все британские и французские сухопутные силы будут задействованы на французской границе. В свою очередь Испания, будучи союзником, могла бы обеспечить контингент в 50000 человек. Эти силы, перевезенные на французских и британских транспортных судах, могли бы нанести удар в любой точке сицилийского, сардинского или южно-итальянского побережья. Адмиралтейство полагало, что одно лишь существование подобной силы «стало бы новым серьезным фактором в средиземноморской ситуации, который Италия не могла бы позволить себе игнорировать» и этот фактор мог серьезно ослабить приверженность Рима Тройственному союзу[402]. С военно-морской точки зрения Испания также

---

[398] Конференция на о. Мальте // Русский инвалид. 1912. № 134. С. 3
[399] Превращение Средиземноморского флота в Четвертую эскадру действующего флота и перевод ее в атлантическую базу, т.е. в Гибралтар // Морской сборник. 1912. № 7. С. 173
[400] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 286
[401] Geoffray to Poincaré, 14 June 1912 // DDF. Serie 3. T. 3. No. 102. P. 127
[402] Admiralty War Staff, “Spain and the Triple Entente”, 24 December 1912. PRO. Foreign Office (FO) 371/1753. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 05.03.2015)

представляла ценность в качестве британского союзника. Испанские крейсеры могли оказать помощь британским, защищая торговые пути, проходившие около испанского побережья. Еще более важным со стратегической точки зрения было бы право использовать испанские порты. Адмиралтейство особенно интересовала Сеута в качестве базы для легких судов, торпедных катеров и подлодок, охраняющих вход в Средиземноморье. Картахена и Кадис помогли бы защищать восточный и западный подступы к Гибралтару, а Балеарские островава – транспортные суда с войсками, направлявшиеся из Французской Северной Африки. Кроме того, транспортировку можно было частично осуществлять по испанским железным дорогам[403].

По возвращении из Гибралтара в Англию Черчилль подкрепил свои аргументы меморандумом, разосланным членам кабинета 26 июня 1912 г., в котором указывались четыре пути удержания господства в Средиземноморье:

а) Сокращение сил в Северном море;

б) Оставление Средиземноморья;

в) Строительство нового флота для Средиземноморья;

г) Заключение соглашения с Францией с оставлением в Средиземноморье достаточного количества кораблей для обеспечения несомненного превосходства последней[404].

На заседании правительства 27 июня 1912 г. ставший министром внутренних дел Р. Маккенна представил докладную записку, в которой указывалось, что 8 эскадренных броненосцев, базирующихся на Мальте, и 8 эскадренных броненосцев, базирующихся в Гибралтаре, смогут эффективно обеспечить британский контроль над средиземноморскими коммуникациями[405]. Черчилль оппонировал ему: все эти броненосцы окажутся совершенно

---

[403] Ibid
[404] *Churchill R.* Young statesman… P. 593
[405] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 36

беспомощными перед новыми австрийскими и итальянскими дредноутами, которые должны были пополнить флоты потенциальных противников в ближайшем будущем. Таким образом британский средиземноморский флот, включающий примерно треть линейных сил Королевских военно-морских сил и укомплектованный 12000 лучших офицеров и матросов, был бы обречен на неминуемое уничтожение[406]. В качестве подкрепления своих аргументов Черчилль заявил Маккене, что все представленные им факты были предварительно проверены Морским генеральным штабом[407]. Последний выступил на стороне Первого лорда, подготовив собственный меморандумом, в котором подчеркивалось, что поскольку Италия и Австрия строили флоты для противодействия друг другу, а французы предположительно встали бы на сторону Великобритании, баланс морской силы склонился бы в пользу последней даже без участия её собственных дредноутов[408]. Отстаивание своей точки зрения Первый лорд Адмиралтейства продолжил 4 июля 1912 г. на 117-м заседании Комитета имперской обороны[409], где вместе с Фишером доказывал, что если англичане сосредоточат на Средиземном море мощные флотилии подводных лодок и эсминцев, это поставит под вопрос передвижение линейных кораблей противника. В результате Комитет принял решение о содержании на постоянной основе в отечественных водах резерва, превосходящего вражеские силы[410].

При этом, по словам Дж. Корбетта, в сознании большинства британцев международный статус их державы был напрямую связан с теми силами, которые дислоцировались в Средиземном море. Это сознание «особенно укрепилось с тех пор, как дорога в Индию прошла через Суэц, а Египет и Кипр сделались подножием империи»[411]. В представлении британской

---

[406] *Churchill R.* Young statesman… P. 593
[407] Ibid
[408] Ibid. P. 580
[409] F.G.D.N. Vol. 2. P. 470–471
[410] *Churchill R.* Young statesman… P. 593–594
[411] *Корбетт Дж.* С. Операции английского флота в первую мировую войну. Мн.: Харвест, 2003. С. 12

общественности либеральная политика напрямую ассоциировалась с эвакуацией Средиземного моря, вызывая резкую критику[412]. Одним из ярких проявлений этой критики стало опубликованное британской прессой открытое письмо лорда Бересфорда от 18 июня 1912 г. по поводу морской политики Великобритании[413], в котором обрисовывалось сложившееся тревожное положение: «силы Средиземного моря сведены к ничтожности… Гарнизон на Мальте уменьшен. Гарнизон на Гибралтаре уменьшен. Количество сухопутных войск в Египте уменьшено»[414]. По мнению Ч. Бересфорда Адмиралтейство конечно же поступало правильно, сосредотачивая все силы Королевского флота в водах метрополии, когда стране угрожала прямая опасность. И подобная концентрация сил была осуществима только за счёт отвода сил с других станций, к каковым относилась и средиземноморская. По поводу такой ситуации Бересфорд саркастически восклицал: «И еще нам говорят, что недостаток морской силы в Средиземном море может быть восполнен усилением гарнизонов на Мальте, в Гибралтаре и армии в Египте! Легко, однако, предвидеть, что все эти гарнизоны, лишенные внешней связи и не имеющие морских путей в своем распоряжении, будут неминуемо обречены на гибель»[415].

Описанную Бересфордом ситуацию следующим образом прокомментировал фельдмаршал лорд Робертс: «к эвакуации Средиземного моря Англия была вынуждена, благодаря слабости морской политики либеральных министров»[416]. Генерал признавал необходимость лишь временного оставления Мальты, поскольку «Англия без владычества над Средиземным морем перестает быть империей»[417]. Ф. Робертс категорически отвергал мысль об увеличении гарнизонов на Мальте, в Гибралтаре и Египте в

[412] Превращение Средиземноморского флота в Четвертую эскадру… С. 167–168
[413] Lord Carles Beresford's criticism // The Times. 18 June 1912. P. 14; Lord Charles Beresford and the Mediterranean // The Daily News. 18 June 1912. P. 1; Lord Charles Beresford and the Fleet. Defence of Mediterranean. To the Editor of "The Daily Telegraph"// The Daily Telegraph. 18 June 1912. P. 13
[414] Вырезка из газеты «Русский инвалид» со сведениями о военно-морском флоте Англии… Л. 38
[415] Там же
[416] Там же. Л. 60
[417] Вырезка из газеты «Русский инвалид» со сведениями о военно-морском флоте Англии… Л. 60

качестве замены флота, считая это средство бесполезным. По мнению фельдмаршала, указанные пункты невозможно было удерживать даже сильными сухопутными гарнизонами без господства на море[418]. 10 июля 1912 г. Робертс написал письмо Черчиллю, обосновавшее необходимость усиления позиций Великобритании в Средиземноморье. В ответном частном письме Черчилль подчеркивал, что сосредоточение сил Королевского флота в отечественных водах являлось следствием зависимости Британских островов от бесперебойного функционирования океанских коммуникаций. Он считал возможным при необходимости сформировать вспомогательные силы для Восточного Средиземноморья, признавая при этом, что «ведение в одиночку морской войны против Тройственного союза и одновременно большой сухопутной войны для защиты Египта от Турции лежит за пределами наших возможностей»[419]. Решающая морская победа привела бы к капитуляции неприятельских сил, высаженных в Египте, хотя сама по себе подобная ситуация была маловероятна[420].

Наряду с британскими морскими и военными деятелями в дискуссии по «Средиземноморскому вопросу» принял участие А. Мэхен. Американский адмирал считал, что британское правительство поступало верно со стратегической точки зрения, сосредоточив основные силы в водах метрополии за счёт ослабления могущества Англии на Средиземном море. Но оно совершало «громадную историческую ошибку» с точки зрения долгосрочной глобальной стратегии, поскольку единственным верным выходом из сложившейся ситуации было бы немедленное увеличение морских сил вместо их передислокации. Мэхэн предупреждал британцев: «Упорное стремление достигнуть экономии в военных расходах и нежелание развивать дальше свой флот грозит наступлением такого дня, когда Англия потеряет всякую власть

[418] Вырезка из газеты «Русский инвалид» со сведениями о военно-морском флоте Англии… Л. 60
[419] *Churchill R.* Young statesman… P. 594–595
[420] Ibid

над водным пространством Средиземного моря. Этот день будет началом конца Британской империи»[421].

С Мэхэном могли согласиться, рассуждая теоретически, многие представители британской политической и военной элиты. Но на практике для увеличения и усиления собственного флота нужны были финансовые средства. Единственной альтернативой этому представлялось взаимодействие с французскими военно-морскими силами. Идею союза с Францией поддерживал бывший глава кабинета А. Бальфур, видя в нем дипломатические и военные выгоды (именно в период пребывания Бальфура в должности премьер-министра было заключена англо-французская Антанта). Д. Фишер риторически вопрошал в письме секретарю Комитета имперской обороны и своему бывшему подчинённому Ч. Оттли, каков смысл Антанты с Францией, если ее нельзя использовать в собственных интересах[422]. В 1912 г. возобновились англо-французские переговоры по морским вопросам. В Великобритании о них знали только Асквит, Грей, Черчилль и Холден.

Возобновлению переговоров способствовало то обстоятельство, что общепризнанным догматом французской морской стратегии стало обеспечение в войне с Тройственным союзом господства на Средиземном море[423]. Французы считали необходимым полностью сосредоточить здесь свой линейный флот, поручив защиту атлантического побережья британцам[424]. В марте 1912 г. адмирал Фишер писал Первому лорду: «…давайте предоставим заботу о Средиземном море французам, ох, и горяченькое время у них там будет, в этом озере, кишащем подводными лодками! Нам будет лучше держаться от него подальше»[425]. Черчилль придерживался аналогичной точки зрения: из-за подводных лодок Средиземное море станет крайне опасным для передвижения британских линейных сил. Британское Адмиралтейство поддерживало план,

[421] Превращение Средиземноморского флота в Четвертую эскадру… С. 167–168
[422] F.G.D.N. Vol. 2. P. 410–411
[423] Стратегическое значение Средиземного моря… С. 152–153
[424] *Корбетт Дж.* Операции английского флота… С. 11
[425] F.G.D.N. Vol. 2, P. 437

предложенный французами, поскольку он совпадал с его намерениями сконцентрировать силы в водах метрополии. Во второй половине мая 1912 г. Комитет имперской обороны пришел к выводу, что с Францией следует заключить соглашения, по которым британский флот взял бы на себя ответственность за оборону северного побережья Франции, а французский флот, с помощью достаточного числа британских кораблей, добился бы победы над объединенными флотами Италии и Австрии в Средиземноморье[426].

Планам Комитета благоприятствовали настроения во французском морском генеральном штабе, где, согласно рапорту русского морского агента в Париже, «скептически» относились к существовавшей на тот момент дислокации французского флота, как не соответствовавшей «обстановке настоящего времени»[427]. Средиземноморская политика стала предметом дискуссий во французском обществе. Газета «Русский инвалид» сообщала о том, что «в стране образовались две партии, из которых одна доказывает, что первенство на Средиземном море неотъемлемо принадлежит Франции и что беспокоиться поэтому не о чем; другая, наоборот, проповедует, что беспокоиться есть о чем и что, под страхом тягчайших последствий, французы должны немедленно приступить к дальнейшему усилению флота…»[428].

Помимо стратегических соображений более тесному сотрудничеству двух держав способствовали кадровые изменения. Французским морским министром был назначен «верный и преданный друг Англии» Т. Делькассе[429]. Новый Первый морской лорд Ф. Бриджмен, в отличие от своего предшественника А. Вильсона, не был сторонником «блестящей изоляции»[430]. С другой стороны, против более тесного англо-французского морского сотрудничества выступили

---

[426] Kitchener to Grey, 2 June 1912 // B.D. Vol. 10. Pt. 2. No. 392. P. 594; Превращение Средиземноморского флота в Четвертую эскадру… С. 167–168

[427] Копия рапорта морского агента во Франции капитана 1-го ранга Карцова от 7 мая 1912 года со сведениями о дислокации французского флота // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2946. Л. 39

[428] Вырезка из заметки о положении французских морских сил на Средиземном море, помещенной в «Русском инвалиде» 20 июня 1912 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2654. Л. 27

[429] Стратегическое значение Средиземного моря… С. 149–159

[430] *Williamson S.* The Politics of Grand Strategy… P. 247; *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 12

вышеупомянутые Ч. Бересфорд и Ф. Робертс. Первый утверждал, подразумевая передачу ответственности за защиту британских национальных интересов в Средиземноморье Франции, что государство «не может…не желая само вооружаться, возлагать все свои надежды на чужие вооружения: такие надежды и унизительны и неверны»[431]. Робертс указывал на «полную бесполезность» возможного союза с Парижем. По мнению генерала, единственное, что могла и должна была сделать Великобритания – «это снова утвердить свое господство на южно-европейском театре. Наша империя, как и все империи, создавалась войной; поэтому сохранить свой строй Англия может лишь до тех пор, пока она грозно вооружена и вполне готова к войне»[432]. Политическое и стратегическое положение, в котором оказался Лондон, Робертс охарактеризовал как «унизительное», виной чему была «настойчивая и продолжительная небрежность» правительства по отношению к собственным военно-морским силам[433].

17 июля 1912 г. Черчилль сообщил французскому морскому атташе графу К.-М.Ле Гуз де Сен-Сейну о стратегическом решении Комитета имперской обороны от 4 июля, добавив: «Я полагаю, что Франции хватит мудрости содержать в Средиземноморье силы, равные объединенным флотам Австрии и Италии»[434]. Наконец, 23 июля 1912 г. в британском Адмиралтействе при участии французского военно-морского атташе был составлен текст соглашения, которое должно было вступить в силу в том случае, если бы Великобритания и Франция стали союзниками в войне. Согласно ему Великобритания брала на себя ответственность за соблюдение обоюдных интересов двух держав к востоку от Мальты, в то время как Франция принимала на себя аналогичные обязательства в западном бассейне Средиземного моря. На страницах номера российского «Морского сборника», современного описываемым событиям, делался прогноз, что с началом войны

[431] Вырезка из газеты «Русский инвалид» со сведениями о военно-морском флоте Англии… Л. 38
[432] Там же
[433] Там же
[434] *Churchill R.* Young statesman… P. 596

«соединенные силы французского и английского флотов… неоспоримо владея западной частью Средиземного моря с опорными пунктами в Тулоне, Гибралтаре, Аяччо, Мальте и Бизерте… должны будут самыми быстрыми и решительными действиями установить свое господство и на востоке Средиземного моря, и в Адриатике»[435]. При этом целью соединенного англо-французского флота должен был быть разгром австрийских сил или, как минимум, блокада последних в Поле и Каттаро[436]. После чего Италия, ведя двойственную политику в начале европейской войны, сразу присоединится к Антанте. «Парализование австрийского флота самым решительным образом скажется на общем положении балканских дел и выгодно для нас отразится на настроении оттоманского правительства; сухопутные силы Австо-Венгрии, сосредоточенные в Буковине и Галиции, будут вынуждены отойти от русской границы и развернуться в юго-западном направлении, а это, в свою очередь, скажется и на действиях германских армий»[437].

При этом первая статья подготовленного документа гласила: «Нижеследующее соглашение связано исключительно с тем случаем, когда Великобритания и Франция были бы союзниками в войне и не влияет на политическую волю обоих правительств в смысле самого вступления в войну»[438]. Черчилль противился присоединению Великобритании к французской системе союзов, особенно к союзу с Россией, говоря Асквиту и Грею о том, что возражает против любого соглашения, которое «привело бы нас к слишком тесной связи с Францией, лишив той самой свободы выбора, от которой так зависит наша способность предотвратить войну»[439]. Он предупреждал, что не следовало заключать никаких военных или морских соглашений, которые могли бы выставить Великобританию в невыгодном

[435] Стратегическое значение Средиземного моря… С. 152–153
[436] Там же
[437] Там же
[438] Grey to Carnegie, July 1912 // B.D. Vol. 10. Pt. 2. No. 400. P. 602
[439] *Churchill R.* Young statesman… P. 596

свете, если бы та решила «остаться в стороне»[440]. Ровно через месяц после составления текста соглашения с французами Первый лорд так охарактеризовал его суть Асквиту и Грею: «мы имеем обязательства союза, не имея его выгод и, прежде всего, его четких формулировок»[441].

Между тем, поскольку одним из условий соглашения была передислокация Парижем своих линейных сил в Средиземное море, французский посол в Лондоне П. Камбон обратил внимание на то обстоятельство, что это не гарантирует Франции защиту ее северного побережья в том случае, если бы Англия отказалась участвовать в войне. По мнению Черчилля, отказ Великобритании связать себя обязательствами был абсолютно справедлив по отношению к Франции, поскольку ни одна другая страна не могла мечтать о лучшей дислокации для своего флота. Первый лорд считал, что французский флот не шел ни в какое сравнение с германским, будучи более эффективным при использовании в Средиземноморье, «где он не подвергается опасности, превосходя силы противника и гарантируя их африканские коммуникации»[442]. С другой стороны, даже «если бы Франции не существовало», Англия не могла бы иным способом расположить свои морские силы[443]. Таким образом Королевский флот принимал на себя обязанность охранять Северное море, Ла-Манш и Атлантический океан с тем, чтобы Франция могла сосредоточить свои морские силы в Средиземном море, что она и сделала в сентябре 1912 г.[444] При этом Париж настаивал на временном характере передислокации в связи с проведением маневров. Впоследствии французский морской офицер А. Томази подчеркивал в книге «Морская война на Адриатическом море» то обстоятельство, что Париж оказался вынужден сосредоточить свои эскадры на Средиземном море, с риском быть вовлеченным в войну с Германией один на один, оставив без защиты побережья Ла-Манша и

---

[440] *Gilbert M.* Churchill… P. 246–247
[441] *Churchill R.* Young statesman… P. 596
[442] Ibid. P. 596-597; *Корбетт Дж.* Операции английского флота... С. 12
[443] *Churchill R.* Young statesman… P. 596–597
[444] Стратегический очерк военных действий в Средиземном море в мировую войну // Морской сборник. 1921. № 3–6. С. 14

Атлантического океана. Вместе с тем французский исследователь признавал: «если бы Англия не была с нами, исход борьбы оставался бы сомнительным, и мы не могли бы претендовать на обеспечение за нами господства на Средиземном море силами нашего флота»[445]. В результате с осени 1912 г. британское господство в Средиземноморье зависело от поддержки французского флота.

Тем не менее в обоих государствах соглашение не встретило сочувствия «по причинам морального или даже сентиментального свойства»[446]. Корбетт так охарактеризовал суть средиземноморской стратегии после англо-французского раздела морских зоны ответственности: «У нас восторжествовала традиция, и для Средиземного моря сформировали эскадру настолько сильную, насколько это позволяло наше общее сосредоточение флота в северных водах… Однако эти силы рассматривались как временные…»[447]. И хотя англо-французские эскадры не были достаточно сильны по сравнению с растущими флотами стран Тройственного союза, британцы «не имели намерения отдать под их [французов] единоличный контроль Средиземное море»[448]. Поскольку русским морским силам международные договоры запрещали свободный проход через Босфор и Дарданеллы, Лондон не вел с Петербургом в рамках Тройственного согласия каких либо переговоров относительно разделения зон ответственности или совместных действий в Средиземном море[449].

22 ноября 1912 г. Грей написал Камбону о том, что и ранее морские и военные специалисты двух стран часто консультировались друг с другом, но подобные консультации не ограничивали свободу действия представляемых ими правительств. Статс-секретарь отмечал, что, хотя дислокация французского и британского флотов не предусматривает совместных действий, «если одно из правительств имеет серьезные опасения ожидать нападения или

---

[445] *Томази А.* Морская война на Адриатическом море… С. 8–9
[446] *Корбетт Дж.* Операции английского флота… С. 12
[447] Там же. С. 13
[448] Там же
[449] Там же. С. 14

чего-либо, могущего нарушить мир, оно должно немедленно обсудить с другим вопрос: должны ли оба правительства действовать совместно, и если должны, то какие меры общего характера будут приняты»[450]. Камбон ответил на следующий день аналогичной декларацией в письме Грею[451].

Между тем, осложнение международной обстановки создало угрозу вооружённого столкновения великих европейских держав во время войны на Балканах.

[450] Grey to Cambon, 22 November 1912 // B.D. Vol. 10. Pt. 2. No. 416. P. 614
[451] Cambon to Grey, 23 Novembre 1912 // Ibid. No. 417. P. 615

Глава 3. Британское средиземноморское стратегическое планирование в период Балканских войн

3.1 Влияние Балканских войн на средиземноморскую политику Антанты и Тройственного союза

В начале XX в. одной из самых сложных проблем международных отношений считался Восточный вопрос, касавшийся дальнейшей судьбы Османской империи.

Эта проблема непосредственно затрагивала интересы всех великих европейских держав[452]. По мнению исследователя А. Эдвардса Турция продолжала существовать только потому, что державы боялись тех проблем, которые могли возникнуть после ее падения [453]. Вследствие этих обстоятельств начавшиеся осенью 1912 г. боевые действия на Балканском полуострове грозили перерасти в общеевропейскую войну[454]. На конференции послов великих держав, проходившей в Лондоне, Э. Грей осуществлял «полезное и терпеливое посредничество между Россией и Австрией»[455]. Между тем в числе главных причин обострения ситуации в Юго-Восточной Европе российский журнал «Морской сборник» назвал, с одной стороны – «стремление германской расы к ее знаменитому «Drang nach Osten» («Натиску на Восток»)», а с другой – «английское противодействие ей»[456]. Общественное мнение в самой Великобритании видело «на первой линии» воевавшие балканские государства, а «в самой глубине сцены» - закулисную политику Лондона и Берлина[457]. Британцы считали, что после распада Турции Балканы попали бы под влияние Петербурга, Дарданеллы оказались бы в руках России и Черноморский флот

---

[452] *Айрапетян М.Э., Могилевич А.А.* На путях к мировой войне… С. 96
[453] *Edwards A.* Britain, Europe and the World 1848-1918. L.: Heinemann, 1979. P. 145
[454] *Туполев Б.М.* Происхождение Первой мировой войны… С. 39-40; *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910 – 1914. М.: Наука, 1985. С. 173–176
[455] *Grey E.* Twenty-Five Years… P. 272
[456] Англия. Мобилизация флота в ноябре 1912 г. // Морской сборник. 1913. № 1. С. 173
[457] Там же. С. 174

мог бы выходить в Средиземное море. Поэтому Англия традиционно поддерживала Турцию в качестве преграды российской экспансии[458]. Русский посланник в Софии А.В. Неклюдов полагал, что истинные намерения Великобритании сводились к следующему: «воспользоваться надвигавшимся балканским кризисом, дабы вызвать… войну между двумя среднеевропейскими державами и державами Тройственного согласия, имея при этом главной и конечной целью истребление германского флота и разорение Германии»[459]. Наконец, 19 ноября (2 декабря) 1912 г. сам Грей озвучил официальную позицию Форин-оффис: Великобритания вступит в возможную войну России с Центральными державами при условии спровоцированного противником выступления Франции[460]. На повестку дня встал вопрос о налаживании тесного и четкого взаимодействия военно-морских сил держав Антанты.

Поскольку премьер-министр Франции Р. Пуанкаре заявил о своей солидарности с принципами, указанными в письме Грея Камбону от 22 ноября 1912 г., следующим этапом англо-французского сотрудничества стало подписанное 10 февраля 1913 г. соглашение между представителями британского Адмиралтейства и французского морского генерального штаба. В соглашении говорилось, что обе державы будут стремиться согласовать свои операции на Средиземном море. Решающим театром военных действий признавались северные воды. При этом подчёркивалось, что принципиальной целью британской политики являлось сохранение на Средиземном море как в мирное, так и в военное время силы, способной одержать победу над австрийским флотом, если тот выйдет из Адриатики[461]. Соглашение ещё раз устанавливало, что французский флот будет оперировать в западной, а английский — в восточной части Средиземного моря. В случае возможного участия в одной операции оба флота должны были маневрировать раздельно,

---

[458] *Edwards A.* Britain, Europe and the World… P. 145
[459] *Grey E.* Twenty-Five Years... P. 94
[460] Вопрос о Проливах и о Константинополе в международной политике в 1908 – 1917 гг. Кризис 1912–1913 гг. // Константинополь и Проливы… С. 38; *Айрапетян М.Э., Могилевич А.А.* На путях к мировой войне… С. 126
[461] *Томази А.* Морская война на Адриатическом море… С. 7

взаимно поддерживая друг друга с использованием общей системы сигналов и заранее согласованных средств визуальной и звуковой коммуникации[462]. Согласившиеся на взаимодействие с британцами французы опасались, что оставшиеся на Мальте после передислокации силы Королевского флота могли быть достаточно легко разбиты объединенным австро-итальянским флотом. В связи с этим Париж выступил с предложением, чтобы верховное командование в Средиземноморье было передано французскому адмиралу. Между тем, британский главнокомандующий адмирал А. Милн был старше по званию вице-адмирала Б. де Лапейрера[463]. На практике соглашение от 10 февраля предусматривало объединение командования только в том случае, если бы британские силы на Средиземном море уступали австрийским. В подобной ситуации английские силы после начала военных действий соединялись с французским флотом и поступали под начало его главнокомандующего. Особо оговаривалось, что «они могут быть отозваны в Англию в любой момент, если обстоятельства этого потребуют»[464].

Факт подписания данного соглашения сам по себе не подразумевал, что во время войны две страны станут союзницами. Документ лишь технически обеспечивал незамедлительное британское вмешательство после того как Лондон принял бы принципиальное решение о вступлении в войну на стороне Франции[465]. Это явствует из слов «в случае войны, в которой Великобритания и Франция являются союзниками» и «в случае союза с французским правительством в войне с Германией»[466]. Премьер-министр заверил Палату общин 10 марта 1913 г. об отсутствии у страны военных обязательств по отношению к Франции. Асквит впоследствии писал: «Не существовало… ни морских, ни военных «пактов». Но Франция несомненно чувствовала, что

---

[462] Anglo-French Naval Agreement, Action Combinee Dans La Mediterranee, 10 February 1913. PRO. ADM 116/3109. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015); *Lambi I.* The Navy and German Power Politics, 1862–1914. L.: Allen & Unwin, 1984. P. 110–112
[463] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 99–100
[464] *Томази А.* Морская война на Адриатическом море… С. 9
[465] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 308
[466] Action combine dans la Mediterranée, 10 Février 1913 // B.D. Vol. 10. Pt. 2. No. 458. P. 671–673

могла бы рассчитывать в подобных обстоятельствах на отражение нами любого нападения с моря на ее северные и западные берега, практически лишенные защиты со стороны собственного флота, сосредоточенного в Средиземноморье»[467].

Подобный оптимистический взгляд главы британского правительства не разделяли такие представители французской оппозиции как бывший морской министр Ж.-М.-Ланессан, а также известный писатель и морской офицер П. Лоти (Ж. Вио). Эти представители военно-морских кругов настаивали на переводе части французского флота на север, несмотря на то, что немцы располагали 17 дредноутами, в то время как французы имели лишь 2. По мнению ведущего рубрики российского «Морского сборника», посвященной флотам иностранных государств, Б. Доливо-Добровольского, этот перевод только ослабил бы морские силы Франции в Средиземноморье, где страна еще «с грехом пополам» могла рассчитывать на определенное превосходство над флотами Австрии и Италии[468].

Кульминацией технических приготовлений в рамках англо-французского морского соглашения стал состоявшийся в марте 1913 г. визит Первого морского лорда Л. Баттенберга в Париж для личной встречи с новым начальником французского морского генерального штаба, адмиралом Ле Бри. При этом Баттенберг не намеривался прогуливаться возле британского посольства и «хотел бы уладить все вопросы за один день»[469]. Скрытность и поспешность Баттенберга объяснялись политическими соображениями. Как раз перед прибытием Первого морского лорда во французскую столицу Асквит поручился перед Палатой общин в отсутствии у Англии военных обязательств по отношению к Франции[470]. При этом британское Адмиралтейство, согласно сложившейся традиции, не желало фиксировать ход переговоров Баттенберга с

---

[467] *Asquith G.* The Genesis of the War… P. 83
[468] Взгляд Англии на усиление флотов союзников Германии // Морской сборник. 1913. № 9. С. 153
[469] WSC. P. 1715–1716
[470] England's military obligations. Mr. Asquith's statement // The Times Weekly Edition. 28 March 1913. P. 249; *Williamson S.* The Politics of Grand Strategy… P. 321

Ле Бри на бумаге. Записи, сделанные французской стороной, свидетельствовали о том, что, защищая торговлю и уничтожая австрийский флот в Восточном Средиземноморье, британцы не смогли бы должным образом гарантировать наблюдение за путями из восточного в западный бассейн Средиземного моря. Это обстоятельство могло негативно отразиться на успехе перевозки французского XIX-го корпуса из Северной Африки в Европу[471].

Тем не менее, результатом парижских переговоров стал приказ, направленный 1 мая 1913 г. главнокомандующему британскими средиземноморскими силами адмиралу А. Милну. Адмиралу была дана инструкция немедленно усилить французов в случае соединения итальянского и австрийского флотов. Приказом Милн ставился в известность о том, что была подготовлена единая система сигналов для английских и французских военно-морских сил. Его предупреждали о том, что, хотя Дарданеллы были закрыты для прохода военных судов, в будущем не исключалась возможность активной поддержки со стороны русского Черноморского флота. В этом случае следовало предотвратить появление противника между русской и британской эскадрами. Это был первый случай, когда в англо-французских планах стратегического взаимодействия предусматривалось возможное присутствие в Средиземноморье российских сил. В заключительном параграфе приказа Милну предписывалось «принять необходимые меры, дабы удостовериться, что весь личный состав… готов к будущему взаимодействию двух флотов всеми средствами, которые находятся в их распоряжении»[472]. При этом делалась важная политическая оговорка: «Хотя вашей главной задачей будет посильное содействие французам, британские интересы в Средиземноморье не должны страдать вследствие ее выполнения»[473].

---

[471] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 107–108
[472] War Orders No. 2 for the Commander-in-Chief, Mediterranean. PRO. ADM 137/819. URL: http://www.nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015); *Lambi I.* The Navy and German Power Politics… P. 112–113
[473] *Lambi I.* The Navy and German Power Politics… P. 112–113

Таким образом, теоретически руки британского правительства продолжали оставаться свободными[474]. Между тем после начала военных действий на Балканах появилась реальная опасность столкновения между британским и австрийским флотами, поскольку зона ответственности Англии в Средиземноморье, согласно договоренности с французами, включала Адриатику.

По мнению австрийского адмирала Р. Монтеккуколи флот был необходим его стране для поддержания статуса великой державы, защиты морской торговли[475], а также для обеспечения интересов союзной Германии[476]. В случае начала общеевропейской войны на североморском театре против Великобритании должен был действовать германский флот, в то время как на средиземноморском Берлин рассчитывал на помощь австрийцев. Предполагалось, что флот Австро-Венгрии будет оперировать против британских стратегических и торговых коммуникаций, а также охранявших их сил Королевского флота. Это вынудило бы Англию оставить Средиземное море или ослабить свои силы в северных водах, послав на южный театр часть флота на помощь французам. Это было бы «как раз то, что нужно Германии»[477]. В связи с подобными стратегическими расчетами австрийцы планировали увеличение собственных военно-морских сил[478]. В 1910 – 11 г. были заложены первые четыре дредноута типа «Вирибус-Унитис»[479], а в конце 1912 года адмирал Монтеккуколи представил парламенту программу замены трех додредноутов типа «Монарх» тремя сверхдредноутами, которые должны были быть готовы к концу 1915 года[480]. Парламент согласился с предложением правительства, а на другой день австрийская Морская лига заявила о необходимости дополнительной замены соответствующим количеством

---

[474] *Ловягин А.* Рецидив англо-французской морской Антанты… С. 86
[475] Постройка сверхдредноутов // Морской сборник. 1913. № 2. С. 280
[476] Там же. С. 282
[477] Там же
[478] Секретная записка морского агента в Англии «О морской политике Великобритании»… 5
[479] Постройка сверхдредноутов… С. 279
[480] Там же

сверхдредноутов трёх додредноутов типа «Габсбург»[481]. Со своей стороны Черчилль объявил, что если австрийцы намеревались строить сверхплановые корабли, предназначенные для действий против флота Великобритании, Адмиралтейству следовало принять ответные меры[482].

В качестве «ответной меры» Черчилль предложил Асквиту и Грею 22 октября 1912 г. план приобретения о. Корфу, считая его «ключом к Адриатике». «Не остается сомнений в том, - указывал Первый лорд, - что Австрия рассчитывает иметь большой Средиземноморский флот. Для нас самым лучшим и дешевым, а может быть и единственно возможным способом реагирования на подобные намерения будет значительное увеличение числа подводных лодок и эсминцев, поддержанных быстроходной эскадрой, базирующейся на Корфу, владение которым значительно облегчит для нас средиземноморскую ситуацию в последующие годы»[483]. Черчилль предлагал, в обмен на право аренды военно-морской станции на Корфу, отдать Греции о. Кипр[484]. Он настаивал на том, что это нужно сделать «сейчас или никогда»: необходимо использовать предоставленную войной на Балканах возможность, поскольку любые последующие попытки создать базу для кораблей на о. Корфу, когда уже будет завершено создание нового австрийского флота, приведут к открытому конфликту. Грей ответил Первому лорду, что это сложная дипломатическая задача, решение которой требует значительного времени[485].

Вопрос об обладании «ключом к Адриатике» ещё раз возник после того как 20 декабря 1912 г. послы великих держав в Лондоне договорились о

---

[481] Постройка сверхдредноутов… С. 283
[482] *Gilbert M.* Churchill… P. 247
[483] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War // The Millstone by Geoffrey Miller.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[484] *Verner R.* The Battle Cruisers at the Action of the Falkland Islands. L.: John Bale, Sons & Danielsson, 1920. P. 39–40
[485] Churchill to Grey and Asquith, most secret, and minute by Grey, 22 October 1912. PRO. CAB 1/34. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 23.04.2014)

создании автономной Албании под сюзеренитетом турецкого султана[486]. Италия и Австро-Венгрия настаивали на том, чтобы вся береговая линия пролива Корфу входила в состав албанской территории. Италия была готова начать войну из-за южной албанской границы, сосредоточив 7-тысячный контингент в Бриндизи. Британский посол в Риме Дж. Родд находил «несколько затруднительным» понять то важное значение, которое придавалось проливу Корфу итальянскими морскими специалистами. Последние считали, что безопасность подходов к Адриатике могла быть подорвана державой, основавшей в указанном месте морскую базу[487]. Асквит был «абсолютно убежден в неразумности итальянской позиции по вопросу принадлежности материковой территории напротив Корфу»[488]. Как раз в то время британский премьер-министр совершал круиз по Адриатике и Средиземному морю вместе с Первым лордом, который писал Баттенбергу на борту адмиралтейской яхты «Энчантресс»: «Мы не можем понять, как пролив Корфу превратился бы в бóльшую угрозу адриатическим державам, находясь во враждебных греческих руках, нежели, скажем, Артский залив. Кефалония, как мы полагаем, выполняла бы подобную роль также хорошо… В любом случае Корфу бесполезен в смысле блокирования Адриатики для державы, не располагающей фактическим господством на море. Речь скорее должна идти не о Греции, а о более сильной стране, которую следует иметь в виду австрийцам и итальянцам»[489].

Между тем итальянский морской генеральный штаб составил секретный документ о значимости пролива Корфу в руках врага Тройственного союза. В июне 1913 г. британскому Адмиралтейству удалось заполучить его копию из Парижа. В этом документе, по замечанию Баттенберга, взаимодействие

---

[486] *Crampton R.* The Hollow Détente: Anglo-German Relations in the Balkans, 1911–1914. L.: George Prior, 1979. P. 112

[487] *Rodd J.* Social and Diplomatic Memories. Vol. 3. L.: Edward Arnold, 1925. P. 168; *Crampton R.* The Hollow Détente… P. 123–126

[488] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)

[489] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)

австрийских и германских кораблей при входе в Адриатику упоминалось как «решенный вопрос». С точки зрения Первого морского лорда условия Тройственного союза делали «абсолютно определенным присоединение Австрии к Германии в любой войне»[490]. Германия надеялась, что сможет заставить «обнажить шпагу» и Рим, при этом сознавая, что «между Италией и ее большой африканской армией стоит британский флот на Мальте»[491]. Тем не менее, все германские средиземноморские стратегические планы предполагали участие Италии[492], которая выступила с инициативой возобновления Тройственного союза в декабре 1912 г.[493] Рим таким образом стремился закрепить свои недавние приобретения в войне с Турцией, испытывая обеспокоенность по поводу сосредоточения французских сил в Средиземноморье.

Существовало опасение, что Италия могла передать своему германскому союзнику морскую базу в Триполитании или на Додеканезских островах[494]. В связи с этим 15 ноября 1912 г. Грей предупредил итальянского посла, что если бы «какая-либо великая держава имела остров в Эгейском море в качестве морской базы, то мы, конечно же, захотели бы что-то подобное для себя; аналогичное желание испытывали бы и другие державы: в результате шла бы постоянная борьба»[495]. К началу 1913 г. кроме первого итальянского дредноута «Данте Алигьери» была намечена постройка пяти дредноутов типа «Конте ди Кавур» и двух сверхредноутов типа «Морозини». Эта программа, по расчетам морского министерства, должна была быть завершена в 1915 году[496].

Рост морской мощи держав Тройственного союза вызвал ответные меры со стороны Великобритании в виде дальнейшего усиления Королевского флота.

---

[490] German Cruisers in Mediterranean, memorandum by Battenberg, 19 June 1913. PRO. Cab 1/33. URL: http://www.nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 21.04.2014)
[491] Ibid
[492] *Шталь А.* Стратегический очерк военных действий в Средиземном море… С. 21
[493] The Triple Alliance // The Times. 3 December 1912. P. 5
[494] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 300
[495] Grey to Bertie, 15 November 1912 // B.D. Vol. 9. Pt. 2. P. 158
[496] Англия. Мобилизация флота в ноябре 1912 г. // Морской сборник. 1913. № 1. С. 180

3.2 Проблема усиления Королевского военно-морского флота и стратегические взгляды Л. Баттенберга

Черчилль призывал британское общество «изготовиться к войне и ждать осложнений»[497]. При этом Первый лорд охарактеризовал состояние английских морских сил как «блестящее», подчеркнув их полную готовность «ко всяким военным случайностям»[498]. Силы Королевского флота в водах метрополии, согласно весенней схеме 1912 года, включали: 1) Первый флот, который должен был находиться в полной боевой готовности круглый год (это соединение пополнили линейные корабли бывшего Атлантического флота, переведенные из Гибралтара)[499]; 2) Второй флот (первый резерв), мобилизация которого не требовала призыва запасных и завершалась в течении нескольких часов; 3) Третий флот (второй резерв) предполагал для своей мобилизации призыв сил запаса. Первый флот включал с 1-й по 4-ю эскадры, Второй флот – 5-ю и 6-ю, а Третий – 7-ю и 8-ю[500]. При этом в состав каждой эскадры входило восемь линейных кораблей и один корабль в составе Первого флота считался флагманским. Линейным силам придавались крейсерские (в соотношении для каждого флота 2 линейных к 5 крейсерским эскадрам)[501], а также флотилии и вспомогательные суда[502].

К осени 1912 г. английское правительство, считавшее международную обстановку в целом спокойной, полностью сформировало Первый флот, в составе Второго имелась 5-я, а в составе Третьего – 7-я эскадра[503]. Формирование 6-й эскадры поначалу откладывалось до 1915 г., но в виду обострения ситуации на Балканах было решено сделать это досрочно, в 1913 г. Поскольку, по словам Черчилля, в течение 1912 г. правительство приняло на

---

[497] Сформирование Шестой эскадры // Морской сборник. 1913. № 1. С. 174
[498] Там же. С. 177
[499] *Churchill W.* The World crisis… P. 116
[500] Сформирование Шестой эскадры… С. 177
[501] *Churchill W.* The World crisis… P. 116–117
[502] Ibid
[503] Сформирование Шестой эскадры… С. 178

службу «невиданное и беспримерное» число нижних чинов[504], 6-я эскадра в момент мобилизации должна была докомплектовываться людьми, находящимися на действительной службе. Сформировав 6-ю эскадру Англия в любую минуту могла рассчитывать, вдобавок к Первому флоту, на линейные корабли первого резерва, не прибегая к призыву запасных. Для пополнения Третьего флота был создан так называемый “срочный резерв” из запасных, проходивших периодическую переподготовку и готовых к призыву до объявления всеобщей мобилизации[505].

Таким образом, в состав Королевского флота входило 60 линейных кораблей (20 дредноутов, 2 корабля переходного типа и 38 броненосцев додредноутной эпохи)[506]. В эскадрах постоянной готовности было собрано 49 линкоров, число которых после мобилизации возрастало до 57[507]. Тем не менее для полного претворения в жизнь весенних планов 1912 г. Великобритании требовалось 65 линейных кораблей[508]. Эта цифра могла быть достигнута лишь к 1915 году[509].

Германия, добавив 3-ю эскадру к Флоту Открытого Моря, также увеличила собственные силы постоянной готовности до 25 линейных кораблей (в ходе мобилизации эта цифра возрастала до 38)[510]. На секретном заседании бюджетной комиссии рейхстага, проходившем 6 и 7 февраля 1913 г., адмирал фон Тирпиц выступил с речью[511], в которой подчеркнул: «Я первый с радостью приветствовал бы весть о соглашении между Германией и Великобританией… мы не вступаем и никогда не вступали ни в какое соревнование с Англией. Соотношение [британских и германских дредноутов] 16 к 10 дает германскому флоту такую силу, что нападение на нас становится трудным… Большей силы

[504] Сформирование Шестой эскадры… С. 176
[505] *Churchill W.* The World crisis… P. 117
[506] Сформирование Шестой эскадры… С. 178–179
[507] *Churchill W.* The World crisis… P. 117
[508] Сформирование Шестой эскадры… С. 179
[509] Там же. С. 180
[510] *Churchill W.* The World crisis… P. 96
[511] The German and British Navies. Statement by Admiral von Tirpitz // The Times Weekly Edition. 14 February 1913. P. 133

нам не надо… германский флот вовсе не предназначен для нападения на флот Великобритании, потому что для нападения нужна сила, значительно превосходящая мощь врага. Мы же не только не располагаем флотом, превосходящим английский, но и не собираемся сравняться с ним»[512]. Таким образом на словах Тирпиц согласился признать британское превосходство в 60% относительно кораблей дредноутного класса, обозначенное в речи Черчилля от 18 марта 1912 г. (соотношение 8 британских линейных эскадр к 5 немецким)[513]. Как отмечалось в The Times Weekly Edition, «если Германия будет проводить свою политику в духе этой речи… мы конечно будем поступать аналогичным образом»[514].

Слова германского морского министра позволили французскому журналисту Ж. Гербетта высказать следующую гипотезу: победы балканских союзников в войне с Турцией создали славянскую опасность германизму. Немцы решили пойти на уступки и договорились с англичанами, чтобы обеспечить себе безопасность с морского фланга и иметь возможность беспрепятственно разделаться со славянско-французской коалицией[515]. Между тем общее соглашение Великобритании и Германии было возможно лишь при условии английских уступок в колониальной сфере, в Африке и на Ближнем Востоке. Но в этом случае «Англии пришлось бы пожертвовать не только своими интересами, но и своими европейскими друзьями», то есть партнерами по Тройственному согласию – Францией и Россией. Более того, «получив такую уступку, Германия сделалась бы повелительницей европейского континента», и с того дня «часы и самой Англии были бы сочтены»[516].

По мнению Д. Вудворда, «слова Тирпица были попыткой убедить Великобританию уменьшить разрыв, который Адмиралтейство объявило

---

[512] Италия. Соревнование и борьба за гегемонию на Средиземном море // Морской сборник. 1913. № 4. С. 224
[513] Admiral von Tirpitz's statement // The Times. 10 February 1913. P. 8; *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 311
[514] English and German Naval Standards // The Times Weekly Edition. 14 February 1913. P. 139
[515] Италия. Соревнование и борьба за гегемонию на Средиземном море… С. 222–223
[516] Там же. С. 231

необходимым условием обеспечения британской безопасности… Они были произнесены именно в то время, когда германское адмиралтейство осознало, что планы увеличения армии блокируют любое увеличение флота»[517]. Определённым подтверждением слов историка может служить письмо Грея послу в Берлине Э. Гошену от 5 марта 1913 г. По мнению британского статс-секретаря причиной столь миролюбивых заявлений германского морского министра были «дополнительные пятьдесят миллионов, которые требуются для увеличения германской армии». Тем не менее, Грей соглашался «вносить свою лепту в сохранение сердечных отношений до тех пор пока германское правительство будет выказывать добрые намерения»[518].

«Добрые намерения» демонстрировались на словах правительствами обеих держав. Так, выступая на другой день после речи Тирпица германский министр иностранных дел Г. фон Ягов заметил, что «кроме искренних чувств приязни, мы имеем с Англией и общие интересы», на почве которых два правительства могли бы действовать «совместно и согласно»[519]. В ответ на это Грей и Черчилль выразили в парламенте от имени британского кабинета удовлетворение по поводу дружественного тона, в котором рейхстаг обсуждал морские дела[520].

Несмотря на официальные заявления в парламенте политика Адмиралтейства основывалась на принципе: «Первый лорд Адмиралтейства будет принимать к учету только то, что делается заграницей, а не то, что там говориться»[521]. 13 марта 1913 г. был обнародован проект морского бюджета на 1913 – 14 гг. Он включал программу строительства 5 дредноутов. Согласно общему мнению бюджет должен был включать не пять, а шесть линкоров[522]. Консервативная пресса высказывала следующие замечания: «Он не так хорош,

---

[517] *Woodward E.* Great Britain and the German Navy… P. 406
[518] *Grey E.* Twenty five years… P. 256–257
[519] Италия. Соревнование и борьба за гегемонию на Средиземном море… С. 226
[520] Там же. С. 230
[521] Там же. С. 229
[522] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 313

что не мог бы быть лучше, но так плох, что не мог бы быть хуже» (Daily Express) или ««Джем вчера, джем завтра, никакого джема сегодня». Истолкование Красной королевой ее обещания Алисе «джема каждый другой день» в точности применимо проекту морского бюджета г-на Черчилля» (Pall Mall Gazette)[523].

Черчилль, произнося 26 марта 1913 г. речь перед Палатой общин, посвященную морскому бюджету, уподобил гонку вооружений «ослиному упрямству и недалекости», предложив объявить «морские каникулы»[524]. «Каникулы» предполагали временную приостановку строительства больших кораблей всеми державами на двенадцать месяцев. Первый лорд привел следующий аргумент: «Британия и Германия сэкономили бы миллионы, в то время как их сила по отношению друг к другу осталась бы абсолютно неизменной»[525]. Консервативная оппозиция внутри и за пределами парламента решительно осуждала идею «морских каникул» как утопическую и унизительную для империи. В Германии предложение Черчилля было встречено со скепсисом и насмешкой. «Морские каникулы» мешали непрерывному развитию национального флота, вели к безработице на верфях. Германский морской атташе в Лондоне разделял общее убеждение британских консерваторов, что предложение выдвинуто как подачка радикалам[526]. Иной точки зрения придерживался британский премьер-министр Г. Асквит, который впоследствии замечал: «Если бы… сделанное Черчиллем… предложение объявить перерыв в морских вооружениях было принято Германией – ход истории мог бы быть иным»[527]. С другой стороны Первый лорд предупредил, что «Великобритания не может допустить, чтобы какая бы то ни было морская держава настолько развила свой флот, чтобы он сравнялся или даже приблизился по мощи к британскому. Иностранный флот, равный или почти

[523] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 313
[524] Ibid
[525] Ibid
[526] Ibid. P. 314
[527] *Asquith H.* The Genesis of the war… P. 102

равный по силе нашему флоту, получит возможность непосредственно влиять на внешнюю политику. Этого Англия не хочет и не допустит. Она настолько не хочет этого, что попытка строить такой флот с чьей бы то ни было стороны послужит непосредственной причиной войны»[528].

Черчилль в рамках вышеупомянутой речи заявил о том, что правительство Великобритании предполагает сформировать общеимперскую эскадру из линейного крейсера «Новая Зеландия», малайского дредноута «Малайя» и трех канадских дредноутов. Эта «летучая» эскадра должна была базироваться на Гибралтар и могла быть направлена в любую точку земного шара[529]. Идея «летучей» эскадры возникла после того как Новая Зеландия передала в полное распоряжение Адмиралтейства одноимённый линейный крейсер. 12 ноября 1912 г. Верховный Комиссар федерации малайских государств протелеграфировал в Лондон, что малайские султаны постановили заказать на свой счет в Англии и ей же подарить один дредноут. Подарок был с благодарностью принят кабинетом министров от имени английского народа. Как писала “The Times Weekly Edition”, предложение дредноута малайскими правителями «приветствовалось с гордостью и благодарностью как знак верности и замечательный результат британского влияния на Востоке»[530]. По примеру малайских султанов в конце ноября 1912 г. князья Геквар-Бародский и Назам-Хейдерабадский, а также магараджа Ниссорский заявили, что дарят от имени Индии три дредноута и девять крейсеров, которые они постановили заказать за свой счет для усиления имперских морских сил[531].

Наконец, премьер-министр Канады Р. Борден во время визита в Лондон договорился с английским правительством по поводу передачи трёх линейных кораблей, выстроенных за счет доминиона на частных английских верфях, «в полное распоряжение Его Величества» (то есть в состав Королевского

[528] Летучая общеимперская эскадра // Морской сборник. 1913. № 5. С. 164
[529] The Navy Estimates. Mr. Churchill’s speech in the Commons. An Imperial squadron // The Times Weekly Edition. 28 March 1913. P. 255
[530] The Malay Ship // The Times Weekly Edition. 14 March 1913. P. 219
[531] Сформирование Шестой эскадры… С. 181

флота)[532]. Устанавливалось, что Соединенное королевство принимало на себя все расходы по содержанию и укомплектованию канадских кораблей. При этом «в любую минуту, если бы правительство доминиона… решило бы организовывать свой собственный флот, который потом в нужный момент содействовал бы английскому, Англия обязуется немедленно вернуть корабли Канаде»[533]. Взамен последняя получала право участвовать в руководстве Королевским флотом, а также в решении вопросов имперской военной политики (канадский министр-резидент в Лондоне становился постоянным членом Комитета имперской обороны)[534]. В свою очередь британский кабинет передал канадскому правительству специальный меморандум, в котором указывалось, что на Средиземном море в течение 1913 – 14 гг. Англия должна содержать 4 линейных и 4 броненосных крейсера[535]. Но за указанное время морские силы Австро-Венгрии и Италии серьезно возрастут и восьми упомянутых судов окажется недостаточно. Меморандум подчеркивал, что помощь Канады при подобных обстоятельствах была бы полезна, но в ней не было жизненной необходимости. Эта помощь имела, главным образом, политическое значение, являясь «доказательством единства и общего патриотизма во всех отдельных частях Британской империи»[536]. Заявлялось, что помощь доминиона желательна в виде постройки и передачи Адмиралтейству нескольких кораблей, «настолько сильных и больших, насколько это возможно получить за деньги при настоящем положении судостроительной техники»[537].

Планируемые один малайский, три индийских и три канадских дредноута, считая уже подаренный линейный крейсер «Нью Зиленд», и один строящийся в Англии австралийский крейсер «Австралия», усилили бы Королевский флот на 9 дополнительных кораблей без каких-либо затрат со

[532] Подарок Канады // Морской сборник. 1913. № 2. С. 258
[533] Там же
[534] Там же. С. 258–259
[535] Там же. С. 252
[536] Там же. С. 253–254
[537] Там же. С. 254

стороны самой Англии, обеспечив резкий перевес над германскими силами[538]. Берлинскому имперскому правительству пришлось бы или признать себя побежденным, или «возложить на народ новую тяжесть, которая для него при современном положении промышленного и денежного хозяйства в стране может оказаться и непосильной»[539].

Однако радостные ожидания на берегах Темзы оказалась преждевременными. Девиз канадских консерваторов во главе с председателем кабинета министров Р. Борденом гласил: «Один король, один флаг и один флот!» Таким образом они выступали за идею общего имперского флота, созидаемого на средства всех отдельных частей империи, но строящегося в Англии и впоследствии находящегося в распоряжении английского Адмиралтейства. По их мнению один флот лучше всего защищал бы интересы как Англии, так и ее колоний. Разбросанные собственные флоты Соединенного королевства и его доминионов оказались бы значительно слабее. В свою очередь либералы во главе с сэром В. Лорье, признавая в принципе необходимость морской силы для своей страны, считали, что каждое государство, входящее в состав империи, должно создавать отдельный флот «у себя и для себя»[540]. Причем входившие в состав собственного флота суда должны были в обязательном порядке строиться в самой Канаде, укомплектовываться ее жителями и содержаться правительством доминиона[541]. 6 мая 1913 г. канадский сенат отклонил предложение правительства. Когда в Лондоне была получена телеграмма о провале законопроекта, Первый лорд британского Адмиралтейства 5 июня 1913 г. заявил в парламенте, что кабинет решил немедленно приступить к постройке трех добавочных сверхдредноутов[542] из программы 1913 – 14 гг. (намечавшейся ранее на март

---

[538] Провал канадским сенатом законопроекта о постройке 3 дредноутов для флота метрополии // Морской сборник. 1913. № 7. С. 182
[539] Там же. С. 183
[540] Canada and the Navy. The Liberal attacks on Mr. Churchill // The Times Weekly Edition. 14 March 1913. P. 209; Провал канадским сенатом законопроекта о постройке 3 дредноутов… С. 178
[541] Подарок Канады… С. 260
[542] Провал канадским сенатом законопроекта о постройке 3 дредноутов… С. 179

следующего года). Три британских корабля должны были быть готовы к тому же сроку, что и канадские корабли, то есть к третьему кварталу 1915 г. Как охарактеризовал сложившуюся ситуацию Черчилль в своей книге «Мировой кризис», Адмиралтейство не могло «всецело полагаться на усилия стран Содружества», рассматривая «возможный вклад доминионов, как сверхплановое пополнение британских морских сил»[543]. Вопросы пополнения корабельного состава Королевского флота были тесно связаны с развитием британской стратегической мысли после создания Морского генерального штаба.

Как сообщал русский морской агент в Англии капитан 1-го ранга Рейн, «душой»[544] работ по созданию стратегических планов в Адмиралтействе считался Первый морской лорд принц Л. Баттенберг[545]. «Я пришёл готовить флот к войне, – писал впоследствии Черчилль, – очень нуждался в компетентном советнике и нашёл его в Луи Баттенберге»[546]. Первый лорд считал принца «совершенным образцом штабного офицера с основательной подготовкой», в силу чего «немногие из известных… адмиралов могли с ним сравниться»[547]. Положительная характеристика давалась Баттенбергу и в передовой статье «Морских и военных заметок»: «Страна не должна смущаться иностранным происхождением своего нового Первого морского лорда. Флот и нация приветствуют принца Баттенбергского на его высоком посту. Принц является лучшим типом современного офицера британского флота. Он разделяет все передовые идеи, господствующие среди морского общества Англии, а его репутация блестящего стратега и тактика известна всей стране. Большинство тех важных и коренных реформ, которые были успешно проведены в последнее время, которые так упорядочили жизнь нашего флота и подняли его боеспособность, большинство этих реформ было задумано и

[543] *Churchill W.* The World crisis… P. 108
[544] Копия донесения морского агента в Англии о морских, стратегических и оперативных планах Англии… Л. 83
[545] Там же. Л. 84
[546] *Churchill W.* The World crisis… P. 89
[547] Ibid

осуществлено при его участии. Правительство не могло бы сделать лучшего выбора и найти лицо, более подходящее для исполнения трудных и ответственных обязанностей, которые связаны с должностью Первого морского лорда, чем адмирал принц Луи Баттенбергский. Принц предан своей новой родине. Он принадлежит к числу лучших офицеров английского флота и имя его популярно среди всех наших офицеров»[548].

В день занятия Баттенбергом новой должности Черчилль адресовал ему меморандум по поводу стратегической ситуации в Средиземноморье, который начинался со слов: «Кульминацией всех военно-морских операций является сражение»[549]. Для средиземноморской стратегии были указаны следующие цели: помощь, на первых порах, при транспортировке французских войск и, если потребуется, соединение с французами для решающей схватки с итальянцами и предотвращения соединения последних с австрийцами. Проблема, как отчетливо сознавал Первый лорд, заключалась в тех силах, которые находились в распоряжении главнокомандующего адмирала Милна. Черчилль охарактеризовал их как «ограниченные», заметив: «величайшей ошибкой, которую может совершить главнокомандующий, было бы рассредоточение своих сил перед сражением. Если рассредоточенные корабли слабоваты, то они станут легкой добычей, а если сильны, то это была бы серьезная потеря для боевой линии»[550]. С точки зрения Черчилля, британская эскадра должна была быть сосредоточена «по соседству с Мальтой»[551].

В западной части Средиземного моря свобода морских сообщений была необходима Парижу для переброски во Францию войск из Северной Африки[552]. Для разработки решения этой задачи в Королевском военно-морском колледже

---

[548] Подарок Канады… С. 268–269
[549] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[550] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[551] Ibid
[552] Report of an interview with Adl Boué de Lapeyrère, January 1912 // PRO. ADM 116/3109. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)

была проведена стратегическая игра. Ее результатом стало заключение о том, что безопасность перевозки могла быть достигнута дислокацией британских кораблей между Сардинией и Бизертой[553]. Черчилль и Баттенберг полагали, что подобное расположение сил ограничит свободу действий для британцев. В конечном итоге Первый морской лорд пришёл к выводу, что, хотя французы собирались перевозить крупные военные силы по морю, господство над которым представлялось сомнительным, настоятельная необходимость в этом для их армии не оставляла иного выбора[554]. Командующий французской армией генерал Ж. Жоффр рассматривал алжирский корпус, наряду с британскими экспедиционными силами, как средство укрепления франко-бельгийской границы[555].

В Восточном Средиземноморье Баттенберг отказался выделять силы для обороны Суэцкого канала, обосновывая это тем, что канал нейтрален и, следовательно, вооруженную охрану его нейтралитета следует вменить в обязанность самому египетскому правительству. По мнению морского министра и Первого морского лорда британские подводные лодки и эсминцы, базирующиеся в Александрии, не годились для выполнения подобной задачи[556].

Между тем Черчилль высоко оценил «эпохальный меморандум» о роли подводных лодок в будущей войне, подготовленный адмиралом Фишером в мае 1913 г. Меморандум констатировал, что «подводные лодки водоизмещением 1700 т. теперь становятся доминирующим фактором морской войны. Еще никем не разработан способ уничтожения подводной лодки! Субмарина будет господствовать на морях дольше, чем дредноут»[557].

---

[553] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 105–106
[554] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[555] Report of an interview with Adl Boué de Lapeyrère, January 1912. PRO. ADM 116/3109. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)
[556] Draft Memorandum by Churchill, 9 December 1912; Minute by Battenberg, 27 December 1912 // PRO. ADM 116/3109. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)
[557] *Fisher J.* Records. L.: Hodder and Stoughton, 1919. P. 181–185

Тем не менее надводные силы продолжали играть серьёзную роль в морской стратегии, в связи с чем руководство британским Адмиралтейством приняло решение об их увеличении на Средиземном море во время военных действий на Балканах.

3.3 Флоты великих держав на Средиземном море и вопрос о судьбе Константинополя

С учетом осложнившейся обстановки на Балканах Англия в конце октября 1912 г. привела в состояние боевой готовности свои средиземноморские силы, включавшие четыре броненосных и четыре легких крейсера, а также 16 эскадренных миноносцев[558]. Кроме этого в Гибралтаре постоянно дислоцировалась 4-я линейная эскадра. Как полагал русский военно-морской агент, в её задачу входило воспрепятствовать выходу австрийских или итальянских крейсеров в Атлантический океан. При этом гибралтарская эскадра, включавшая в свой состав 4 додредноута, была слабее австрийских и итальянских сил, взятых по отдельности[559].

В качестве подкрепления адмиралу Милну 1 ноября 1912 г. на Мальту была направлена 3-я эскадра Отечественного флота, состоявшая из восьми устаревших броненосцев. 8 ноября Черчилль в общих чертах информировал Грея о текущей ситуации: второй дивизион 3-й эскадры и два броненосных крейсера направлялись в Навплию, «укромный залив на восточном побережье Греции»[560]. Оттуда они могли бы при необходимости поддержать корабли первого дивизиона, находившиеся в бухте Суда. По мнению Черчилля, объединенные силы Королевского флота значительно превосходили австрийский флот и могли бы «постоять за себя при любых непредвиденных

---

[558] *Томази А.* Морская война на Адриатическом море… С. 9

[559] Копия донесения морского агента в Англии о морских, стратегических и оперативных планах Англии… Л. 85

[560] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)

обстоятельствах»[561]. Черчилль добавил в постскриптуме: «я в целом доволен положением»[562]. Статс-секретарь возражал Первому лорду, что Навплия вообще не подходила для стоянки флота, как и залив Суда. Ни в одном из этих мест не подвергались опасности жизнь и имущество мирного населения. Грей опасался предположений о наличии у Англии неблаговидных политических мотивов и начала паники[563]. Глава британского министерства иностранных дел полагал, что лучшим местом для кораблей была бы Смирна, поскольку там, по крайней мере, существовала реальная опасность начала резни[564].

Пополнение средиземноморских сил свидетельствовало о том, что Англия не предвидела серьезных международных осложнений, чреватых началом военных действий в северных водах. Соответственно появление дополнительных британских кораблей в Средиземноморье было воспринято как симптом «локализации войны»[565]. Тем не менее морской министр подчеркнул, что «отсутствие в отечественных водах этих сил во время европейского кризиса обязывает наше Адмиралтейство к неусыпной бдительности»[566].

Вслед за усилением британского присутствия в ноябре 1912 г. собственную средиземноморскую эскадру для защиты национальных интересов сформировала Германия[567]. Эскадра включала в свой состав линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». Первый морской лорд полагал, что главной задачей этого соединения являлось обеспечение «активного участия флота Австрии в англо-германской войне»[568]. По поводу отправки германских кораблей в Средиземное море газета “Magdeburg Zeitung” писала: «Роль наших

---

[561] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[562] WSC. P. 1660–1661
[563] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[564] WSC. P. 1661. Тогда же стало известно, что в Навплию направлялась австрийская эскадра.
[565] Англия. Мобилизация флота в ноябре 1912 г. // Морской сборник. 1913. № 1. С. 175
[566] Там же
[567] The Balkan War. Intervention of the Powers // The Naval Annual. 1914. P. 167
[568] German Cruisers in Mediterranean, memorandum by Battenberg, 19 June 1913. PRO. CAB 1/33/1. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 21.04.2014)

крейсеров помешать перевозке во Францию 2-х армейских корпусов (65000 ч.) из Африки»[569]. Автор «Стратегического очерка военных действий в Средиземном море в мировую войну» А. Шталь подчеркивал, что с прибытием германской эскадры «австро-итальянский флот из совершенно ничтожной величины возрос настолько, что мог явиться достойным соперником англо-французского»[570].

Присутствие германских сил на Средиземном море побудило Англию дополнительно направить на Мальту линейный крейсер «Инфлексибл»[571], который прибыл туда 22 ноября 1912 г., а 25-го присоединился к основным британским силам, находившимся в Безикской бухте под командованием адмирала Милна[572]. После того как бессмысленность содержания корабля в этих водах была осознана в метрополии, он вернулся на Мальту 9 декабря 1912 г., оставаясь там до конца марта 1913 г. «на тот случай, если бы события Балканской войны потребовали действий с его стороны»[573]. Контр-адмирал Г. Хорнимен в следующих словах подчеркнул важность пребывания линейного крейсера «Инфлексибл» на Средиземном море: «Некоторое время мы были флотом и флот был нами»[574].

Между британским и германским главнокомандующими установились, на первый взгляд, вполне «добрососедские» отношения. Встретившиеся в Афинах по случаю похорон короля Греции британский адмирал А. Милн и германский адмирал В. Труммлер провели 1 – 2 апреля 1913 г. переговоры, касавшиеся событий на Ближнем Востоке. Труммер доносил в Берлин, что Милн испытывал тревогу относительно того, что французы могли использовать волнения в Ливане как предлог для расширения своей сферы влияния в регионе. Милн неоднократно выражал пожелание, чтобы германские корабли

---

[569] *Шталь А.* Стратегический очерк военных действий в Средиземном море… С. 19
[570] Там же.
[571] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[572] Ibid
[573] Ibid
[574] Ibid

были направлены в Александретту и Мерсину. Германский посол в Константинополе барон Г. фон Вагенхайм, официально указывая в качестве причины тревог Милна «чувство морского товарищества», писал фон Ягову 10 апреля 1913 г.: «Лично мне следовало бы торжествовать, выкажи мы бóльшую заинтересованность в Малой Азии путем увеличения там числа наших кораблей. Желая иметь свою долю при ее будущем разделе, мы таким образом дадим понять другим претендентам, что на нас не окажешь одностороннего давления. Но эти морские демонстрации следовало бы ограничить теми пунктами, которые без сомнения относятся к сфере наших интересов — если я имею право использовать это запрещенное выражение. До сих пор никто определенно не разузнал, на какую часть Малой Азии мы намерены предъявить наши права. Александретта и Мерсина – единственные исключения, и Труммлеру следует отправиться туда со своими кораблями в первую очередь»[575]. Труммлер действительно прибыл в Мерсину 4 мая 1913 г., демонстрируя флаг в течении недели.

После такой удачной акции германского флота в южных водах британский морской атташе в Берлине капитан Х. Уотсон докладывал своему послу 12 мая 1913 г. о том, что кайзер с удовольствием отзывался о взаимодействии германских и британских кораблей в Средиземноморье. Император позднее признался Уотсону, что очень благодарен Милну за совет, данный им Труммлеру, поскольку германские крейсеры «прибыли как раз вовремя для того, чтобы предотвратить армянские волнения»[576]. Нелепо со стороны Англии, утверждал Вильгельм, постоянно с опаской оглядываться в сторону Германии, сосредотачивая силы в Северном море. Не могла бы она последовать его примеру, отправив часть этих сил в Средиземноморье?[577]. Со своей стороны германский морской генеральный штаб был недоволен

[575] Wangenheim to Jagow, 10 April 1913 // German Diplomatic Documents. Vol. 4. P. 199; Milne to Churchill, 22 June 1913. PRO. CAB 1/34. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 18.05.2014)
[576] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[577] Ibid

отправкой вышеуказанных кораблей в южные воды[578]. Как писал впоследствии Тирпиц в своих мемуарах, «император очень гордился… средиземноморской эскадрой, в то время как я сожалел об отсутствии в Северном море линейного крейсера «Гебен»»[579].

В сложившейся непростой обстановке Асквит и Черчилль провели последние три недели мая 1913 г. в круизе по Адриатике и Восточному Средиземноморью на борту адмиралтейской яхты «Энчантресс». Круиз совпал с международной морской демонстрацией, проводившейся с целью принудить Черногорию прекратить осаду Скутари. 15 мая на берег высадились отряды с кораблей международной эскадры, чтобы взять под контроль город[580]. Как писал Асквит, ему «с великим трудом» удалось удержать Черчилля от самоличной поездки в Скутари для того, чтобы собственными глазами наблюдать капитуляцию города, а возможно и принимать ее[581]. Позднее Первый лорд произнес по данному поводу следующие слова: «Мне хотелось бы бомбардировать эту сволочь»[582]. На Мальте Черчилль лично довёл до сведения Милна, что «практически все корабли, за исключением «Инфлексибла» должны вернуться в воды метрополии для маневров», и ему не следует ожидать пополнения линейных крейсеров до тех пор, пока маневры не закончатся[583].

Положение командующего британскими средиземноморскими силами дополнительно осложнилось следующим обстоятельством. Летом 1913 г. по инициативе морского министра П. Бодена часть французских средиземноморских сил направилась к северному побережью страны с целью поднятия среди населения Бретани престижа собственного флота. При этом французский министр иностранных дел С. Пишон отдавал себе отчёт в том, что

---

578 *Tirpitz A.* My Memoirs. Vol. 2. N.Y.: Dodd, Mead and Co. 1919. P. 349
579 Ibid
580 Skutari occupied by the foreign detachments // The Times. 15 May 1913. P. 5; Skutari evacuated // The Times. 15 May 1913. P. 6; The Near Eastern settlement. Skutari evacuated. Foreign detachments enter Skutari // The Times Weekly Edition. 16 May 1913. P. 389
581 *Jenkins R.* Asquith. L.: Harper Collins, 1986. P. 260–261
582 Ibid
583 *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)

оставшиеся в Средиземноморье англо-французские силы будут численно уступать австро-итальянским в условиях продолжавшегося международного напряжения, вызванного Балканской войной. Кроме того, в июне 1913 г. в британском Адмиралтействе стало известно о назначении Труммлера – до тех пор числившегося «временно командированным для выполнения задания» – командиром германского средиземноморского дивизиона, что означало дальнейшее пребывание последнего в южных водах на постоянной основе[584]. В этой ситуации Пишон стремился добиться от британцев четкого определения количества кораблей Королевского флота, которые отныне должны были бы находиться в Средиземноморье. Лондонское Адмиралтейство не пошло ему навстречу в данном вопросе, поскольку максимальное сосредоточение британских сил в Северном море для противостояния германской опасности было несовместимо с какой-либо гарантией фиксированного количества кораблей на другой станции.

При сложившихся обстоятельствах Милн посчитал политически оправданной демонстрацию британской мощи в Средиземном море, ходатайствуя в марте 1913 г. перед А. Николсоном об отправке после установления мира на Балканах сильной британской эскадры вокруг Средиземноморья с заходом во все основные порты с целью демонстрации флага[585]. Адмиралу пошли навстречу и в июне 1913 г. он совершил плавание вдоль сирийского побережья. Несмотря на состоявшиеся в начале апреля «доверительные» беседы с Труммлером в Афинах Милн выразил Черчиллю надежду на то, что не встретит на своем пути германские корабли, хотя считал это вполне вероятным. По свидетельству Милна, при каждой встрече с британцами немцы вели себя «самым дружелюбным образом» и подобное

[584] German Cruisers in the Mediterranean, memorandum by Battenberg, 19 June 1913. PRO. Cab 1/33/1. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 21.04.2014)
[585] Milne to Nicolson, private, 11 March 1913. PRO. FO 800/365. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 26.04.2015)

побратимство довольно негативно воспринималось как французами, так и русскими[586].

7 июня 1913 г. Черчилль попросил Баттенберга «просмотреть разработанные планы… манёвров осени этого года в Средиземноморье»[587]. В июле 1913 г. концентрация сил у берегов Великобритании была доведена до «крайнего предела», в то время как Средиземное море «совершенно оголено», поскольку шесть оставшихся броненосцев 3-й эскадры в начале лета покинули регион[588].

Как писала газета «Русское слово» 18 ноября 1913 г. , «в последнее время населению Ближнего Востока приходится видеть лишь флот Тройственного союза и оно уже начало забывать о могуществе британского флота[589]. Поэтому в ноябрьских маневрах 1913 г. участвовали 4-я линейная эскадра, часть 1-й линейной эскадры, 3-я крейсерская эскадра и 1-й легкая крейсерская эскадра. Этим силам следовало идти на Мальту. Последующие действия должны были вестись, совместно со Средиземноморским флотом, между Мальтой и Гибралтаром. Черчилль писал: «Важная составляющая нашей нынешней политики заключается в демонстрации высокой мобильности флота и невозможности для любой иностранной державы просчитать ту силу, которая могла бы быть сосредоточена против нее в Средиземноморье»[590]. После непосредственного участия в манёврах отдельные эскадры продемонстрировали флаг в Неаполе, Тулоне, Барселоне, Алжире и Палермо[591]. В связи с этим германский морской атташе в Лондоне докладывал канцлеру Т. Бетман-Гольвегу о том, что подобные действия британцев вызвали «легкую

---

[586] Milne to Churchill, 22 June 1913. PRO. CAB 1/34. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 18.05.2014)
[587] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[588] Донесения морского агента в Англии о плавании и маневрах английского флота. 8 января–25 ноября 1913 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3317. Л. 30, 37
[589] Англо-французский флот в водах Ближнего Востока // Русское слово. 1913. № 255. С. 4
[590] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War.htm. (дата обращения: 15.05.2015)
[591] Organisation of the Fleet. Fleet Exercises // The Naval Annual. 1914. P. 404–406

досаду» во французских правящих верхах: «французы привыкли наивно полагать, что Англия предоставила их флоту защищать ее интересы в Средиземноморье, и что Франция отныне осуществит свою старую мечту доминировать в Латинском море, не беспокоясь об Англии»[592].

Чтобы подсластить горькую пилюлю Парижу была запланирована совместная демонстрация англо-французских сил в Восточном Средиземноморье. Морская демонстрация имела целью наглядно показать, что «хозяевами Средиземного моря по-прежнему являются Англия и Франция, когда они солидарны»[593]. Английская и французская эскадры прибыли в Афины 15(28) ноября 1913 г.[594] На следующий день король Константин и греческий морской министр нанесли визит командиру английской эскадры на борту «Инфлексибла». Как отмечала русская пресса, моряков обеих эскадр ожидал «самый радушный прием на берегу»[595].

Помимо роста военно-морских сил Тройственного союза британское правительство во время Балканской войны беспокоила возможность появления русского флота в Константинополе. Первое требование Лондона заключалось в том, чтобы ни одна держава не искала для себя территориальных преимуществ при урегулировании балканского вопроса[596]. Помимо этого Грей в беседе с германским послом князем К. Лихновски официально заявил, что ни одно территориальное изменение на Балканах не затронуло бы британские интересы и не вызвало вмешательство Лондона, за исключением вопроса о Константинополе[597]. После беседы с Лихновски Грей в последних числах октября 1912 г. послал циркулярную телеграмму во все посольства и дипломатические миссии Великобритании, в которой особо подчеркнул, что

---

[592] Kühlmann to Bethmann-Hollweg, 26 September 1913 // German Diplomatic Documents, Vol. 4, P. 298-299
[593] Ibid
[594] Англо-французская эскадра // Русское слово. 1913. № 265. С. 4
[595] Там же. № 266. С. 6
[596] *Dickinson G.* The International Anarchy 1904–1914. L.: G. Allen & Unwin, 1937. P. 336–341
[597] *Kennedy A.* Old Diplomacy and New. L.: John Murray, 1922. P. 188–198

судьба Константинополя и Проливов – европейский вопрос первого порядка[598]. Великие державы согласились с тем, чтобы Константинополь оставался во власти турок[599]. Британский министр считал, что завоевания балканских союзников были на тот момент столь значительны, что эти государства должны были быть удовлетворены и без занятия Константинополя[600]. При этом Англия побуждала Болгарию занять турецкую столицу. На тот случай, если бы Константинополь был захвачен, Грей предложил 7 (20) ноября 1912 г. придать Проливам нейтральный статус, превратив Константинополь в свободный порт под международным контролем. Целью этого было не допустить единоличного занятия Константинополя и Проливов Россией. Между тем, приближение болгарской армии вызвало волнения среди населения столицы Османской империи. В качестве ответной меры великие державы направили в Константинополь свои военные суда «для защиты христианского населения»[601]. Между тем европейские корабли не рассматривались турками как угроза. Британский посол Д. Лаутер частным образом сообщал Николсону, что «присутствие здесь кораблей скорее приятно туркам, поскольку экипажи тратят много денег»[602].

В сложившейся обстановке Камбон посчитал необходимым уточнить у Грея, что будет делать Англия, если русская эскадра все же отправится в Константинополь. В ответ статс-секретарь заявил французскому послу, что Англия уже имела в Константинополе один корабль и намеревалась послать еще три в бухту Безика. «Мы, – сказал Грей, – пошлем столько кораблей, сколько будет нужно…»[603]. При этом официальным предлогом наращивания сил Королевского флота служила «защита английского общества против толп и

---

[598] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политический архив. 1912 г. Д. 3700. Л. 11 // Цит. по *Лунева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы… С. 146
[599] *Grey E.* Twenty-Five Years... P. 93
[600] Ibid
[601] Константинополь и проливы // Красный архив. 1924. Т.6. С. 51
[602] Lowther to Nicolson, 16 January 1913. PRO. FO 800/362. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 25.04.2015)
[603] Вопрос о Проливах и о Константинополе в международной политике в 1908–1917 гг. Кризис 1912–1913 гг. // Константинополь и Проливы… С. 28

резни в Константинополе»[604]. Лаутеру была предоставлена возможность просить в случае необходимости о направлении дополнительного количества судов. В бухту Безика было приказано отправиться двум линкорам и крейсеру «Дармут» [605]. На 5(18) ноября 1912 г. Англия держала в районе Проливов соединение, состоявшее из четырнадцать кораблей и превосходившее по силе весь русский Черноморский флот. В письме Грею от 7(20) ноября 1912 г. британский посол в Париже писал: «Русские не могут ожидать, чтобы большинство великих держав содействовало оставлению Константинополя в руках турок только для того, чтобы ждать момента, который Россия считает подходящим для того, чтобы самой захватить его»[606].

Со своей стороны Россия не приняла британского предложения относительно статуса свободного порта для Константинополя и нейтрализации Босфора и Дарданелл ввиду своей особой заинтересованности в этом вопросе. В Петербурге приступили к обсуждению планов решительных действий в зоне Проливов, когда отступавшие турки остановились на Чаталджинской линии, расположенной в 45 километрах от Константинополя. Морской министр И.К. Григорович получил согласие Николая II на высылку «неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры...»[607]. В русском Морском генеральном штабе считали, что «очень было бы важно воспользоваться малейшим предлогом и перебросить хотя бы небольшой отряд на европейский берег Босфора... Оккупацию Верхнего Босфора можно было бы затянуть на очень долго, и тогда легче будет там остаться навсегда. Твердое же занятие Верхнего Босфора уже наполовину разрешает наболевший вопрос о Проливах»[608]. Практическое осуществление этого плана натолкнулось как на технические препятствия, так и на решительный протест партнеров по Антанте.

---

[604] Вопрос о Проливах и о Константинополе в международной политике в 1908–1917 гг. Кризис 1912–1913 гг. // Константинополь и Проливы… С. 28
[605] Grey to Bertie, 7 November 1912 // B.D. Vol. 9. Pt.2. No. 153. P. 115
[606] Bertie to Grey, 7 November 1912 // B.D. Vol. 9. Pt. 2. No. 156. P. 117
[607] Дело морского штаба по 2 операционному отделу под названием «О проливах и десантная операция». Мориском. №731 // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 51
[608] *Шацилло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). М.: «Наука», 1968. С. 102

Официальная позиция британского кабинета с водилась к тому, что статус Константинополя должна определить конференция великих держав.

Россия не решалась использовать войну на Балканах для того, чтобы изменить режим Черноморских проливов в свою пользу. К середине 1913 г. все ее устремления в отношении Проливов были направлены на сохранение статус-кво, чтобы оттянуть решение судьбы Проливов до того времени, когда страна будет располагать для этого соответствующими возможностями. Проблема Константинополя и Проливов выявила противоречия России с Англией и Францией. Нерешенный вопрос Черноморских проливов был залогом того, что Россия выступит в предстоящей войне на стороне Антанты.

Глава 4. Проблема военно-стратегического присутствия Англии в Восточном Средиземноморье (1913 – 1914 гг.)

4.1 Великобритания и греко-турецкая гонка морских вооружений

В качестве основной причины Первой мировой войны в отечественной и зарубежной историографии традиционно указывались противоречия великих держав. Между тем, как Антантой так и Тройственным союзом принималась в серьезный расчет интересы и политическая позиция государств, не входивших в два европейских военно-политических блока. В Восточном Средиземноморье внеблоковыми государствами являлись Греция и Османская империя. Стремление Великобритании поддерживать хорошие отношения с Афинами и Константинополем было продиктовано необходимостью защищать «Суэцкий путь» и укреплять политические позиции в Восточном Средиземноморье в условиях англо-германского антагонизма и усиления флотов Австро-Венгрии и Италии.

Греция и Турция вели между собою территориальный спор, дестабилизировавший международную обстановку в Восточном Средиземноморье. Умами греческих политиков владела так называемая «Великая идея» об объединении всех земель, населённых греками, в единое национальное государство со столицей в Константинополе за счёт турецких владений. Одной из ключевых проблем во взаимоотношениях двух стран была политическая принадлежность важного в стратегическом отношении острова Крит. Великобритания, наравне с другими великими европейскими державами, полагала несвоевременным окончательное решение Критского вопроса. Лондон выступал за сохранение острова, на правах автономии, в составе Османской империи[609]. В случае раздела Османской империи британское политическое руководство желало видеть Эгейские острова и, возможно, Крит в руках

[609] Донесения военно-морского агента в Турции и очерк о внутреннем и международном положении Турции, сентябрь–ноябрь 1909 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4201. Л. 43

России, обладавшей, по мнению англичан, «слабыми морскими силами и большим престижем»[610].

Греко-турецкие противоречия вылились в жестокую гонку вооружений. Обе стороны имели далеко идущие политические амбиции и планы, которые были не по карману небогатым государствам. В отличие от великих держав, Греция и Турция не имели достаточно мощного промышленного потенциала, чтобы строить корабли для собственных военно-морских сил. Заказы на вооружения приходилось размещать за рубежом, что вызвало конкуренцию между судостроительными и оружейными фирмами ведущих индустриальных стран. Развитие и противостояние флотов двух восточно-средиземноморских государств несло в себе потенциальную опасность войны, в которую со временем могли быть втянуты великие державы. Впоследствии Черчилль так охарактеризовал греко-турецкое морское соперничество с точки зрения геополитических интересов Лондона: «Помимо великих держав множество малых государств покупают или строят большие военные корабли и их суда могут … выступить против нас. Ни одна из этих держав на самом деле не нуждается, подобно нам, во флоте ради своей безопасности или независимости. Они строят корабли, чтобы участвовать в мировой политике. Для них это спорт. Для нас это смерть»[611].

Причиной модернизации греческих и турецких военно-морских сил являлся не только территориальный спор. Помимо собственно греко-турецкого соперничества гонку вооружений подогревала общая нестабильность на Балканах. К тому же мощный флот самим фактом своего существования повышал международный престиж любой страны. За помощью в деле реорганизации морских сил обе противоборствующие стороны обратились к «владычице морей» - Великобритании.

---

[610] Секретная записка морского агента в Англии «О морской политике Великобритании»… Л. 5
[611] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 343

Константинополь пригласил к себе британских морских офицеров-инструкторов в 1908 г., после победы Малодотурецкой революции. В Лондоне принятие решения о командировании миссии в Османскую империю было обусловлено собственными экономическими и стратегическими интересами[612]. В Турции британцам принадлежала значительная собственность и находили широкий сбыт английские производственные товары. Через турецкую территорию проходили важнейшие стратегические и торговые пути в Индию[613]. Целью британской средиземноморской стратегии являлось, наряду с обеспечением безопасности «Суэцкого пути», противостояние попыткам России занять Константинополь или провести Черноморский флот через Проливы. Для успешного решения этой задачи была важна политическая позиция владевшей Босфором и Дарданеллами Турции. Грей считал участие Англии в реорганизации турецкого флота делом «величайшей политической важности»[614]. В задачу миссии входило не только возрождение турецкого флота, но и содействие получению выгодных турецких заказов английскими судостроительными фирмами. В Адмиралтействе принималось в расчёт и возможное взаимодействие турецких кораблей с силами Королевского флота во время войны[615]. Между тем, даже реорганизованные турецкие военно-морские силы были заведомо слабее соединения Королевского флота. В связи с этим глава британской морской миссии адмирал Х. Вильямс указывал на то, что в качестве равноценного средиземноморского противника турецкого флота мог бы рассматриваться только флот Греции[616].

В Афины весной 1911 г. также прибыла английская военно-морская миссия[617]. С Грецией у Англии имелись не только дипломатические, но и

---

[612] Турецкая судостроительная программа // Морской сборник. 1909. № 1. С. 14.; *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 301
[613] Рапорт морского агента в Турции с обзором международного положения страны, 3 февраля 1909 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4204. Л. 5; *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 153, 401–402
[614] Fitzmaurice to Tyrell, 11 January 1909 // B.D. Vol. 5. No. 211. P. 283
[615] Рапорт морского агента в Турции… Л. 6
[616] Report by Admiral Williams, 29 April 1912. PRO. FO 371/1487. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.11.2014)
[617] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 12

династические связи: король Великобритании и Ирландии Эдуард VII был женат на сестре греческого короля Георга I. Помимо этого Георг питал взаимную личную неприязнь к германскому императору Вильгельму II[618]. Британские офицеры из состава греческой миссии – в отличие от своих коллег в Константинополе – не значились в действующем списке Королевского флота. Великобритания на тот момент придавала большее значение сотрудничеству с Турцией, в то время как представители греческой политической оппозиции считали, что для их страны не подходили «дряхлые морские пенсионеры»[619]. Отправляя миссию в Афины Великобритания преследовала собственные геополитические и коммерческие цели: усиление и сохранение политического влияния в Греции, а также получение выгодных заказов для английских судостроительных фирм в обход их иностранных конкурентов[620].

С точки зрения британской средиземноморской стратегии Греция имела первоочередное значение в смысле размещения на её территории базы Королевского флота[621]. Черчилль считал важным с точки зрения британских интересов, чтобы Греция была способна оборонять приобретённые ею в ходе Первой Балканской войны Эгейские острова от посягательств со стороны союзников Германии - Италии или Австрии[622]. Первый лорд убеждал Афины в пользе эсминцев и подлодок, даже при условии, что заказ на них будет сделан немецким фирмам[623]. Баттенберг считал «нежелательным со всех точек зрения», чтобы Греция располагала крупными судами[624]. Объективная реальность была такова, что по финансовым соображениям страна не могла

---

618 Династические и политические отношения перед Критским восстанием (1897—1898). Интернет-сайт «Критское восстание (1897—1898)». URL: www. wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 15.01.2015)
619 Elliot to Grey, 27 July 1912. PRO. FO 371/1381. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 23.03.2015)
620 *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 301
621 Греция. Развитие военного флота // Морской сборник. 1913. № 5. С. 191–192
622 17 декабря 1912 г. в Лондоне открылась конференция послов великих держав. При содействии Великобритании Эгейские острова, которые занимали важное стратегическое положение на пути к Дарданеллам, перешли к Греции.
623 Memorandum by Churchill, 2 January 1913. PRO. ADM 116/3098. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015)
624 Minute by Battenberg to a paper by Admiral Troubridge on Greek naval strength, 31 December 1912. PRO. ADM 116/3098. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015)

себе позволить формирование броненосных или крейсерских эскадр, способных эффективно противостоять Австрии или Италии. С другой стороны, мощная торпедная флотилия не требовала от Греции чрезмерных расходов и лучше всего подходила не только для эффективной обороны греческих вод, но и, что не менее важно, для поддержки британской средиземноморской эскадры. Цена нескольких торпедных судов равнялась стоимости одного большого корабля, а возрастающая сила торпед и опасность подводных атак являлись серьезным сдерживающим фактором для Австрии, располагавшей дорогими и мощными военно-морскими силами. Развитие греческого флота не должно было угрожать британским интересам, поскольку существовала вероятность ухудшения отношений между двумя странами (греческий наследный принц Константин отличался прогерманскими взглядами). Если бы силы Королевского флота были заняты на других морских театрах, даже три или четыре малых быстроходных крейсера из состава греческих военно-морских сил представляли бы опасность для британских коммуникаций в Восточном Средиземноморье, чего нельзя было сказать о торпедных судах и подлодках, имевших небольшую дальность плавания. По приказу Первого лорда Адмиралтейства начальник оперативного отдела недавно созданного британского Морского генерального штаба, капитан Джордж Боллард, подготовил меморандум, содержавший вышеприведённые аргументы[625].

Баттенберг полагал, что растущая морская мощь Греции гораздо более заслуживала британского внимания и помощи, чем турецкие военно-морские силы. Черчилль не соглашался с мнением Первого морского лорда: «Нет причины, по которой турецкая морская миссия должна прекратить свое существование»[626]. В свою очередь Баттенберг надеялся, что британская миссия

[625] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 335
[626] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 302–303

в Афинах, состоявшая на тот момент из отставников, будет заменена офицерами из действующего списка Королевского флота[627].

По истечении срока контракта с прежним составом британской военно-морской миссии греческое правительство попросило Адмиралтейство направить тех самых офицеров из действующего списка Королевского флота, за которых ратовал Первый морской лорд. Черчилль ответил греческому морскому министру 2 июня 1913 г. следующим письмом: «Хотя в настоящее время стремительный рост британских морских сил в значительной мере задействует наши собственные людские ресурсы, принц Луис Баттенберг и я стремимся сделать все возможное в рамках общей военно-морской политики для выполнения ваших пожеланий… я могу заверить вас, что мы готовы предоставить в ваше распоряжение офицеров из числа лучших в действующем списке британского флота. Между тем есть одно обязательное условие. Мы не можем просить офицеров, имеющих блестящие перспективы продвижения по британской службе, покинуть большие флоты в отечественных водах ради службы в греческих военно-морских силах до тех пор, пока не станет ясным, что… они будут обладать реальной властью для того, чтобы выполнять свои профессиональные обязанности на благо греческого флота и их собственной репутации. Если вы в силе дать необходимые заверения, я предложу пригласить контр-адмирала Марка Керра возглавить морскую миссию в Греции. Это один из наиболее одаренных и блестящих офицеров нашей службы, от которого мы ожидаем стремительного карьерного роста уже в молодом возрасте. Я уверен, нет человека, который мог бы более эффективно способствовать росту греческой морской мощи до того уровня, на котором она будет в полной мере соответствовать запросам будущего»[628]. С предложением о назначении на должность главы миссии контр-адмирала Марка Керра выступил Баттенберг[629]. Новый состав миссии прибыл на место дальнейшего прохождения службы в

[627] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 303
[628] Churchill to the Greek Minister of Marine, 2 June 1913 // WSC. Pt. 3. P. 1751
[629] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War. Интернет-сайт URL: www.the-millstone.co.uk.html (дата обращения: 15.09.13)

конце лета 1913 г.[630]. Сам адмирал был назначен на должность главнокомандующего греческим флотом, а прибывшие с ним офицеры получили повышение в чине.

Отдавая себе отчёт в близких родственных связях между греческой и прусской королевскими семьями (король Греции Константин I был женат на сестре Вильгельма II), а также прогерманских настроениях части греческого политического истеблишмента, Черчилль проинструктировал Первого морского лорда в смысле предостережения Керра и офицеров из состава миссии от разглашения греческому правительству и морскому офицерскому корпусу информации особо секретного характера. Помощь, оказываемая Греции, не подразумевала доведения её военно-морских сил до уровня Королевского флота. Не следовало раскрывать тонкости артиллерийского, торпедного и минного дела, передавая лишь общую информацию. Британские морские офицеры должны были постоянно помнить о том, что сведения, сообщённые ими, могли быть переданы немцам, в то время как сами англичане не располагали аналогичным каналом получения данных о германских новшествах. По любым вызывающим сомнение вопросам надлежало обращаться за точными инструкциями[631].

Адмирал Керр вошел в личный контакт с новым греческим монархом, королём Константином, секретарь которого вспоминал: «Я дал знать адмиралу о том, что всякий раз, когда он пожелает видеть его величество, ему следует предварительно позвонить, и я проведу его к королю, без формальностей и хлопот, без адъютанта или управляющего двором»[632]. Возникшие между правителем и адмиралом дружеские отношения укреплялась тем обстоятельством, что старшая дочь Баттенберга была замужем за принцем

---

[630] О прибытии из Англии морских офицеров-инструкторов греческого флота (из строевого рапорта командира канонерской лодки «Уралец»), сентябрь 1913 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 792. Л. 132
[631] WSC. Pt. 3. P. 1635
[632] *Mélas G.* Ex-King Constantine and the War. L.: Hutchinson and Co., 1920. P. 216

Андреем Глюксбургом, принцем Греческим и Датским, а зять короля, германский император, был крестным отцом дочери Керра.

Король Константин полагал, что только дредноуты и броненосные крейсеры способны обеспечить превосходство Греции над Турцией[633]. Премьер-министр Э. Венизелос также благоволил престижным линкорам[634]. Большие корабли, убеждал их Керр, были бесполезны в «узких» греческих водах: для сохранения господства в Эгейском и на входе в Адриатическое море стране в гораздо большей степени требовались быстроходные крейсеры, эсминцы и подлодки, а также военно-воздушные силы[635]. По поводу указанных типов кораблей адмирал сделал запрос Баттенбергу. Керр без обиняков представил Первому морскому лорду ситуацию в Восточном Средиземноморье, раскрыв при этом своё собственное предназначение: «Кажется никто в Англии не представляет себе здешней ситуации и как легко может начаться война [между Грецией и Турцией]… Если война начнется весной или летом [1914 г.]… я чувствую, что мне следовало бы поменять мою национальность и сражаться за этих людей. Я сознаю, что это означает крах моих планов на будущее, но убеждён, что должен поступить именно так… они будут настолько слабы, не имея никого, кто знал бы как управлять флотилией, что моё поведение могло бы предопределить их победу или поражение. Я говорю об этом совершенно серьезно»[636]. Венизелос, несмотря на собственную приверженность к дредноутам, также просил позволения Адмиралтейства построить шесть подводных лодок в Англии для греческого флота. Адмирал Керр активно поддержал этот план, указывая, что данный тип подлодок ко времени доставки в Грецию будет считаться устаревшим по меркам Королевского флота, подчёркивая при этом коммерческую выгоду сделки для британской стороны ввиду греческих планов морского строительства, а также

---

[633] *Kerr M.* Land, Sea and Air. L.;N.Y.: Longmans, Green and Co., 1927. P. 180

[634] Elliot to Grey, 12 May 1913. PRO. FO 371/1655. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.09.2014); *Kerr M.* Land, Sea and Air… P. 180–181

[635] *Kerr M.* Land, Sea and Air… P. 180–181; *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 336

[636] *Miller G.* The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War. Интернет-сайт URL: www.the-millstone.co.uk.htm (дата обращения: 15.09.13)

стандартизации вооружения и оборудования[637]. Адмиралтейство согласилось во второй половине декабря 1913 г., чтобы подлодки для греков строились компанией «Армстронг-Виккерс»[638]. В то время британские и французские оружейные фирмы вели «в атмосфере чрезвычайной учтивости» жестокую борьбу за греческие судостроительные заказы. В этом соревновании французам приходилось «более опасаться британцев нежели германцев». Интересы британских фирм лоббировались главой морской миссии[639]. В конце концов, греки приобрели подлодки производства французской фирмы «Шнейдер» несмотря на рекомендации адмирала Керра в пользу «Армстронг-Виккерс» (Форин-офис занял в этом вопросе официальную позицию невмешательства)[640]. Сам вопрос о получении подлодок утратил для греческой стороны прежнюю актуальность, когда стало известно о вхождении в близком будущем в состав османского флота корабля-дредноута. Вследствие этого аргументы Керра в пользу быстроходных и торпедных судов пробудили серьезную оппозицию со стороны многих офицеров греческого морского штаба.

Греки вынашивали планы дальнейшего расширения своей территории за счет Турции, которая решительно отказывалась уступить Хиос и Лесбос. Единственным средством окончательно решить этот вопрос была военно-морская сила. В ходе боевых действий во время Балканских войн греческий флот, благодаря крейсеру «Авероф», получил «почти полное владение морем», что наглядно продемонстрировало туркам значение мощного современного флота[641]. Эллиот предупреждал Грея в конце мая 1914 г. о серьезной опасности начала новой греко-турецкой войны, которая поставила бы Лондон «в сложное и неприятное положение», поскольку британские морские офицеры обучали

---

[637] Kerr to Greene, 18 October 1913. PRO. FO 371/1656. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 21.09.2014)
[638] Greene to Foreign Office, 19 December 1913. PRO. FO 371/1656. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 21.09.2014)
[639] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 343
[640] Minute by Crowe, 29 March 1914. PRO. FO 371/1998. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 05.03.2015)
[641] Греция и Турция. Обострение отношений между этими государствами. Их военно-морская подготовка // Морской сборник. 1914. № 5. С. 273–275

флоты двух потенциальных противников. Посол в Афинах настаивал на максимальном приложении усилий для сохранения мира. Его коллега в Константинополе, Л. Маллет, рассматривал факт греко-турецкой гонки морских вооружений как «прискорбный»[642], в силу того, что возможная морская война между двумя странами «не была бы столь приятна для Англии, как для Германии», поскольку свои морские миссии Лондон направил по обе стороны Эгейского моря.

Несмотря на поражение, нанесенное балканскими странами, а возможно даже вследствие его, находившееся в «совершенно отчаянном финансовом положении» османское правительство решило активизировать процесс усиления флота покупкой за границей готовых кораблей, так как этот путь требовал наименьших затрат времени и денег. Флот был необходим для того, чтобы заставить Грецию отказаться от притязаний на важнейшие для Турции острова Эгейского моря, предотвратить возможную блокаду Дарданелл греческим флотом или высадку вражеского десанта в Смирне, а при благоприятном стечении обстоятельств даже вернуть территории, утраченные в ходе Первой Балканской войны. Грей считал турецкую идею покупки броненосцев пустой тратой денег[643]. Адмиралтейство также полагало, что торпедные катера в меньшей степени затрагивали британские интересы и в большей степени соответствовали реальным нуждам Османской империи. В этом духе туркам и был дан совет через британского посла в Константинополе и через турецкого посла в Лондоне, которому они не последовали[644]. Завершение постройки «Решада V» намечалось на сентябрь 1914 г. Появление корабля в составе османского флота давало Константинополю по крайней мере теоретическое преимущество на море перед Афинами, поскольку линкор «Саламис», заложенный в Германии в июле 1913 г. в качестве противовеса

[642] Mallet to Grey, 27 October 1913. PRO. FO 371/1846. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.01.2015)
[643] Lowther to Grey. PRO. FO 371/1781. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 11.03.2014)
[644] О заключении турецким правительством контрактов с судостроительными заводами Виккерса, Армстронга, Шнейдера на постройку судов в соответствии с судостроительной программой, январь–март 1914 г. // РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4378. Л. 92

турецкому дредноуту, по расчётам греческого правительства должен был войти в строй не ранее весны 1915 г. Ввиду этих обстоятельств Греция признала необходимым безотлагательно приступить к дальнейшему пополнению собственных военно-морских сил.

Наряду с греко-турецкой в исследуемое время шла активная южноамериканская гонка морских вооружений. Фирмой «Армстронг-Виккерс» был заложен в сентябре 1911 г. по заказу бразильского правительства дредноут «Рио-де-Жанейро», а также принят заказ Чили еще на два корабля аналогичного класса. Южноамериканские дредноуты, строившиеся на британских верфях, в любое время могли быть выставлены на продажу в результате финансовой несостоятельности заказавших их правительств или нежелания продолжать нести тяжелые затраты на дорогостоящие символы престижа. Покупка одной державой всех или даже части этих кораблей могла бы нарушить хрупкий баланс сил в Средиземноморье. Афины предложили купить два строившихся чилийских броненосца, но на это последовал категорический отказ. Со временем Бразилия решила продать «Рио-де-Жанейро». Глава морской миссии в Османской империи, контр-адмирал А. Лимпус сообщил британскому послу в Константинополе о беспокойстве турок по поводу возможной покупки «Рио» Грецией и поинтересовался, могла бы сама Великобритания приобрести указанный корабль[645]. 17 ноября 1913 г. Совет Адмиралтейства постановил, что «обстоятельства…не оправдывают чрезвычайных мер»[646]. Иными словами, идея покупки была оставлена. Между тем переговоры с «Армстронг-Виккерс» по поводу приобретения корабля вело итальянское правительство. Адмиралтейство опасалось, что вхождение «Рио» в состав итальянского флота нарушит баланс сил в Средиземноморье в пользу Тройственного союза. Великобритания была заинтересована в том, чтобы он достался Франции или Греции. В конце концов, дредноут «Рио-де-Жанейро» был перекуплен турками

[645] Mallet to Grey, 27 October 1913. PRO. FO 371/1846. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.01.2015)
[646] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 339

и с декабря 1913 г. сделался собственностью Османской империи, получив имя основателя правившей в ней династии – «Султан Осман I».

Не останавливаясь на достигнутом, в апреле 1914 г. османское правительство заказало судостроительной фирме «Армстронг-Виккерс», в соответствии с новой программой, предложенной тем же британским адмиралом Лимпусом, третий дредноут, названный в честь султана, завоевавшего Константинополь – «Султан Мехмед Фатих». Предполагалось, что этот корабль будет иметь то же водоизмещение, что и «Султан Осман»[647]. Контракт на дредноут был подписан 16 июля 1914 г. и корабль должен был быть готов через двадцать два месяца[648].

Таким образом перед греками возникла перспектива, в дополнение к прохождению «зоны риска» между вступлением в строй двух первых турецких дредноутов и их собственного «Саламиса», пополнения менее чем через три года корабельного состава османского флота третьим линкором. Кроме того, в январе 1914 г. в Египте начался сбор пожертвований для покупки четвертого судна подобного класса, которое должно было быть преподнесено в дар Турции[649]. В декабре 1913 г. командующий греческим флотом вице-адмирал Кэрр отдал следующий приказ, опубликованный в газетах: «Необходимость работы должна всеми сознаваться. Будем же все совместно работать, чтобы дать греческому флоту владычество в тех морях, которые омывают берега Греции особенно теперь, когда через несколько времени появятся новые единицы, которые увеличат ее могущество. Долгая практика и совершенство организации, несомненно, помогут нам достичь этого. Помните, что все вы, как простые матросы, так и офицеры, являетесь звеньями той могучей цепи, которая охраняет родину, и несокрушимость которой вы должны довести до высшей степени напряжения. Способности, пламенный патриотизм и

---

[647] О заключении турецким правительством контрактов с судостроительными заводами… Л. 203; Греция и Турция. Обострение отношений между этими государствами… С. 273–275
[648] *Djemal Pasha A*. Memories of a Turkish Statesman. N.Y.: George H. Doran Company, 1922. P. 94–95
[649] О заключении турецким правительством контрактов с судостроительными заводами… Л. 92

храбрость, проявленные вами в последних войнах, дают полную уверенность, что это так и будет. Будем же помнить и поддерживать наш патриотизм особенно в мирное время, ибо в стремлении к бою и в упоении борьбою у вас не окажется недостатка, равно как и в необходимом чувстве долга перед родиной. Пусть же неизменным девизом нашим перед родиной и королем будет: «кто хочет мира – готовится к войне»»[650]. Великие державы опасались, что греки могли поддаться искушению нанести превентивный удар по потенциальному противнику до того как к нему прибудут новые корабли. Другая опасность заключалась в том, что греческий флот, с разрешения своего правительства или без такового, мог атаковать «Решад» и «Султан Осман» на их пути к Дарданеллам. Оценивая ситуацию Маллет полагал, что «почва для взрыва готова»[651]. К началу августа 1914 года один турецкий корабль был построен, а другой должен был быть готов к отправке через несколько недель. После начала европейской войны Первый лорд британского Адмиралтейства реквизировал оба дредноута для нужд Королевского флота[652].

4.2 Англо-германская борьба за влияние в Османской империи

В начале XX века великие державы вели ожесточенную борьбу за политическое влияние в Константинополе. Английские интересы в Турции сталкивались с интересами Германии, занявшей в конце XIX века наиболее прочные позиции при дворе султана Абдул-Гамида II, а также с интересами России, стремившейся не только к утверждению в Проливах, но и к гегемонии в Малой Азии[653].

Англия поддержала смену политического режима Османской империи, произошедшую в результате Младотурецкой революции 1908 г. В Лондоне надеялись на то, что с введением конституционного строя в стране возобладают

---

[650] О заключении турецким правительством контрактов с судостроительными заводами… Л. 29–30
[651] *Halpern P.* Mediterranean Naval Situation… P. 350
[652] *Черчилль У.* Мировой кризис. Интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/memo/english/churchill2/index.html (дата обращения: 20.06.2013)
[653] *Шталь А.* Стратегический очерк военных действий в Средиземном море… С. 21

пробританские настроения[654]. Как сообщал 1 августа 1908 г. русский военно-морской агент «немецкому влиянию в Константинополе был нанесен решительный удар совершившимся в Турции государственным переворотом, который, по видимому, есть результат… талантливого хода английской дипломатии»[655]. Анализируя ситуацию русский морской офицер сделал следующий прогноз: «явление возрождения Турции будет продолжаться… до тех пор, пока это будет отвечать видам великих держав и будущая судьба Турции зависит более от Лондона и Берлина, чем от правителей на Босфоре»[656].

Важным инструментом усиления политического влияния Англии в послереволюционной Турции стала британская военно-морская миссия[657]. Одной из главных задач миссии являлось противодействие германскому влиянию на турецком флоте, которое не только укрепляло политические позиции Берлина в Османской империи, но и делало вполне реальной перспективу выступления турецкого флота на стороне Германии и её союзников.

Турки, вознамерившись обзавестись боеспособными военно-морскими силами, приняли решение оборудовать плавающий док в порту Измида без объявления тендера между иностранными фирмами. Глава британской миссии адмирал А. Лимпус непосредственно курировал этот вопрос, основав «Императорское оттоманское общество постройки судов, доков и портов», во главе которго стояла компания «Армстронг-Виккерс»[658]. 19 ноября (2 декабря) 1913 г. османское правительство подписало контракт с директором-распорядителем фирмы Армстронга адмиралом Ч. Оттли и с директором-распорядителем фирмы Виккерса адмиралом В. Кэйярдом, согласно которому «Императорское оттоманское общество постройки судов, доков и портов»

---

[654] Рапорт морского агента в Турции с обзором международного положения страны. 3 февраля 1909 г. // РГАВМФ, Ф. 418, Оп. 1, Д. 4204, Л. 5
[655] Рапорта агенмора в Турции в Морской Генеральный Штаб о поддержке английской эскадрою нового режима в Турции (предложение англичан), 1908 г. // РГАВМФ, Ф. 418, Оп. 1, Д. 4188, Л. 104-105
[656] Рапорт морского агента в Турции… Л. 6
[657] *Marder A.* From the Dreadnought to Scapa Flow… P. 301
[658] О заключении турецким правительством контрактов с судостроительными заводами… Л. 11

обязалось оборудовать в заливе Измида плавучие доки для сверхдредноутов, судостроительные верфи и мастерские, а также реорганизовать военный порт и построить арсенал в Золотом Роге[659]. Причём Кэйярд поначалу не соглашался на турецкое требование осуществить указанные выше работы на собственные средства компании. Тогда министр финансов Джавид-бей показал ему письменные предложения германского посла в Константинополе барона Г. фон Вангенхайма предоставить вышеуказанную концессию германской фирме. При этом Вангенгейм обещал устроить заем и продать Османской империи дредноут. В турецком совете министров наметились две группы: одна выступала за принятие германского предложения, другая – за его отклонение, опасаясь слишком откровенно высказываемых немцами намерений добиться в пользу Германии «египтизации» Османской империи. Последняя точка зрения взяла верх и концессия была предоставлена британской компании «Армстронг-Виккерс»[660].

Порта гарантировала компании исключительное право на производство всех работ для турецкого военного флота в течении 30 лет[661], а компания «Армстронг-Виккерс», в свою очередь, обязалась «предпринять полную реорганизацию всех судостроительных верфей и заводов в Золотом Роге и в заливе Измид с таким расчетом, чтобы заводы эти через 12 лет оказались в состоянии строить корпуса и механизмы для военных судов любых размеров и классов»[662]. Маллет так прокомментировал значение этого события в письме Грею от 5 (18) декабря 1913 г.: «мы уже командовали турецким флотом, и только что приобрели монополию на верфи и арсеналы на 30 лет»[663]. Тот факт, что Лимпус был англичанином, без сомнения, повлиял на судьбу контракта, подобного которому «никогда не заключалось ни в одной стране»[664]. Он был подписан «без уплаты взяток» британской компанией в условиях серьезной

[659] О заключении турецким правительством контрактов с судостроительными заводами… Л. 91
[660] Там же. Л. 11
[661] *Beaumont H.* Annual Report, Turkey, 1913, 4 December 1914 // BDFA. № 61. P.473
[662] Турецкая дилемма // Морской сборник, 1914 г., № 2, С. 227-238
[663] Mallet to Grey, 5 December 1913 // B.D., Vol. 10, Pt. 1, No. 405, P. 360
[664] *Beaumont H.* Annual Report. Turkey, 1913, 4 December 1914 // BDFA, D.61, P.473

конкуренции с фирмами «Крупп» и «Орландо Воркс»[665]. Получение данного контракта британской фирмой значительно повышало английское влияние в Османской империи и рассматривалось как наиболее значительное, с точки зрения Лондона, достижение Лимпуса за время его пребывания в Турции. Сам Лимпус готов был согласиться с тем, что контракт являлся его большим личным успехом[666], но исключительно как офицера, состоявшего на турецкой службе. Он подчеркивал в письме Первому лорду «ярко выраженный британский характер» соглашения, исключающий участие других иностранцев[667]. В то же время адмирала выводило из себя отношение к его достижению на родине, как к значительной победе в борьбе за влияние в Константинополе. Лимпус считал, что британское правительство «вообще не приложило руку к этому делу, конечно исключая то обстоятельство, что именно оно послало меня в качестве морского советника, когда турки попросили такового»[668].

На самом деле британский кабинет официально дистанцировался от решения этого вопроса. Грей заявил в Палате общин, что соглашение стало результатом частных переговоров между турецким правительством и заинтересованными фирмами[669]. В связи с этим обстоятельством Лимпус даже не информировал британское министерство иностранных дел о ходе переговоров[670]. Таким образом, в результате приложенных Лимпусом усилий его страна смогла добиться значительного внешнеполитического успеха. При этом статс-секретарь официально не был скомпрометирован причастностью к вооружению иностранного государства. В то же время получение англичанами столь серьезного заказа вызвало неудовольствие германского и итальянского правительств, а германский посол в Константинополе заявил протест туркам по

---

[665] Ibid
[666] *Churchill R.* Young statesman… P. 643
[667] Ibid. P. 645
[668] Limpus to Mallet, 11 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[669] *Rooney C.* The International Significance of British Naval Missions to the Ottoman Empire… C. 27
[670] Ibid

поводу отсутствия объявленного тендера на постройку порта в Измиде[671]. Наряду с обеспечением заказов британским судостроительным фирмам Лимпусу приходилось заниматься вопросами дипломатического характера в условиях англо-германского политического соперничества.

Приглашая британцев с целью реформирования своего флота, турки сохранили германскую миссию для наблюдения за усовершенствованием армии[672]. Таким образом при реорганизации вооруженных сил они стремились перенимать наиболее передовой опыт у разных стран. Кроме того, обращаясь за содействием к двум враждующим державам, Константинополь стремился играть на их противоречиях[673].

В свою очередь Германия приняла решение об отправке в Турцию новой военной миссии во главе с генералом Л. фон Сандерсом, получившим под своё начало 1-й армейский корпус в Константинополе[674]. Германский генерал во главе турецких войск, дислоцированных в районе Проливов, представлял серьезную помеху планам России. Русский министр иностранных дел С.Д. Сазонов пытался добиться совместных усилий держав Антанты по принуждению Берлина к отозванию своего военного представителя. Особые надежды Сазонов возлагал на демонстрацию сил Королевского флота: «Германия может не обратить никакого внимания на французские и русские протесты до тех пор пока она не увидит перед своими глазами угрозу со стороны британского флота»[675]. В случае, если все прочие способы получить компенсацию или отменить миссию потерпят фиаско, глава российского внешнеполитического ведомства выступал за то, чтобы «три державы были

---

[671] О пребывании в Константинополе адмирала английского флота Оттли в качестве директора судостроительных заводов фирмы Армстронг, октябрь 1913 г. // РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4304. Л. 144
[672] Рапорт морского агента в Турции… Л. 6
[673] Там же
[674] Германия и Турция. Чрезвычайные полномочия германской военной миссии // Русское слово. 1913. № 259. С. 4; Германские инструкторы в Турции // Там же. № 262, С. 3; Турция и Германия. Реорганизация армии // Там же. № 263. С. 5; Турция. Германские инструкторы // Там же. № 264. С. 4
[675] O'Bierne to Grey, 1 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

готовы предпринять активные шаги, такие как оккупация турецких портов»[676]. При этом Сазонов не испытывал особых иллюзий относительно активных действий со стороны Лондона при решении данной проблемы. Русский министр подчеркивал в разговорах с британским послом Д. Бьюкененом, что «Германия и Австрия были союзниками, а Англия и Россия только друзьями. Россия, уверял он… должна… считаться… с Германией. Если Германия поддержит Австрию, то Франция станет на сторону России, но никому неизвестно, как поступит Англия»[677]. Аналогичных взглядов придерживался и Николай II[678].

13 декабря послы России, Англии и Франции, каждый в отдельности, сделали Порте устный запрос, предложенный Греем. В нем державы выражали надежду, что власть оттоманского правительства над Проливами и Константинополем остается неприкосновенной, и просили сообщить сведения, как о договоре, заключенном с германским генералом, и о распространении его прав, так и о том, как оттоманское правительство понимает положение этого офицера. Хотя английская дипломатия поддержала протест России против назначения Л. фон Сандерса командующим войсками константинопольского округа[679], британское министерство иностранных дел не стремилось раздувать конфликт до таких размеров, как этого желал Сазонов. Германская миссия напрямую не затрагивала британских интересов. Более того, Англии, опасавшейся чрезмерного усиления влияния России в Турции, было в определенной мере выгодно усиление политического влияния Германии в этой стране[680]. Сотрудник британского дипломатического представительства в Египте Р. Ванситарт задавал риторический вопрос, нужны ли Лондону

---

[676] O'Bierne to Grey, 7 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[677] *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. М.: ГИЗ, 1925. С. 102–103
[678] Там же
[679] Германская военная миссия в Турции. Английские аргументы // Русское слово. 1913. № 267. С. 5
[680] *Шталь А.* Стратегический очерк военных действий в Средиземном море… С. 21

компенсации со стороны Германии, о которых говорили русские[681]. К тому же в конце ноября 1913 г. германский канцлер произнес в рейхстаге речь, в которой отметил улучшение отношений между Англией и Германией[682]. В конечном итоге британцы воздержались от каких-либо шагов в смысле дипломатического давления на Берлин даже под нажимом своих русских партнеров. Активному британскому противодействию отправке германской миссии препятствовала также официальная должность адмирала Лимпуса[683].

5 декабря 1913 г. посол в Константинополе сообщил Грею, что Великобритания не вправе протестовать против назначения немецкого генерала Лимана фон Сандерса на должность командующего турецким корпусом, поскольку официально английский адмирал Лимпус командовал турецким флотом[684]. По мнению Маллета, данное обстоятельство, будучи лишь теоретически выгодным для британцев, на практике играло на руку туркам и немцам[685]. Никольсон разделял точку зрения, что подобный пункт в контракте Лимпуса может быть обращён против британцев[686]. На основании вышесказанного постоянный заместитель министра иностранных дел пришел к заключению, что, «мы не имеем достаточно веских оснований возражать против назначения немецкого генерала»[687].

Как и предполагал Маллет, ссылки на статус Лимпуса стали весомым аргументом, который немцы использовали «с максимальной выгодой»[688]. Так, германский поверенный в делах в Лондоне Р. фон Кюльман заявил, что

---

681 O'Bierne to Grey, 26 November 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
682 Англия и Германия // Русское слово1913. № 274. С. 4
683 O'Bierne to Grey, 7 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
684 Mallet to Grey, 5 December 1913 // B.D. Vol. 10. Pt. 1. No. 403. P. 358–359
685 Mallet to Grey, 5 December 1913 // PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
686 Mallet to Grey, 5 December 1913 // B.D. Vol. 10. Pt. 1. No. 403. P. 358–359
687 Ibid
688 O'Bierne to Grey, 7 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

положение Лимана и Лимпуса в точности совпадало[689], а статс-секретарь по иностранным делам Г. фон Ягов подчеркнул, что, командуя турецким флотом, адмирал Лимпус даже в большей степени контролирует Проливы чем генерал фон Сандерс, командуя константинопольским армейским корпусом[690]. Ягову вторил великий визирь, утверждавший, что британский адмирал обладал «аналогичной, если не более значительной властью»[691], поскольку командовал всем турецким флотом, тогда как немецкий генерал должен был командовать только одним армейским корпусом. Таким образом, две эти должности едва ли могли быть сопоставимы по своей значимости[692]. Британцы, в свою очередь, указывали на разницу между «командующим небоеспособным флотом»[693] и начальником хорошо организованного армейского корпуса, что на деле давало немцам более значительную власть. По мнению британского посла в Берлине Э. Гошена аналогия между адмиралом Лимпусом и генералом фон Сандерсом была совершенно неточна на практике, хотя убедительно выглядела в теории, «серьезным образом поставив нас в неудобное положение»[694]. Немцы пошли еще дальше в своих претензиях, утверждая, что контроль над флотом имел большее дипломатическое значение, нежели контроль над армией. Гошен в следующих словах выразил германскую позицию: «Поскольку с технической точки зрения намного проще создать флот, нежели сформировать значительный контингент войск по немецкому образцу из турецкого материала, назначение британского адмирала может послужить причиной политических осложнений с большей долей вероятности нежели назначение немецкого генерала»[695].

---

[689] Grey to Mallet, 9 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[690] Grey to O'Bierne, 15 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[691] Mallet to Grey, 13 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[692] Mallet to Grey, 15 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[693] Mallet to Grey, 5 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[694] Goschen to Grey, 15 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[695] Ibid

Эти разоблачения серьезно мешали совместным и скоординированным действиям держав Антанты. У русских вызывало сильное недовольство то обстоятельство, что их интересам наносился вред позицией их же партнера. Так, Сазонов охарактеризовал работу главы британской морской миссии в Турции как «серьёзную проблему для России»[696]. Он предупредил о возможности изменения характера англо-русских отношений, если Лондон не окажет Петербургу весомой поддержки в этом вопросе. Русский министр отдавал себе отчёт в том, что «если три державы потерпят поражение в вопросе о германской миссии, турецкое правительство определенно придет к выводу, что сила на стороне Тройственного союза»[697]. Для британцев существовали следующие варианты выхода из сложившейся ситуации: согласиться с фактом присутствия германской миссии, утратив расположение России, или упразднить собственную морскую миссию, потеряв влияние в Турции.

Англичане не желали отзывать миссию ради того, чтобы доставить удовольствие русским. Маллет рассматривал британское командование турецким флотом как «единственный актив» Лондона в этой стране[698]. Берлин также не желал отзывать фон Сандерса, но был бы вынужден поступить подобным образом в случае аналогичных действий Лондона. У Сазонова сложилось впечатление в ходе переговоров с немцами, что последние «очень сильно опасались» удаления Лимпуса[699].

Англия решила не обострять отношений с Германией, сохраняя видимость сближения с Берлином. В Лондоне понимали, что Россия едва ли готова вступить в войну из-за германской военной миссии. Российское правительство, в свою очередь, сознавало, что выступать вместе с Францией без поддержки Англии было бы крайне рискованно.

---

[696] O'Bierne to Grey, 9 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[697] O'Bierne to Grey, 14 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[698] Mallet to Grey, 5 December 1913 // B.D. Vol. 11. No. 405. P.360
[699] Buchanan to Grey, 6 January 1914. PRO. FO 371/2112. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.03.2015)

В этой ситуации русский посол в Турции М.Н. Гирс сделал компромиссное предложение о переносе штаб-квартиры британской миссии в порт Измида[700]. Это давало Великобритании определённую дипломатическую маневренность в переговорах, а сам Лимпус мог бы непосредственно наблюдать за работами, ведущимся британской компанией «Армстронг-Виккерс», вдали от столичной политической борьбы. Грей поддержал подобную идею, поскольку, по его мнению, переезд не препятствовал решению тех задач, которые стояли перед адмиралом[701]. Напротив, Маллету это не представлялось возможным, поскольку Лимпусу, постоянно поддерживавшему связь с турецким морским министром и адмиралтейством, важно было пребывать именно в Константинополе. Данное предложение более не рассматривалось.

Обсуждалась и возможность понижения статуса адмирала Лимпуса с «командующего флотом» до «морского советника». «Если, в конечном счете, условием согласия Германии на какое-либо изменение статуса генерала Лимана станет то, что британскому адмиралу следует также пользоваться менее всеобъемлющим титулом, конечно туркам будет объяснено, что «морской советник» мог бы выполнять все те же обязанности, что и «командующий флотом»»[702]. Сам Лимпус оставался наиболее ярым противником уменьшения собственной власти[703]. Адмирал придерживался того мнения, что подобное понижение еще более осложнит его и без того непростую задачу проводить необходимые реформы[704]. Невзирая на возражения Лимпуса и Маллета, Грей

[700] Bombard to Doumergue, 14 December 1914 // DDF. Series 3. Vol. 61. No. 626. P.785
[701] Mallet to Grey, 12 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[702] Mallet to Grey, 14 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[703] Ibid
[704] Ibid

полагал, что статус адмирала следует пересмотреть, хотя сделать это Лондон смог бы лишь при возобновлении его контракта в апреле 1914 г.[705]

Сами турки, по мнению Маллета, не одобрили бы понижения статуса Лимпуса, который ранее был возведён в ранг османского вице-адмирала[706]. Морской министр Джемаль-бей, находясь «в самых лучших отношениях с Лимпусом-пашою» и «самым лестным образом» о нем отзываясь, неукоснительно выполнял все указания и советы британского адмирала. Их мнения разошлись в вопросе о стратегически важных островах в Восточном Средиземноморье, захваченных итальянцами и греками. Лимпус считал, что Турции следовало бы смириться с потерей и отказаться от них. Джемаль-бей придерживался противоположной точки зрения[707]. Османское правительство было недовольно слабой дипломатической поддержкой со стороны Англии в этом вопросе. Лондону указали на то, что британское влияние на турецком флоте напрямую зависит от позиции, занимаемой английскими дипломатами. Вопрос об островах сблизил Турцию с Тройственным союзом, выказавшим большее понимание ее интересов. Тем не менее, когда 12 июня 1914 г. на линейном крейсере «Инфлексибл» в Константинополь прибыл командующий британской средиземноморской эскадрой, имевший поручение передать султану привет и собственноручное письмо от английского короля, ему «был оказан горячий прием и знаки особого внимания»[708]. Крейсер посетил наследник турецкого престола, а также высшие сановники государства, «чего не было при посещении Константинополя германским крейсером «Гебен»»[709].

---

[705] Grey minute (27 Dec. 1913) to: Limpus to Mallet, 11 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[706] Mallet to Grey, 8 December 1913. PRO. FO 371/1846. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.01.2015)
[707] Mallet to Grey, 21 January 1914 // B.D., V. 10, Pt. 1, No. 208, P. 195
[708] Об оказании турецким правительством знаков особого внимания английскому адмиралу Barkley Milne при посещении им Константинополя, июнь 1914 г. // РГАВМФ. Ф. 417, Оп. 1, Д. 4379, Л. 32
[709] Там же

Поскольку двухлетний контракт Лимпуса подходил к концу[710], Маллет выразил пожелание, чтобы его преемник исполнял свои обязанности в течение более длительного временного периода. Поскольку ни один молодой офицер не согласился бы занять эту должность, посол предложил, чтобы Лимпус был заменен офицером предотставного возраста. Британский дипломат А. Кроу считал, что последнее было бы превратно истолковано турками, поскольку «немцы избрали лучших из числа своих офицеров для службы подобного рода»[711]. Лимпус произвел благоприятное впечатление на принимающую сторону и британское правительство желало сохранить его в должности. Адмирал с неохотой согласился остаться лишь до тех пор, пока ему не была бы найдена достойная замена (которую на самом деле и не искали). Лимпус полагал, что миссия должна была быть сохранена в полном составе, поскольку если бы её штат был сокращён, «это было бы воспринято как знак того, что правительство его величества полностью утратило интерес к этой стране»[712]. За этим последовал бы переход турецкого флота под контроль Германии, что, в свою очередь, привело бы «к очень серьезным осложнениям с Россией»[713].

В начале августа 1914 г. началась европейская война. Великобритания конфисковала два дредноута, «Решадие» и «Султан Осман I», построенные для Турции компанией «Армстронг-Виккерс». При этом правительственный кабинет не желал отзывать своих офицеров с турецкой службы[714]. Адмиралтейство, в свою очередь, хотело, чтобы Лимпус покинул Константинополь, приняв командование над мальтийской эскадрой, поскольку с началом боевых действий Королевскому флоту потребовались толковые командиры. Маллет считал, что сам факт присутствия британского адмирала в пока ещё нейтральной стране имел огромное политическое значение. С другой

---

[710] Mallet to Grey, 8 December 1913. PRO. FO 371/1846. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.01.2015)
[711] Mallet to Grey, 8 Dec. 1913, minute by Crowe. PRO. FO 371/1846. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.01.2015)
[712] Rooney C. The International Significance of British Naval Missions to the Ottoman Empire… P. 21
[713] Ibid
[714] Посол в Лондоне министру иностранных дел, 14 августа 1914 г. // МОЭИ. Серия 3. Т. 6. Ч. 1. № 97. С. 94–95

стороны, отправка Лимпуса на Мальту «вновь вызвала бы горькое негодование по поводу задержания кораблей правительством его величества», которое, как полагал Маллет, утихло к началу сентября. Отзыв адмирала с должности командующего турецким флотом, за подготовку которого к войне он отвечал, явился бы серьезной ошибкой с политической точки зрения. Это могло быть расценёно всеми турками как вероломство со стороны Англии. В назначении Лимпуса на должность командующего средиземноморской эскадрой Королевского флота турки увидели бы для себя потенциальную угрозу. Посол предупреждал, что «отъезд адмирала вызовет кризис, которого мы пытаемся избежать ... и даст в руки немцам еще один козырь, с помощью которого они возбудят общественное мнение против Англии»[715]. Сам адмирал был настроен решительно против отзыва. Тем не менее, новому командующему турецким флотом германскому адмиралу В. Сушону удалось добиться отъезда в Англию британской морской миссии. 14 сентября 1914 г. Лимпус, возведенный за дня два до этого в ранг вице-адмирала Королевского флота[716], отбыл из Турции. Часть его штаба осталась на месте до ноября. После объявления Великобританией войны Турции британские морские офицеры были высланы, а их место заняли немцы.

Ещё одной проблемой, с которой столкнулись британцы после отправки миссии, стал вопрос о дальнейших отношениях с Россией, поскольку усиление турецкого флота, которому способствовали английские офицеры, напрямую затрагивало внешнеполитические интересы Петербурга.

4.3 Усиление турецкого флота и англо-русские отношения

Вопрос о политическом статусе Босфора и Дарданелл являлся одной из ключевых проблем англо-русских отношений рубежа 19 – 20 вв. В районе Черноморских проливов сталкивались политические, экономические и военно-стратегические интересов двух держав.

[715] Rooney C. The International Significance of British Naval Missions to the Ottoman Empire… P. 25
[716] The London Gazette. 22 September 1914. No. 28910. P. 7478

Государство, владевшее Проливами, оказывало решающее влияние на геополитическую ситуацию в Черном море и в Восточном Средиземноморье. В начале XX в. международный статус Черноморских проливов регулировался Лондонской конвенцией 1841 г. и Парижским мирным договором 1856 г., предполагавшими принцип закрытия Проливов Турцией для военных кораблей других государств. Конвенция 1871г. предоставляла султану право открывать их в мирное время для военных кораблей «дружественных и союзных держав», если в Константинополе сочли бы это необходимым для обеспечения выполнения положений Парижского трактата 1856 г.[717]

Контроль над Босфором и Дарданеллами давал возможность русским военно-морским силам выйти на простор мирового океана, а также создать наиболее благоприятный режим средиземноморской торговли с европейскими странами. В силу этого обладание Константинополем и Проливами рассматривалось российской политической и военной элитой в качестве важнейшей цели внешней политики страны. Силовым средством достижения этой цели служил русский Черноморский флот. Морской генеральный штаб в Петербурге рассматривал в качестве главной наступательной стратегической задачи Черноморского флота овладение Проливами, после чего следовало «нарушить равновесие морских сил в Средиземном море»[718]. Превосходство над владевшей Босфором и Дарданеллами Турцией признавалось бесспорным, ввиду практического отсутствия у страны равноценных военно-морских сил[719]. Реальным противником в средиземноморском регионе признавалась Англия[720]. Лондон противодействовал стремлению России получить выход из Черного в Средиземное море, видя в этом угрозу безопасности «Суэцкого пути»[721].

---

[717] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 15. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1909. С. 499–504
[718] *Петров М.* Задачи и планы русского флота в период, предшествовавший мировой войне (1880–1914) // Морской сборник. 1925. № 9. С. 87
[719] Там же. С. 88; *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 219–220
[720] *Петров М.* Задачи и планы русского флота … С. 83–85
[721] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 144

Главным сдерживающим фактором для русских служила британская мальтийская эскадра[722].

Великобритания теоретически соглашалась на открытие Проливов для военных флотов всех государств, не желая признавать особых интересов России как черноморской державы. Закрытие Проливов для военных кораблей всех держав, несмотря на свои негативные стороны, являлось для России более желательным, чем принцип свободы плавания иностранных военных судов. Англия и Германия могли бы воспользоваться правом свободного плавания через Проливы для укрепления своих позиций в регионе. Для Англии это служило бы противовесом русскому влиянию в Персии, для Германии — для осуществления «натиска на Восток».

Англо-русское соглашение 1907 г. оставило актуальным для двух держав вопрос о статусе Босфора и Дарданелл, но отныне обе стороны стремились использовать для его решения дипломатические, а не силовые средства.

Именно стремление противодействовать планам России, не применяя в открытую военную силу и сохраняя внешнюю видимость партнерских отношений перед лицом угрозы со стороны Тройственного союза стал важнейшей причиной отправки британской военно-морской миссии в Турцию. Таким образом, ставка в споре с Россией отныне делалась на модернизированные морские силы османской империи. Усиление турецкого флота под руководством английских офицеров напрямую препятствовало планам Петербурга в отношении Константинополя и Проливов[723]. Прибытие британской военно-морской миссии на берега Босфора вызвало недовольство в петербургских правительственных кругах и в русском обществе. Наличие у Турции мощного флота не только осложняло решение важнейшей

---

[722] *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power… P. 219; *Kennedy P.* The Rise and Fall of British Naval Mastery… P. 206

[723] O'Bierne to Grey, 9 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

политической и стратегической задачи на Черном море[724], но и могло спровоцировать восстание «недовольных народностей на сопредельном с Турцией Кавказе»[725].

Великий визирь оправдывался тем, что, во-первых, все вооружения были направлены «исключительно против Греции», а во-вторых – «новые заказываемые турецкие суда по силе не будут превосходить имеемые у России в Черном море»[726]. Русский морской агент считал, что Турция рассматривала в качестве потенциального противника именно Россию[727]. Тем не менее он сделал утешительный вывод: «Превосходство России в Черном море неоспоримо»[728]. С точки зрения турецкого министра иностранных дел Ассим-бея, если бы Турция даже попыталась вступить в морское соревнование с Россией, последняя бы вышла победительницей, обладая более богатыми ресурсами[729].

Его петербургский коллега Д.С. Сазонов охарактеризовал работу миссии как «серьёзную проблему для России»[730]. Турецкое морское строительство рассматривалось российскими правящими кругами как «неспровоцированный вызов»[731]. В конце лета 1910 г. русское правительство указало Грею на то обстоятельство, что Россия не желала нарушения баланса в Восточном Средиземноморье вследствие усиления турецкого флота[732]. Поддержание русского превосходства на Черном море представлялось в Петербурге делом

---

[724] *Петров М.* Задачи и планы русского флота… № 8, С. 20
[725] Smith to O'Bierne, 24 November 1910. PRO. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)
[726] Ibid
[727] О приобретении Турцией судов в Германии и Англии и о международном положении страны, 1910–1911 гг. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4207. Л. 15
[728] Сведения о внешней политике Турции, 1909 г. // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4201. Л. 39
[729] Findlay to Grey, 14 September 1910 // B.D. Vol. 9. Pt. 1. No.182. P.210
[730] O'Bierne to Grey, 9 December 1913. PRO. FO 371/1487. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[731] O'Bierne to Grey, 4 September 1910. PRO. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)
[732] O'Bierne to Grey, 30 August 1910. PRO. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)

настолько важным, что ради него могли бы быть принесены любые необходимые жертвы[733].

Поскольку британцы не могли предложить России компенсации, пришлось прибегнуть к оправдательным аргументам. Лондон заверял своего партнёра по Антанте, что турецкие военно-морские силы находились в стадии становления и не представляли наступательной угрозы для других держав. В качестве их потенциального противника могла рассматриваться исключительно одна Греция[734] и Порта не была заинтересована во вражде с русскими. Николсон заметил: «В настоящее время у турок нет… экипажей для тех кораблей, которые они купили… и они не ожидаются в обозримом будущем»[735]. Ввиду этих обстоятельств турецкая морская угроза России, даже если бы таковая существовала, рассматривалась Великобританией как «слишком отдаленная перспектива»[736]. Но поскольку морская сила являлась переменчивым фактором, подобное объяснение не успокоило Петербург.

Вторым аргументом британцев служило то обстоятельство, что Англия представляла на тот момент меньшее зло для России, чем Германия. При этом желание Петербурга предотвратить иностранную помощь в деле модернизации турецкого флота было в политическом смысле нереальным. Выбор, по мнению Лондона, был прост: «Если флот не организовывает британский адмирал, будет приглашён германский, который поведет дело с ещё большим рвением»[737], а «германское влияние вскоре настолько возобладает на турецком флоте, насколько это уже имеет место в турецкой армии»[738]. По крайней мере, для Петербурга являлось бы более предпочтительным сотрудничество Турции с его

---

[733] O'Bierne to Grey, 4 September 1910. PRO. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)
[734] Smith to O'Bierne, 24 November 1910. PRO. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)
[735] Nicolson minute to O'Bierne to Grey, 30 August 1910. PRO. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)
[736] O'Bierne to Grey, 9 December 1913. PRO. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)
[737] O'Beirne to Grey, 4 September 1910 // B.D. Vol. 9. Pt. 1. No. 178. P. 203–204
[738] Grey to Lowther, 20 September 1910. PRO. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)

же политическим партнёром чем с враждебной державой. В конце концов, Турция могла бы создать сильный флот и без английской помощи[739]. Более того, глава британской морской миссии адмирал Х. Вильямс предпринимал попытки ограничить размеры турецкого морского строительства, в то время как происки германских промышленных кругов имели целью активизировать последнее.

В конечном итоге русские были вынуждены смириться с имевшимся фактом, поскольку в сложившейся международной обстановке не могли жертвовать Антантой. Протесты Петербурга стихли к концу 1910 г. Вопрос о британской помощи Турции как прямой и непосредственной угрозе России никогда более не поднимался. Британский поверенный в делах в Санкт-Петербурге О'Бейрн следующим образом выразил своё видение указанной проблемы англо-русских отношений в письме Грею от 30 августа 1910 г.: «русский министр иностранных дел… откровенно признался мне, что Россия не желает видеть нарушение баланса военно-морской мощи в Леванте [Восточном Средиземноморье] вследствие увеличения турецкого флота… обретение Турцией флота, который, обученный британскими офицерами, будет способен померяться силами с русским Черноморским флотом, становиться реальностью, с которой русские обязаны впредь считаться… такая ситуация [для России] досадна, если не сказать нестерпима»[740].

В качестве ответной меры Петербург приступил к наращиванию собственных сил на Черном море. К началу 1908 г. турецкий флот насчитывал 6, а русский – 10 броненосцев. Это позволило «Кронштадтскому вестнику» уверенно прогнозировать уничтожение черноморской эскадрой турецкого флота «без всякого труда и даже малых потерь»[741]. Черноморский флот планировалось усиливать во вторую очередь, после воссоздания Балтийского

---

[739] Mallet's minute to O'Bierne to Grey, 6 September 1910. PRO. FO 371/980. URL: http://www.nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)
[740] O'Beirne to Grey, 30 August 1910 // B.D. Vol. 9. Pt. 1. No. 177. P. 201–202
[741] Турецкий флот и наша черноморская эскадра // Кронштадтский вестник. 1908. № 23 (7052). С. 4

после русско-японской войны[742]. Однако весной 1910 г. были получены «вполне достоверные» сведения о планах Турции относительно приобретения строившихся в Англии дредноутов. По расчетам М. Петрова «два таких корабля давали туркам преимущество в бою с нашим флотом, состоящим из судов устарелых типов»[743]. Кроме того, в случае вооружённого конфликта турки могли пополнить свои силы, в то время как русские не имели права сделать этого[744]. Свобода входа и выхода русских военных кораблей из Черного моря была ограничена международными договорами, тогда как османский флот не имел в этом смысле никаких правовых препятствий[745]. Поэтому Россия не могла «купив броненосцы подобно Турции или заказав их за границей, провести через закрытые Проливы. России приходится строить… только у себя, ограничиваясь судостроительными заводами в Николаеве и в Севастополе», которые не могли «конкурировать в скорости с западноевропейскими…»[746]. Показателем изменившейся политической и стратегической ситуации могут служить новые задачи, поставленные перед Морским генеральным штабом флоту в 1910 г. и состоявшие «в удержании обладания Черным морем, а в случае невозможности, в наибольшем замедлении высадки десанта на Херсонское побережье».

Хотя осенью 1911 г. началось строительство серии из трех русских дредноутов, предназначенных для Черного моря[747], вступление их в строй ожидалось не ранее 1915 – 1916 г. Кроме того, «…по выяснении точных данных строющихся турецких кораблей (тип Решад) выяснилось, что наша бригада типа Екатерина не даст решительного преимущества над ними»[748].

7 ноября 1913 года морской генеральный штаб в докладе морскому министру выдвинул идею сосредоточения Балтийского флота в Средиземном

---

[742] *Петров М.* Задачи и планы русского флота… № 9. С. 95–97
[743] Там же. С. 91–92
[744] O'Beirne to Grey, 30 August 1910 // B.D. Vol. 9. Pt. 1. No. 177. P. 201–202
[745] *Петров М.* Задачи и планы русского флота… № 8. С. 20
[746] Нужды Черноморского флота // Кронштадтский вестник. 1910. № 200 (7528). С. 2
[747] *Петров М.* Задачи и планы русского флота… № 9. С. 93
[748] Там же. С. 98

море с оставлением в северных водах только минных судов. Поднимался вопрос о предоставлении русским морским силам базы в Бизерте на основе русско-французской морской конвенции 1912 г.[749]

После того как османское правительство приобрело строившийся в Англии бразильский дредноут «Рио де Жанейро» И.К. Григорович в письме С.Д. Сазонову от 19 января 1914 г. выступил с предложением покупки «заканчивающихся постройкою в 1914 –1915 гг. заграничных дредноутов. Если бы провести эти корабли в Черное море оказалось невозможным, то они во всяком случае будут в ближайшие тревожные годы весьма полезны России в… Средиземном, где они могут составить вместе с потребным числом крейсеров и миноносцев Балтийского флота наш средиземноморский отряд, который сможет взять на себя стратегическую задачу при всякой политической обстановке компенсировать преобладание турецкого флота над нашим в Черном море»[750].

В том же январе 1914 г. Лимпус предлагал убедить Турцию «присоединиться к России, а России присоединиться к Турции и защищать ее»[751]. По мнению британского адмирала, это было бы в интересах других держав Антанты и, хотя подобный шаг вызвал бы противодействие Германии, она бы не вступила в войну, чтобы предотвратить его. Проблема заключалась в том, что русские рассматривали Турцию как потенциального противника больше, нежели чем потенциального союзника. Когда после начала войны турецкие дредноуты были реквизированы британским Адмиралтейством, это событие вызвало «душевные страдания» у турецкого морского министра Джемаль-паши и «великое облегчение» у русских[752].

---

[749] *Петров М.* Задачи и планы русского флота… № 9. С. 95–97
[750] Морской министр министру иностранных дел, 19 января 1914 г. // МОЭИ. Серия 3. Т. 1. № 50. С. 56–58
[751] Limpus Essay, 31 January 1914. PRO. ADM 1/8365/1. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.10.2014)
[752] *Churchill W.* The World Crisis… P. 209; *Djemal Pasha A.* Memories of a Turkish Statesman… P. 117

Наконец, приведем ниже характеристику той роли, которую сыграла военно-морской миссии в Турции в истории англо-русских отношений, данную Греем в беседе с российским послом в Лондоне А.К. Бенкендорфом: «если бы правительство считало, что развитие турецкого флота может представлять опасность для России, то английским офицерам не было бы дано разрешения служить в нем… это разрешение было дано по просьбе турецкого правительства лишь для поддержания турецкого флота в таком состоянии, чтобы он мог охранять независимость Турции. Никакое изменение указанной цели не получит одобрения английского правительства… отказ [Англии] заставил бы турецкое правительство обратиться к Германии, что одинаково противоречит как русским, так и английским интересам. Что касается заказов и покупок судов в Англии, то правительство не имеет никаких законных способов для противодействия им… были заключены договоры непосредственно между турецким правительством и судовладельцами, без извещения английского правительства и помимо всякого содействия английской миссии»[753].

Вступив в европейскую войну Великобритания была вынуждена официально признать притязания России, заключив англо-франко-русское секретное соглашение 1915 г. Упомянутое соглашение предусматривало вхождение Константинополя и Проливов в состав Российской империи. Это стало возможным после вступления в войну Османской империи на стороне Германии. Великобритания поступилась извечным внешнеполитическим принципом, поскольку была заинтересована в русской военной помощи и желала стимулировать русское правительство для ведения войны «до победного конца».

[753] Посол в Лондоне министру иностранных дел, 12 июня 1914 г. // МОЭИ. Серия 3. Т. 3. № 224. С. 276

Выводы

Если главная задача Великобритании в Средиземноморье, обеспечение безопасности собственных коммуникаций, оставалась неизменной на протяжении всего исследуемого периода, то потенциальные противники менялись: вначале ими являлись Франция и Россия, а впоследствии – державы Тройственного союза.

В период противостояния с Францией и Россией делалась ставка исключительно на силы Королевского флота. Не было серьезных стратегических расчетов на участие флотов политических партнеров.

В указанный период как Великобритания, так и Франция были вынуждены распределять свои морские силы на два потенциальных театра военных действий: северный и средиземноморский. Отдельную силу, бравшуюся в расчет как англичанами, так и французами, представлял из себя русский Черноморский флот.

В подобных условиях в Великобритании сложились три взгляда на решение «Средиземноморского вопроса»: «Ла Маншская школа», «Отзовисты», «Средиземноморская школа». На практике британское Адмиралтейство осуществило предложения «Средиземноморской школы», максимально усилив соединение, дислоцированное на Мальте, подчеркнув тем самым значение Средиземноморья для безопасности Британских островов.

Следствием принятия Германией судостроительной программы и серьёзного охлаждения между Лондоном и Берлином явилась обратная передислокация части средиземноморских линейных сил Королевского флота в северные воды. Новая дислокация Королевского флота подразумевала, что 3/4 британских броненосцев могли быть оперативно сосредоточены в водах метрополии против Германии, которая отныне признавалась главным потенциальным противником на море.

Это происходило в условиях общего изменения международной ситуации: если в период противостояния с Францией силы Королевского флота были распределены по всему миру, то отныне их основная часть была сосредоточена в европейских водах.

С момента заключения Антанты и до подписания англо-русского соглашения основным противником в Средиземноморье считался Черноморский флот. В указанный период Лондон также опасался, что Германия сможет обзавестись военно-морской базой вблизи Гибралтарского пролива. Это были главные факторы обусловившие сохранение в Средиземноморье половины британских броненосных сил и Мальты в качестве базы Королевского флота, несмотря на предложение Фишера о переносе ее в Александрию. К дипломатическим шагам, направленным на защиту британских интересов, можно отнести англо-франко-испанское соглашение, заключенное в мае 1907 г. При этом делался расчет на ослабление позиций Тройственного союза в Западном Средиземноморье.

В период англо-германского антагонизма Австрия и, особенно, Италия вначале не принимались в серьёзный расчет, как по военным, так и по политическим причинам. Переломным моментом для истории развития британской средиземноморской стратегии стало принятие союзниками Германии собственных дредноутных программ.

Если в период противостояния с Францией и Россией британское стратегическое планирование предполагало почти исключительно расчет на силы Королевского флота, то в эпоху англо-германского антагонизма все явственнее прослеживалась тенденция к взаимодействию с партнерами на международной арене.

Рост морских вооружений Италии и Австрии стал одним из важнейших стимулов для зарождения англо-французского военно-морского сотрудничества, которое подразумевало:

- наличие собственных зон действия для флота каждой из двух стран;

- сосредоточение французских флотов метрополии в Средиземном море для защиты интересов держав Антанты.

На британскую морскую политику в исследуемый период оказывала влияние не только международная ситуация, но и «теория Мэхэна-Коломба», а также разрабатываемые стратегические планы.

Британское стратегическое планирование в исследуемый период, претерпело эволюцию от частной инициативы отдельных прогрессивно мысливших морских офицеров до создания специального органа в составе Адмиралтейства.

Вопрос о разработке британским Адмиралтейством конкретных стратегических планов с учетом германской опасности встал особенно остро в тот момент, когда изменилась международная обстановка, была осуществлена передислокация сил Королевского флота из средиземноморских в северные воды и вступили в строй новые линейные корабли дредноутного типа.

Британские планы военных действий на море носили рекомендательный характер и не были приняты в качестве официального руководства к боевым действиям.

В указанных планах четко прослеживается мысль о передислокации средиземноморских броненосцев при условии защиты французскими линейными силами общих интересов в Средиземноморье.

Кроме разработки конкретных стратегических планов в британских военно-морских кругах делались попытки разработки новой теории морской войны с учётом изменения международной обстановки и развития вооружений. На этом этапе «теория Коломба-Мэхэна» была обобщена и дополнена английским морским историком Д. Корбеттом. По мнению Корбетта британскую торговлю можно было защищать при помощи крейсерских сил.

Во время итало-турецкой войны Англии удалось воспрепятствовать планам России добиться права свободного прохода кораблей Черноморского флота через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. При этом в регионе усилились позиции Тройственного союза вследствие территориальных приобретений, сделанных Италией. Это создало угрозу британским средиземноморским коммуникациям.

В качестве ответа на усиление позиций Тройственного союза в Средиземноморье Англия по новому организовала стратегическое планирование, усилила собственный военный флот и приступила к ещё более тесному морскому сотрудничеству с Францией.

Обострение англо-германского морского соперничества, изменение дислокации Королевского флота и развитие вооружений сделали особо актуальной проблему практической разработки стратегии морской войны. Вскоре после вступления в должность Первого лорда Адмиралтейства У. Черчилля был создан Морской генеральный штаб.

Концентрацию сил Королевского флота на североморском театре, осуществленная Черчиллем, не позволила содержать в Средиземном море силы, необходимые для защиты британских интересов. Лондон был вынужден делать ставку на французские военно-морские силы перед лицом создания Австрией и Италией собственных дредноутов.

Реорганизация британских военно-морских сил страны, проведенная Черчиллем, предполагала передислокацию Атлантического флота из Гибралтара в воды метрополии с заменой его броненосцами Средиземноморского флота, ранее дислоцированными на Мальте. В зависимости от сложившейся ситуации им следовало или усилить эскадры в водах метрополии или обратно войти в Средиземное море. Непосредственно на Мальте оставалась в полном составе только крейсерская эскадра.

Соглашение от 23 июля 1912 г., закрепило договоренности, достигнутые в 1908 г. Его непосредственным результатом стала передислокация французских линейных сил в Средиземноморье в сентябре 1912 г. Таким образом соблюдение британских интересов в Средиземноморье отныне зависело от поддержки французского флота.

Во время Первой Балканской войны, ввиду угрозы возникновения общеевропейского конфликта, на повестку дня встал вопрос о дальнейшем налаживании практического взаимодействия военно-морских сил держав Антанты. Англо-французское соглашение, подписанное 10 февраля 1913 г. представителями британского Адмиралтейства и французского морского генерального штаба. Соглашение ещё раз устанавливало, что французский флот будет оперировать в западной, а английский — в восточной части Средиземного моря. В случае возможного участия в одной операции оба флота должны были маневрировать раздельно, взаимно поддерживая друг друга. Объединение командования предусматривалось только в том случае, если бы британские силы на Средиземном море уступали австрийским. В подобной ситуации английские силы после начала военных действий соединялись с французским флотом и поступали под начало его главнокомандующего. Особо оговаривалось, что «они могут быть отозваны в Англию в любой момент, если обстоятельства этого потребуют».

При этом соглашения от 23 июля 1912 г. и 10 февраля 1913 г. сами по себе не подразумевали, что в случае войны две страны станут союзницами. Указанные документы технически обеспечивали британское вмешательство после принятия Лондоном принципиального решения о вступлении в войну на стороне Франции.

Дальнейшим шагом в деле развития англо-французского военно-морского сотрудничества стала инструкция главнокомандующему британскими средиземноморскими силами адмиралу А. Милну от 1 мая 1913 г. о

немедленном усилении французов в случае соединения итальянского и австрийского флотов. Указанная инструкция впервые предусматривала возможность присутствие в Средиземноморье во время войны российских черноморских сил и взаимодействия с ними.

В ответ на укрепление англо-французского морского сотрудничества был продлен Тройственный союз и принят новый вариант морской конвенции, включавший в себя стратегический план действий флотов входивших в него держав против военно-морских сил Антанты. Таким образом, в период Балканских войн произошла дальнейшая консолидация (в том числе военно-стратегическая) двух враждебных друг другу блоков европейских держав.

Рост морской мощи держав Тройственного союза вызвал ответные меры со стороны Великобритании в виде дальнейшего усиления Королевского флота. Ввиду слабости британской 4-й эскадры, базирующейся на Гибралтар, относительно итальянских и австрийских флотов, возник проект создания общеимперской эскадры, построенной за счет отдельных частей Британской империи. Эскадра должна была дополнить средиземноморские силы Королевского флота.

На практике руководство британским Адмиралтейством увеличило силы Королевского флота на Средиземном море во время военных действий на Балканах за счет судов, дислоцированных в водах метрополии. Были проведены маневры и совместная демонстрация англо-французских сил в Восточном Средиземноморье.

Вслед за усилением британского присутствия в ноябре 1912 г. собственную средиземноморскую эскадру для защиты национальных интересов сформировала Германия.

Помимо роста военно-морских сил Тройственного союза британское правительство во время Балканской войны беспокоила возможность появления

русского флота в Константинополе. С целью воспрепятствовать российским стратегическим планам Англия держала в районе Проливов соединение, превосходившее по силе русский Черноморский флот.

В результате Россия не решалась использовать войну на Балканах для того, чтобы изменить режим Черноморских проливов в свою пользу. Проблема Константинополя и Проливов выявила сохранявшиеся англо-русские противоречия.

Англией принималась в серьезный расчет интересы и политическая позиция внеблоковых государств в Восточном Средиземноморье, каковыми являлись Греция и Османская империя. Имея влияние в этих странах можно было контролировать и защищать средиземноморские коммуникации.

С целью укрепления политических, стратегических и экономических позиций Великобритании согласилась направить в обе страны, между которыми шла ожесточенная гонка вооружений, военно-морские миссии.

С точки зрения британской средиземноморской стратегии важное значение имели:

- противодействие модернизированных турецких военно-морских сил планам России в отношении Проливов;

- потенциальная способность Греции оборонять приобретённые ею в ходе Первой Балканской войны Эгейские острова от посягательств со стороны Италии или Австрии;

- возможное взаимодействие греческих и турецких военно-морских сил с Королевским флотом во время войны.

При этом помощь, оказываемая Греции и Турции, не подразумевала доведения их военно-морских сил до уровня Королевского флота. Считалось нежелательным приобретение обеими сторонами дредноутов и

приветствовалось пополнение флотов эсминцами и подлодками. Именно эти суда не представляли потенциальной опасности для британских коммуникаций в Восточном Средиземноморье. С другой стороны, мощная торпедная флотилия лучше всего подходила для поддержки британской средиземноморской эскадры.

В начале XX века английские интересы в Турции сталкивались с интересами Германии.

Одной из главных задач британской военно-морской миссии являлось противодействие германскому влиянию на турецком флоте, которое не только укрепляло политические позиции Берлина в Османской империи, но и делало вполне реальной перспективу выступления турецкого флота на стороне Тройственного союза.

С другой стороны, Англии, опасавшейся чрезмерного усиления влияния России в Турции, было в определенной мере выгодно усиление политического влияния Германии в Османской империи.

Серьезным испытанием на прочность англо-русских отношений стал вопрос о германской военной миссии в Константинополе. Британцы воздержались от дипломатического давления на Берлин даже под нажимом своих русских партнеров.

Так как Германия имела сильные позиции в турецкой армии, морская миссия никогда не предполагала единоличного британского политического доминирования в Турции: она лишь могла обеспечить серьезный противовес Берлину.

Усиление турецкого флота, которому способствовали английские офицеры, напрямую затрагивало внешнеполитические интересы Петербурга в районе Константинополя и Проливов.

Англо-русское соглашение 1907 г. оставило актуальным для двух держав вопрос о статусе Босфора и Дарданелл, но отныне обе стороны стремились использовать для его решения дипломатические, а не силовые средства.

Именно стремление противодействовать планам России, не применяя в открытую военную силу и сохраняя внешнюю видимость партнерских отношений перед лицом угрозы со стороны Тройственного союза стал одной из важнейших причин отправки британской военно-морской миссии в Турцию. Таким образом, ставка в споре с Россией отныне делалась на модернизированные морские силы Османской империи.

В конечном итоге русские были вынуждены смириться с имевшимся фактом, поскольку в сложившейся международной обстановке не могли жертвовать Антантой.

В качестве ответной меры Петербург приступил к наращиванию собственных сил на Черном море.

В российском военно-морском руководстве возникла идея формирования средиземноморского отряда судов, способного уравновесить преобладание турецкого флота в Черном море.

После вступления в Первую мировую войну Османской империи на стороне Германии Великобритания была вынуждена официально признать притязания России. Великобритания поступилась извечным внешнеполитическим принципом, поскольку была заинтересована в русской военной помощи и желала стимулировать русское правительство для ведения войны «до победного конца».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы

Российский государственный архив военно-морского флота

Фонд 417. Главный морской штаб. Петроград (1884-1918).

Опись 1.

1. О пребывании в Константинополе адмирала английского флота Ottlly в качестве директора судостроительных заводов фирмы Армстронг для получения заказов от турецкого правительства и об обсуждении проекта передачи фирме постройки порта, арсенала и доков в Измиде (из донесения командира канонерской лодки «Донец»), октябрь 1913 г. // Д. 4304. Л. 88–89

2. О заключении турецким правительством контрактов с судостроительными заводами Виккерса, Армстронга, Шнейдера на постройку судов в соответствии с судостроительной программой, январь–март 1914 г. // Д. 4378. Л. 91, 208–209

3. Об оказании турецким правительством знаков особого внимания английскому адмиралу Barkley Milne при посещении им Константинополя, июнь 1914 г. // Д. 4379. Л. 32

Фонд 418. Морской генеральный штаб. Петроград (1906-1918).

Опись 1.

1. Записка лейтенанта П.Ф. Келлера о возможных вариантах развития стратегических операций в предстоящую мировую войну с изложением возможной позиции Англии (нейтральной или участие в войне на стороне русско-французского союза) и о желательности заключения русско-английской военной конвенции, 1910 г. // Д. 31. Л.1.

2. О прибытии из Англии морских офицеров-инструкторов греческого флота (из строевого рапорта командира канонерской лодки «Уралец»), сентябрь 1913 г. // Д. 792. Л. 132–133, 139

3. Копия донесения морского агента в Англии о морских, стратегических и оперативных планах Англии, 9 октября 1912 г. // Д. 1315. Л. 82–86.

4. Газетная статья под заголовком «Англо-германский штиль» со сведениями о развитии английского и германского флотов, 10 сентября 1908 г. // Д. 2571. Л. 100.

5. Сведения о положении французских морских сил на Средиземном море (вырезка из заметки, помещенной в «Русском инвалиде»), 20 июня 1912 г. // Д. 2654. Л. 27.

6. Вырезка из газеты «Русский инвалид» со сведениями о военно-морском флоте Англии, 23 – 24 июня 1912 г. // Д. 2654. Л. 38.

7. «Английские вооружения». Вырезка из газеты «Новое время». 10 июля 1912 г. // Д. 2654, Л. 66; Вырезка из газеты «Речь» с заметкой «Морская политика в Англии», 12 июля 1912 г. // Д. 2654. Л. 70.

8. «Сроки близятся». Вырезка из газеты «Речь», 12 июля 1912 г. // Д. 2654. Л. 93

9. Главнейшие моменты в деятельности флота Великобритании за 1909 г. // Д. 2910. Л. 5

10. «Соображения по морской политике Великобритании» (Копия записки для памяти морского агента в Англии), 10 августа 1912 г. // Д. 2933. Л. 43–48

11. Копия рапорта морского агента во Франции капитана 1-го ранга Карцова от 7 мая 1912 года со сведениями о дислокации французского флота // Д. 2946. Л. 39–41

12. Копия рапорта морского агента в Италии старшего лейтенанта барона Врангеля от 31 декабря 1912 года начальнику Морского Генерального Штаба о программе деятельности итальянского морского министерства на ближайший период времени, в связи с окончанием войны с Турцией и приобретением новой колонии, декабрь 1912 г. // Д. 2949. Л. 1–2

13. Рапорты и донесения военно-морских агентов… о состоянии флота и армии, разработке судостроительной программы на 1911 г. и внешней политике Австро-Венгрии, январь 1910 – декабрь 1911 г. // Д. 3210. Л. 1–49

14. Донесения военно-морского агента в Англии о противоречиях между двумя главнейшими адмиралами английского флота Фишером и Бересфордом по вопросу организации отрядов и эскадр, апрель – ноябрь 1909 г. // Д. 3269. Л. 19–85

15. Донесения военно-морского агента (атташе) в Англии о внешней и внутренней политике британского правительства, об англо-германском военно-морском соперничестве и предстоящих коронационных торжествах, май 1910 – октябрь 1911 г. // Д. 3288. Л. 1–53

16. Сведения о дислокации судов английского флота, 1912 г. // Д. 3289. Л. 3–13

17. Донесения военно-морского агента в Англии об учреждении Морского военного штаба (Naval War Staff), 29 января 1912 г. // Д. 3303. Л. 2–14

18. Донесения морского агента в Англии и вырезки из газет по организационным вопросам английского Адмиралтейства о плавании и маневрах английского флота, январь – ноябрь 1913 г. // Д. 3317. Л. 1–56

19. Донесение военно-морского агента в Италии об откликах на увеличение австрийского флота, апрель 1909 г. // Д. 3803. Л. 9–35

20. Рапорта агенмора в Турции в Морской Генеральный Штаб о поддержке английской эскадрою нового режима в Турции (предложение англичан), 1908 г. // Д. 4188. Л. 102–141

21. Донесения военно-морского агента в Турции и очерк о внутреннем и международном положении Турции, сентябрь – ноябрь 1909 г. // Д. 4201. 1–87

22. Рапорт морского агента в Турции с обзором международного положения страны, 3 февраля 1909 г. // Д. 4204. Л. 1–6

23. О приобретении Турцией судов в Германии и Англии и о международном положении страны, 1910–1911 гг. // Д. 4207. Л. 1–140

Фонд 898. Военно-морской агент в Турции (1877, 1885-1914).

Опись 1.

1. Секретная записка морского агента в Англии «О морской политике Великобритании», 10 августа 1912 г. // Д. 4. Л. 4–7

Public Record Office (The National Archives). London

Admiralty, Secretary's Department (ADM)

1. Limpus Essay, 31 January 1914 / Naval mission to Turkey. 1914. ADM 1/8365/4. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.10.2014)

2. War with Germany. Memorandum by Captain E. J. W. Slade, 1 September 1906 / Royal Naval War College, Portsmouth. ADM 116/1036B. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.10.2014)

3. War Plans, 1907 / War Orders – Correspondence. 1907–1909. ADM 116/1037. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.11.2014)

4. War Plan. England and France vs. Germany / War Plans. 1907–1911. ADM 116/1043B, Pt. 1. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015)

5. War Plan. Germany, June 1908 / War Plans. 1907-1911. ADM 116/1043B, Pt. 1. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015)

6. War Plan. England vs. Germany and U.S.A, December 1908 / War Plans. 1907–1911. ADM 116/1043B, Pt. 1. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015)

7. England vs. the Triple Alliance / War Plans. 1907–1911. ADM 116/1043B, Pt. 2. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)

8. Sketch of the Action Necessary for War with Germany Alone, 1909, and Alternate Sketch Plan for War with Germany, April 1911 / War Plans. 1907–1911. ADM 116/1043B, Pt. 2. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)

9. Minute by Battenberg to a paper by Admiral Troubridge on Greek naval strength, 31 December 1912 / Naval strength and ship-building policy of Greece. 1912–1913. ADM 116/3098. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015)

10. Memorandum by Churchill, 2 January 1913 / Naval strength and ship-building policy of Greece. 1912–1913. ADM 116/3098. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.01.2015)

11. Anglo-French Naval Agreement. Action Combinee Dans La Mediterranee, 10 February 1913 / Co-operation with France in war. 1912–1914. ADM 116/3109. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)

12. Report of an interview with Adl Boué de Lapeyrère, January 1912 / Co-operation with France in war. 1912–1914. ADM 116/3109. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)

13. Draft Memorandum by Churchill, 9 December 1912; Minute by Battenberg, 27 December 1912 / Co-operation with France in war. 1912–1914. ADM 116/3109. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)

14. War Orders No. 2 for the Commander-in-Chief, Mediterranean / War Orders, Foreign Stations. 1912 – 1914. ADM 137/819. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015)

Cabinet Office (CAB)

1. Draft memorandum on the Naval War Staff by Battenberg with comments by Churchill / Naval War Staff. 1911–1914. CAB 1/ 31. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.04.2014)

2. Ottley to Churchill, 24 October 1911 / Naval War Staff. 1911–1914. CAB 1/31. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.04.2014)

3. German Cruisers in Mediterranean, memorandum by Battenberg, 19 June 1913 / Naval Manoeuvres. 1912–1913. CAB 1/33/1. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 21.04.2014)

4. Churchill to Grey and Asquith, most secret, and minute by Grey. 22 October 1912 / Admiralty Private Office miscellanea. 1911–1915. CAB 1/34. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 23.04.2014)

5. Milne to Churchill, 22 June 1913 / Admiralty Private Office miscellanea. 1911–1915. CAB 1/34. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 18.05.2014)

6. Report and Proceedings of a Sub-Committee of the Committee of Imperial Defence appointed to inquire into certain questions of Naval Policy raised by Lord

Charles Beresford, 12 August 1909 / Inquiry into certain Questions of Naval policy raised by Lord Charles Bereford: appendixes. 1909. CAB 16/9B. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 17.02.2015).

7. Hankey to Asquith, 8 July 1912 / The protection of Ocean trade in War. 1902–1912. CAB 17/3. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 05.03.2015)

8. The Mediterranean Fleet, memorandum by Churchill, 15 March 1911 / Photographic copies of cabinet papers. 1911. CAB 37/105. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 3.03.2015)

9. Report of the Conclusion arrived on the 11th February in reference to Russia and Constantinople, 14 January 1903 / Photographic copies of minutes and memoranda. 1888–1914. CAB 38/2. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.12.2014)

10. British Trade in the Mediterranean, May 1912 / Photographic copies of minutes and memoranda. 1888–1914. CAB 38/17. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 03.02.2015)

Foreign Office (FO)

1. Nicolson minute to O'Bierne to Grey, 30 August 1910 / Russia. 1910. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)

2. O'Bierne to Grey, 30 August 1910 / Russia. 1910. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)

3. O'Bierne to Grey, 4 September 1910 / Russia. 1910. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)

4. Mallet's minute to O'Bierne to Grey, 6 September 1910 / Russia. 1910 FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)

5. Grey to Lowther, 20 September 1910 / Russia. 1910. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)

6. Smith to O'Bierne, 24 November 1910 / Russia. 1910. FO 371/980. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.02.2015)

7. Elliot to Grey, 27 July 1912 / Greece. 1912. FO 371/1381. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 23.03.2015)

8. Report by Admiral Williams, 29 April 1912 / Turkey. 1912. FO 371/1487. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.11.2014)

9. Elliot to Grey, 12 May 1913 / Greece. 1913. FO 371/1655. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.09.2014)

10. Kerr to Greene, 18 October 1913 / Greece. 1913. FO 371/1656. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 21.09.2014)

11. Greene to Foreign Office, 19 December 1913 / Greece. 1913. FO 371/1656. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 21.09.2014)

12. Admiralty War Staff, “Spain and the Triple Entente”, 24 December 1912 / Spain. 1913. FO 371/1753. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 05.03.2015)

13. Lowther to Grey / Turkey. 1913. FO 371/1781. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 11.03.2014)

14. Mallet to Grey, 27 October 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1846. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.01.2015)

15. Mallet to Grey, 8 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1846. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.01.2015)

16. Mallet to Grey, 8 December 1913, minute by Crowe / Turkey. 1913. FO 371/1846. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 15.01.2015)

17. O'Bierne to Grey, 26 November 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

18. O'Bierne to Grey, 1 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

19. Mallet to Grey, 5 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

20. O'Bierne to Grey, 7 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

21. Grey to Mallet, 9 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

22. O'Bierne to Grey, 9 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

23. Limpus to Mallet, 11 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

24. Grey minute (27 December 1913) to: Limpus to Mallet, 11 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

25. Mallet to Grey, 12 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

26. Mallet to Grey, 13 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

27. O'Bierne to Grey, 14 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

28. Mallet to Grey, 14 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

29. Grey to O'Bierne, 15 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

30. Mallet to Grey, 15 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

31. Goschen to Grey, 15 December 1913 / Turkey. 1913. FO 371/1847. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 20.03.2015)

32. Minute by Crowe, 29 March 1914 / Greece. 1914. FO 371/1998. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 05.03.2015)

33. Buchanan to Grey, 6 January 1914 / Turkey. 1914. FO 371/2112. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 10.03.2015)

34. Lowther to Nicolson, 16 January 1913 / Miscellaneous correspondence. Volume 1. 1913. FO 800/362. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 25.04.2015)

35. Milne to Nicolson, 11 March 1913 / Miscellaneous correspondence. Volume 4. 1913. FO 800/365. URL: http://www. nationalarchives.gov.uk (дата обращения: 26.04.2015)

Опубликованные документы

1. Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего императорского российского министерства иностранных дел / под ред. Е.А. Адамова. Т. 1. М.;Л.: Литиздат НКИД, 1925. – 548 с.

2. *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 15. Трактаты с Францией. 1822-1905. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1909. – 836 с.

3. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 2. 1900 – 1913 гг. М.; Л.:

Госиздат, 1938–1940. – Т. 18, Ч. 1 (470 с.); Т. 18, Ч. 2 (382 с.); Т. 19: Ч. 1 (332 с.); Серия 3. 1914 – 1917 гг. М.; Л.: Госиздат, 1931–1938. – Т. 1 (614 с.); Т. 2 (559 с.); Т. 3 (467 с.); Т. 6, Ч. 1 (481 с.)

4. *Boyce D. (ed.)* The Crisis of British Power: The Imperial and Naval Papers of the Second Earl of Selborne. 1895–1910. L.: The Historians' Press, 1990. – 438 p.

5. *Bourne K., Watt D. (ed.)* British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part 1: From the mid-nineteenth century to the First World War. Series B: The Near and Middle East, 1856–1914. Vol.20: The Ottoman Empire under the young Turks, 1908-1914. Maryland: University Publications of America, 1985. – 447 p.

6. *G. Gooch and H. Temperley (ed.)* British Documents on the Origins of the War. 1898–1914. Vol. 1: The end of British isolation (461 p.); Vol. 3: The testing of the Entente 1904–6 (552 p.); Vol. 5: The Near East: The Macedonian problem and the annexation of Bosnia, 1903-9 (886 p.); Vol. 9. Pt. 1: The prelude: The Tripoli war (873 p.); Pt. 2: The League and Turkey (1190 p.); Vol. 10. Pt. 1: The Near and Middle East on the eve of war (1009 p.); Pt. 2: The last years of peace (921 p.); Vol. 11: Foreign office documents, June 28th – August 4th 1914 (433 p.). L.: H.M. Stationary Office, 1926–1938

7. *Churchill R.* Winston S. Churchill. The Official Biography. Companion Volume 2. Pt. 2: 1907–1911; Pt. 3: 1911–1914. L.: Heinemann, 1969

8. *Churchill R.* Winston S. Churchill. The Official Biography. Volume 2: Young statesman. 1901–1914. L.: Minerva, 1991. – 775 p.

9. Documents Diplomatiques Francaise. 1871–1914. Série 2: 1901–1911. T. 2: 1 janvier – 31 décembre 1902; T. 3: 3 janvier – 4 octobre 1903; Série 3: 1911–1914: T. 2. Paris, 1931: 8 février–10 mai 1912 (473 p.); T. 3: 11 mai–30 septembre 1912. Paris: Imprimerie Nationale, 1929–1936

10. *Fisher J.* Records. L.; N.Y.: Hodder and Stoughton, 1919. – 330 p.

11. German Diplomatic Documents. 1871-1914. Volume 3: The Growing Antagonism, 1898-1910. N.Y.: Harper & Brothers, 1930. – 441 p.

12. *Gilbert M.* Churchill: A life. L.: Pimlico, 2000. – 1066 p.

13. *Hurst M. (ed.)* Key Treaties for the Great Powers. Volume 2: 1871-1914. Newton Abbot: David & Charles, 1972.– 458 p.

14. *Kemp P. (ed.)* The Papers of Admiral Sir John Fisher. Volume 1 (413 p.); Volume 2 (472 p.). L.: Navy Records Society, 1960, 1964

15. *Marder A. (ed.)* Fear God and dread nought: the correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone. Volume 2: Years of power, 1904–1914. L: Jonathan Cape, 1956. – 521 p.

16. *Marder A.* Portrait of an Admiral: The Life and Papers of Sir Herbert Richmond. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1952. – 225 p.

Мемуары, дневники, письма

1. *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. М.: ГИЗ, 1925. – 312 с.

2. *Тирпиц А.* Воспоминания. М.: Вече, 2014. – 448 с.

3. *Asquith G.* The Genesis of the War. L.: Cassell, 1923. – 405 p.

4. *Churchill W.* The World crisis. Volume 1: 1911–1914. L.: Thornton Butterworth Ltd., 1923. – 536 p.

5. *Djemal Pasha A.* Memories of a Turkish Statesman. 1913. – 1919. N.Y.: George H. Doran Company, 1922. – 318 p.

6. *Fisher J.* Memories. L.; N.Y.: Hodder and Stoughton, 1919. – 279 p.

7. *Grey of Fallodon E.* Twenty-Five years (1892 – 1916). Volume 2. L.: Hodder, Stoughton, 1935. – 353 p.

8. *Hankey M.* The Supreme Command. 1914 – 1918. Volume 2. L.: George Allen & Unwin, 1961. – 467 p.

9. *Hohenlohe-Schillingfurst C.* Denkurdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Berlin-Stuttgart, 1931

10. *Kerr M.* Land, Sea and Air. N.Y.; L.: Longmans, Green and Co., 1927. – 406 p.

11. *Mélas G.* Ex-King Constantine and the War. L.: Hutchinson and Co., 1920. – 286 p.

12. *Rodd J.* Social and Diplomatic Memories. Volume. 3. 1902 – 1919. L.: Edward Arnold, 1925. – 404 p.

13. *Tirpitz A.* My Memoirs. Volume 2. N.Y.: Dodd, Mead and Co. 1919. – 428 p.

14. *Verner R.* The Battle Cruisers at the Action of the Falkland Islands. L.: John Bale, Sons & Danielsson Ltd., 1920. – 85p.

Периодические издания

Газеты:

1. Кронштадтский вестник. 1908–1911 гг.

2. Новое время. 1912 г.

3. Речь. 1908, 1911–1912 гг.

4. Россия. 1910 г.

5. Русские ведомости. 1911 г.

6. Русский инвалид. 1906 –1913 гг.

7. Русское слово. 1913 г.

8. Daily Mail. 1902 г.

9. Globe. 1902 г.

10. Naval and Military record. 1905 г.

11. Standard. 1908 г.

12. The Daily News. 1912 г.

13. The Daily Telegraph. 1911–1912 гг.

14. The London gazette. 1914 г.

15. The Saturday review. 1901 г.

16. The Times Weekly Edition. 1913 г.

17. The Times. 1893, 1911–1912 гг.

Журналы:

1. Историк-марксист. 1929 г.

2. Красный архив. 1924 г.

3. Морской сборник. 1898, 1908, 1911–1914, 1920 – 1921, 1925, 1928 – 1929 гг.

4. Foreign Affairs. 1937 г.

5. Jane’s fighting ships. 1906 – 1907, 1910 – 1911 гг.

6. The Naval Annual. 1893, 1894, 1901 – 1905, 1910, 1912, 1914 гг.

7. The Nineteenth century. 1895 г.

8. The Ninetenth Century and after. 1901, 1907 гг.

9. The North American Review. 1894 г.

10. The United Service Magazine. 1894 г.

Теория морской войны

1. *Коломб Ф.* Морская война. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 668 с.

2. *Корбетт Д.* Некоторые принципы морской стратегии. М.: Госвоениздат, 1932. – 112 с.

3. *Мэхэн А.* Влияние морской силы на историю. 1660–1783. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 634 с.

ЛИТЕРАТУРА

Диссертации

1. *Лихарев Д.В.* Морская политика Великобритании в 1900-1930 гг.: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 1994. – 472 с.

2. *Сенокосов А.Г.* Англия и Антанта: на пути к военно-политическому союзу: дис. … канд. ист. наук. М., 2005. – 273 с.

Монографии

1. *Аветян А.С.* Германский империализм на Ближнем Востоке: Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М.: «Международные отношения», 1966. – 152 с.

2. *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910 – 1914. М.: «Наука», 1985. – 288 с.

3. *Айрапетян М.Э., Могилевич А.А.* На путях к мировой войне 1914-1918гг. М.: ОГИЗ, 1940. – 294 с.

4. *Бедарида Ф.* Черчилль. М.: «Молодая гвардия», 2006. – 457 с.

5. *Бондаревский Г.Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX – начало XX вв.). М.: «Наука», 1968. – 542 с.

6. *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография Первой мировой войны. М.: Соцэкгиз, 1962. – 402 с.

7. *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908-1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л.: Издательство ЛГУ, 1964. – 160 с.

8. *Виноградов К.Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М.: «Мысль», 1970. – 418 с.

9. *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905−1912 гг. М.: Издательство МГУ, 1960. – 266 с.

10. *Доценко В.Д.* Основоположник теории морской силы // Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660-1783. М.;СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 5–8

11. *Звавич А.И.* Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М.: Учпедгиз, 1962 – 144 с.

12. *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908-1914). М.: Соцэкгиз, 1962. – 239 с.

13. История дипломатии / под ред. В.М. Хвостова. Т.2: Дипломатия в Новое время. 1871-1914. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. – 823 с.

14. История дипломатии / под ред. В.П. Потёмкина. Т. 2: Дипломатия в Новое время. 1872-1919 гг. М.;Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. – 423 с.

15. История Первой мировой войны / под. ред. И.И. Ростунова. М.: «Наука», 1975. Т.1 (446 с.); Т.2 (607 с.)

16. *Кертман Л.Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: «Мысль», 1990. – 542 с.

17. *Коленковский А.К.* Дарданелльская операция. М.;Л.: ГИЗ, 1930. – 136 с.

18. *Корбетт Дж.* Операции английского флота в Первую мировую войну. Мн.: «Харвест», 2003. – 480 с.

19. *Лихарев Д.В.* Эра адмирала Фишера: Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток: Издательство ДВУ, 1993. – 296 с.

20. *Лунева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908−1914). М.: «Квадрига», 2010. – 256 с.

21. Мировые войны XX века. М.: «Наука», 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / под ред. Г.Д. Шкундина (686 с.); Кн. 2: Первая мировая война: Документы и материалы / под ред. В.К. Шацилло (686 с.)

22. *Молок А.И.* Предисловие // Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю: 1793-1812 гг. Т.1. М.;Л.: Издательство НКВМФ СССР, 1940. – 608 с.

23. *Остальцова А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1977. – 277 с.

24. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / под ред. Ю.А. Писарева, В.Л. Малькова. М.: «Наука», 1994. – 304 с.

25. Первая мировая война: пролог XX века / под ред. В.Л. Малькова. М.: «Наука», 1998. – 693 с.

26. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М.: «Наука», 1985. – 286 с.

27. *Полетика Н.П.* Возникновение мировой войны. М.;Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 728 с.

28. *Полетика Н.П.* Капитан А.Т. Мэхэн и его книги // Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю: 1660-1783 гг. М.;Л.: Военмориздат, 1941. – 440 с.

29. *Романова Е.В.* Путь к войне: развитие англо-германского конфликта. 1898−1914 гг. М.: МАКС Пресс, 2008. – 328 с.

30. *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908–1914). М.: «Наука», 1976 – 357 с.

31. *Синегубов С.Н.* Упорство против силы: германо-английское морское противостояние в 1900–1914 гг. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2010. – 606 с.

32. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М.; Л.: Госиздат, 1927 – 483 с.

33. *Томази А.* Морская война на Адриатическом море. М.;Л.: Военмориздат, 1940. – 164 с.

34. *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М.: «Международные отношения», 1982. – 464 с.

35. *Туполев Б.М.* Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX вв. М.: «Наука», 1991 – 292 с.

36. *Тэйлор А.* Борьба за господство в Европе. 1848-1918. М.: Иностранка, 1958. – 644 с.

37. *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. 1. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. – 388 с.

38. *Шацилло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906 –1914 гг.). М.: «Наука», 1968. – 368 с.

39. *Шилов С.П.* Кайзеровский военно-морской флот и Россия: От идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897–1914 гг. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. – 143 с.

40. *Яхимович З.П.* Итало-турецкая война 1911–1912. М.: «Наука», 1967. – 204 с.

41. *Charmley J.* Splendid Isolation? Britain, the Balance of Power and the Origins of the World War. L.: Hodder and Stoughton, 1999. – 525p.

42. *Clayton G.* Britain and the Eastern Question: Missolonghi to Gallipoli. L.: University of London Press, 1971. – 256 p.

43. *Crampton R.* The Hollow Détente: Anglo-German Relations in the Balkans. 1911–1914, L.: George Prior Publishers, 1979. – 255 p.

44. *D'Ombrain N.* War Machinery and High Policy: Defence Administration in Peacetime Britain. 1902–1914. Oxford: Oxford University Press, 1973. – 302 p.

45. *Dewar K.* The Navy From Within. L.: Victor Gollancz Ltd., 1939

46. *Dickinson G.* The International Anarchy. 1904–1914. L.: G. Allen & Unwin, 1937. – 516 p.

47. *Dilke C.* L'Etat actuel de politique en Europe. P.: Revue générale, 1887. – 35 p.

48. *Edwards A.* Britain, Europe and the World. 1848–1918. L.: Heinemann, 1979. – 373 p.

49. *Ferguson N.* The Pity of War. L.: Allen Lane/Penguin Press, 1998. – 624 p.

50. *Gibbons H.* The New Map of Asia (1900 –1919). N.Y.: The Century Co., 1919. – 718 p.

51. *Gibbons H.* The New Map of Europe (1911–1914): the story of the recent European diplomatic crises and wars and of Europe's present catastrophe. N.Y.: The Century Co., 1915. – 464 p.

52. *Glanville J.* Italy's Relations with England. 1896 –1905. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1934. – 170 p.

53. *Gooch G.* Recent Revelations of European Diplomacy. L.: Longmans, Green and Co., 1927. – 218 p.

54. *Hale O.* Publicity and Diplomacy, with special reference to England and Germany. 1890 –1914. N.Y.: D. Appleton-Century Co., 1940. – 486 p.

55. *Halpern P.* The Mediterranean Naval Situation. 1908-1914 // Harvard Historical Studies. V. 86. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1971. – 415 p.

56. *Heller J.* British Policy towards the Ottoman Empire. 1908−1914. L.: Frank Cass, 1983. – 519 p.

57. *Herwig H.* Luxury Fleet. The Imperial German Navy. 1888 –1918. L.: George Allen & Unwin, 1980. – 340 p.

58. *Jenkins R.* Asquith. L.: Harper Collins, 1986. – 572 p.

59. *Kennan G.* The Fateful Alliance: France, Russia and the coming of the First World War. Manchester: Manchester University Press, 1984. – 304 p.

60. *Kennedy A.* Old Diplomacy and New. L.: John Murray Ltd., 1922. – 414 p.

61. *Kennedy P.* Strategy and Diplomacy. 1870 –1945. L.: George Allen and Unwin, 1983

62. *Kennedy P.* The Rise and Fall of British Naval Mastery. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1976. – 405 p.

63. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y.: Vintage Books, 1987. – 677 p.

64. *Kennedy P.* The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860 −1914. L.: Humanity Books, 1987. – 604 p.

65. *Kent M.* The Great Powers and the End of Ottoman Empire. L.: George Allen and Unwin, 1948. – 237 p.

66. *Knaplund P.* Gladstone's Foreign Policy. N.Y.: Harper & Bros, 1935. – 303 p.

67. *Lambi I.* The Navy and German Power Politics. 1862 –1914. L.: Allen & Unwin, 1984. – 440 p.

68. *Langer W.* The Diplomacy of Imperialism. Volume 1. L.; N.Y.: Alfred A. Knopf, 1935. – 414 p.

69. *Lowe C., Dockrill M.* Mirage of Power. British Foreign Policy. Volume 1: 1902–14. L.: Routledge & Kegan Paul, 1972. – 176 p.

70. *Mackay R.* Fisher of Kilverstone. Oxford: Oxford University Press, 1973. – 539 p.

71. *Marder A.* The Anatomy of British seapower – A history of British naval policy in the preDreadnought era 1880 –1905. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1940. – 580 p.

72. *Marder A.* From Dreadnought to Scapa Flow: the royal navy in Fisher era. Volume 1: The road to war. 1904 –1914. Oxford: Oxford University Press, 1961. – 496 p.

73. *Monger G.* The End of Isolation: British Foreign Policy 1900 –1907. L.: Nelson, 1963. – 343 p.

74. *Morgan T.* Churchill: Young Man in a Hurry. 1874—1915. N.Y.: Simon and Schuster, 1982 – 608 p.

75. *Nicolson H.* Sir Arthur Nicolson. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Co., 1930. – 337 p.

76. *Pribram A.* The Secret Treaties of Austria Hungary. 1879 –1914. Volume 2. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1921. – 294 p.

77. *Renouvin P.* Histoire des relations internationals. T. 6: Le XIX-e siècle: De 1871 à 1914. L'apogée de l'Europe. Paris: Hacette, 1955. – 401 p.

78. *Renouvin P.* Les Questions méditerranéennes de 1904 à 1914. Paris: Centre de Documentation Universitaire, 1958. – 52 p.

79. *Schmitt B.* The coming of the war 1914. Volume 1. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1930. – 539 p.

80. *Schurman D.* Julian S. Corbett. 1854 – 1922: historian of British maritime policy from Drake to Jellicoe. L.: Royal Historical Society, 1981. – 216 p.

81. *Schurman D.* The Education of a Navy: The Development of British Naval Strategic Thought. 1867 – 1914. L.: Cassell and Company Ltd., 1967. – 213p.

82. *Seton-Watson R.* Britain in Europe, 1789 – 1914: A Survey of Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1937. – 716 p.

83. *Sondhaus L.* The Naval Policy of Austria-Hungary. 1867 – 1918. West Lafayette: Purdue University Press, 1994. – 464p.

84. *Sontag R.* European Diplomatic History. 1871 – 1932. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1933. – 425 p.

85. *Steiner Z.* The Foreign Office and the Foreign Policy 1898 – 1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 262 p.

86. *Sumida J.* In Defence of Naval Supremacy: Finance, Technology and British Naval Policy. 1889 – 1914. L.; N.Y.: Routledge, 1993. – 400 p.

87. *Trevelyan G.* Grey of Fallodon. L.: Longmans, 1937. – 394 p.

88. *Williamson S.* The Politics of Grand Strategy. Britain and France prepare for War. 1904 – 1914. Cambrige (Mass.): Harvard University Press, 1969. – 409 p.

89. *Woodward E.* Great Britain and the German Navy. Oxford: Oxford Ubiversity Press, 1935. – 524 p.

Публикации в периодических изданиях

1. *Васильев А.Н.* Военно-морская политика Великобритании и позиция доминионов накануне Первой мировой войны // Вестник Ленинградского университета. 1983. Серия: история, язык, литература. Вып. 1. С. 107–109

2. *Дементьев И.П.* Доктрина морской мощи Альфреда Мэхэна // США: экономика, политика, идеология. 1972. № 5

3. *Захер Я.М.* Константинополь и Проливы (Очерки из истории дипломатии накануне Первой мировой войны) // Красный архив 1924. Т. 7. С. 32–54

4. *Захер Я.М.* Русская политика по вопросу Константинополя и Проливов во время Триполитанской войны // Известия Ленинградского государственного педагогического института А.И. Герцена. 1928. Выпуск 1. С. 41–53

5. *Звавич И.С.* Альфред Мэхэн как историк морского могущества Великобритании (Историографический очерк) // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. 1948. Выпуск 8

6. *Лихарев Д.В.* Уинстон Черчилль и военный флот 1911–1915 // Гуманитарные исследования. Выпуск 2. Уссурийск: Издательство УГПИ, 1998. С. 208 –224

7. *Лихарев Д.В., Виноградов К.Б.* Адмирал Фишер и борьба Великобритании за господство на морях в начале XX века // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 158 – 177

8. *Сергеев Е.Ю.* «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях России и Великобритании // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. №2. С. 80 – 93

9. *Сергеев Е.Ю.* Англо-русская Антанта 1907 года. Новые аспекты // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 50 – 65

10. *Синегубов С.Н.* Синдром «морской паники»: к вопросу о позиции германского руководства по проблеме флотского соглашения с Великобританией (апрель-июль 1909 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). История. Вып. 32. С. 109–116.

11. *Сокольская Н.Ф.* Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия конца XIX - начала XX века // Ежегодник германской истории. 1986. С. 74 – 99

12. *Туполев Б.М.* Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 27 – 46

13. *Likharev D.V.* Russian Sources on British Naval History. 1900 – 1918 // The Mariners Mirror. 1999. Volume 85. P. 329 –334

14. *Rooney C.* The International Significance of British Naval Missions to the Ottoman Empire. 1908-1914 // Middle Eastern Studies. 1998. Volume 34. No. 1. P. 1 – 29

Публикации в непериодических сборниках

1. *Бондаревский Г.Л.* Борьба за Триполитанию и Киренаику на рубеже XIX – XX вв. // Колониализм вчера и сегодня. М.: «Наука», 1964. С. 35 –102

2. *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г. // Проблемы британской истории. 1972. М.: «Наука», 1973. С.169 –196

3. *Кулаков В.М.* О военно-политических взглядах А.Т. Мэхэна // Основные проблемы истории США в американской историографии (1861-1918) / под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: «Наука», 1974. – 360 с.

4. *Лихарев Д.В., Виноградов К.Б.* Британский флот на пути к Первой мировой войне. 1904 – 1916 // Постигая военную историю / под ред. В.А.Золотарева. М.: Воениздат, 1991. С. 136–154

5. *Лихарев Д.В.* Британское Адмиралтейство и стратегическое планирование в «эру Фишера» // Морской флот и морской фактор в истории / под ред. Н.П. Писаревского. Воронеж: Издательство ВГУ, 1997. С. 125 –143

6. *Лихарев Д.В.* Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война: пролог XX века / под ред. В.Л. Малькова. М.: «Наука», 1998. С. 554 –570

7. *Носков В.В.* К истории консервативных традиций в историографии США (историческое наследие А.Т. Мэхэна) // Критика концепций современной буржуазной историографии: Отечественная и зарубежная история (Межвузовский сборник) / под ред. Р.Г. Скрынникова. Л.: Издательство ЛГУ, 1987

8. *Раскин А.П.* Зарубежная историография теории «морской силы» А.Т. Мэхэна // Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений (XIX-XX вв.): Сборник научных статей / под ред. В.К. Фураева. Л.: Издательство ЛГПИ, 1977. – 139 с.

9. *Haggie P.* The Royal Navy and the War Planning in the Fisher Era // *Kennedy R. (ed.)* The war plans of the great powers. 1880 –1914. L.: George Allen & Unwin, P. 118 –133

10. *Kennedy P.* Maritime Strategieprobleme der deutsch-englischen Flottenrivalitat // Marine und Marinepolitik im Kaiserlichen peutschland. 1871 – 1914. Dusseldorff: 1972. S. 180 –181

Электронные материалы

1. Династические и политические отношения перед Критским восстанием (1897—1898). Интернет-сайт «Критское восстание (1897—1898)». URL: www.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 15.01.2015)

2. Ропп Т. Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871–1904. Интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/science/ropp/index.html. (дата обращения: 15.03.2015)

3. Черчилль У. Мировой кризис. Интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/memo/english/churchill2/index.html (дата обращения: 20.06.2013)

4. Miller G. The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900-1914, the Commitment to France and British Intervention in the War//The Millstone by Geoffrey Miller.htm. (дата обращения: 15.05.2015)